

Вера Чиркова

Спасти нельзя оставить.
Хранительница

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Оставшаяся сиротой юная Леаттия, вышедшая из знатного, но обедневшего и утратившего власть рода герцогов Брафортских, решается на невероятно дерзкий и никем не ожидаемый шаг – сбегает от жениха, которого обожала почти пять лет. Причины ее безумного поступка не дано понять никому, кроме магов из темной гильдии, вставших на сторону беглянки в борьбе против могущественного герцога, за спиной которого чувствуется мрачная власть черного колдуна. Но и они пока не догадываются, сколько удивительных тайн и открытий несет им это сотрудничество и как скоро их жизнь переменится необычным образом.

- [Вера Чиркова](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Глава тринадцатая](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая](#)
  - [Глава шестнадцатая](#)
  - [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)
  - [Глава двадцатая](#)
  - [Глава двадцать первая](#)
  - [Глава двадцать вторая](#)
  - [Глава двадцать третья](#)
  - [Глава двадцать четвертая](#)

- [Глава двадцать пятая](#)
  - [Глава двадцать шестая](#)
  - [Эпилог](#)
-

Вера Чиркова

Спасти нельзя оставить. Хранительница

Глава первая

На несколько секунд все присутствующие застыли безмолвными статуями, бдительно следившими за каждым движением придворного мага Овертона.

Каждый знал точно – магические схватки долгими не бывают. Разве только у начинающих магов. А у магистров они всегда почти мгновенны, старшим мастерам хватает одного отработанного удара, чтобы справиться с любым обидчиком.

– Не горячись, Зел, – предостерегающе произнес Эгрис, твердо глядя старому другу прямо в глаза. – Поверь мне на слово, все вовсе не так, как кажется на первый взгляд. Обещаю, скоро сам это поймешь. А салют за тебя сегодня пусть устроят мои ученики, вот эти трое. Они же и сообщат герцогу о твоём срочном уходе в Гайртон. Поясни им, что делать, и веди нас к источнику, порталом туда пройти не удастся.

– Я могу попробовать уйти, – тихо сказала Леа, уже слышавшая голос духа.

– Не могу понять, – мрачно процедил еще пылающий гневом Зелад, – она дурочка или сумасшедшая, твоя новая племянница? Я не вижу в этой наглой девчонке ни грана способностей!

– Я же прошу просто поверить! – вздохнул Эгрис. – Даю слово, если захочешь – сможешь чуть позже вернуться к своему герцогу.

И это была не элементарная дань вежливости, а признание права собрата на собственный выбор.

Когда-то они были просто друзьями, молодой наследник герцога Виториус и ученик темного мага. Вместе развлекались и защищались от интриг и ловушек, вместе не раз ввязывались в довольно опасные приключения. Но с тех пор как Зелад получил звание магистра, он вот уже тридцать лет служит тут придворным магом и искренне считает дворец своим домом. И никому не позволяет покуситься на свое привилегированное положение и негласную власть.

Напряжение, сквозившее между магами, всерьез встревожило Леагтию. От гордых, независимых темных ощутило веяло опасностью, и в этой ситуации можно было ожидать от них самых неожиданных поступков.

Хранительница очень надеялась на многолетний опыт магистров и их умение спокойно разбираться в различных недоразумениях. И одновременно понимала, как трудно будет придворному магу взять себя в

руки, пока он раздражен ее присутствием.

Ей вдруг отчаянно захотелось уйти отсюда, и Леа крепко зажмурила глаза, так дух почему-то отзывался быстрее. Девушка мысленно попросила его о помощи, а в следующий миг, не почувствовав ни холода, ни жара и не заметив вспышки света или ощущения полета, открыла глаза в совершенно другом месте.

Довольно просторная комната была украшена, как положено часовне храма Трех богов, которых чтили жители срединной части континента. Резные панно из потемневшего мрамора на потолке и верхней части стен, ковры и гобелены над широкими деревянными лавками, стоящими по обе стороны широкого прохода, ведущего к постаменту со статуями, за которым пряталась дверь в хранилище источника.

На фоне этой строгой мрачноватой старины сидящие на одной из лавок нарядные маги казались неуместно ярким пятном, случайно заблудившимся в лабиринте дворцовых помещений. И лишь через несколько мгновений Леа рассмотрела их расширенные от изумления глаза и поспешила приветливо улыбнуться и помахать рукой.

– Элайна? Откуда... – вскочила с лавки Ирсана, узнав возникшую посреди комнаты хранительницу. – А где Эгрис и Джар?

– Сейчас придут, – успокоила наставницу Леаттия и радушно кивнула Бензору и целительнице: – Мирного вечера!

– Тогда отойди в сторону, – потянула ее к себе знахарка, – если не хочешь, чтобы кто-нибудь сломал тебе шею, вывалившись из портала. Хотя магический путь всегда ставит человека на свободное и безопасное место, мы все же стараемся в центре не оставаться. Бывали случаи – то амулет срабатывал на неожиданное появление незнакомых магов, то в момент появления приходящих человек вдруг вздумал шагнуть.

Вполуха слушая это наставление, Леа покорно шла следом за ней, пытаясь вспомнить болтовню навязчивого сыскаря и понять, отчего она сама не раскусила его лживости? Ну, почти... ведь был же он ей чем-то неприятен. Может, это интуиция наконец проснулась?

– А вот и она, – раздался уверенный голос Вельтона, и, резко обернувшись, Леаттия обнаружила посреди комнаты кучку магистров.

Как вовремя магиня увела ее в сторону. Хранительница еще думала, а бывший ученик черного мага уже стоял рядом с ней.

Галантно подхватил хранительницу под руку, отвел к скамье и усадил, немедленно заняв место слева от нее.

– Открывай хранилище источника, – скомандовал Зеладу глава гильдии. – Как недавно выяснилось, все алтари залиты засохшей кровью и

зельями. Все это необходимо хорошенько отмыть. Причем магией чистить нежелательно.

– У меня тут две прислужницы, – мигом решил задачу овертонский магистр, и спорить с ним никто не стал.

Даже Джар, севший справа от ученицы, больше не проявил рвения браться за грязную работу.

Почти полчаса, пока шустрые служанки скребли щетками алтарь, все сидели молча – и гости, и Зелад, считавший себя полноправным хозяином этого места. Говорить при слугах о важных делах маги не собирались, а обмениваться любезностями ни у кого не было желания. Эгрис с неудовольствием думал, что оказался совершенно не готов к таким вот вторжениям в дела и заботы своих братьев по гильдии, да и они, как выяснилось, тоже считали подобную наглость непозволительной. И теперь ему предстояло загодя приготовить какие-нибудь особые защитные заклинания и, что важнее, убедительные доводы, оправдывающие такие действия.

А может, даже написать речь или сразу указ, чтобы его появления без видимой цели и повода не казались независимым магом неожиданными и нахальными. Он незаметно покосился на Леаттию, безучастно сидевшую с прикрытыми глазами между магами, и подавил тяжелый вздох. Пока никакого соперничества между ними как будто не заметно, и пусть так будет и дальше. Терять дружбу любого из них Зелад не желал совершенно, а без этого не обойдется, если придется принимать чью-то сторону.

– Все готово, господин маг, – поклонилась придворному магистру одна из служанок, остановившись перед ним с бадьей, в которой темнела багровая жидкость.

– Иди, – властным кивком отпустил ее Зелад и величественно обернулся к братьям, явно собираясь что-то сказать.

Но замер оскорбленной статуей, обнаружив, что наглая бездарная девчонка уже направилась к двери хранилища так решительно, словно шла в лавку булочника.

Возмущение, смешанное с праведным гневом собственника, уже более тридцати лет охраняющего это место, вспыхнуло в груди жарким огнем. Желание остановить нахалку было так сильно, что, даже не успев подумать, придворный маг послал в нее воздушную волну, свое обычное средство наказания слишком дерзких слуг или придворных.

И тут же, рассмотрев сомкнувшиеся над неучливой гостьей огненные щиты, с досадой рыкнул, вмиг сообразив, во что сейчас выльется его несдержанность. Дураком или беспечным пустозвоном Зелад и смолоду не

был, а за годы придворной жизни научился мгновенно просчитывать последствия любых поступков и действий. И, почувствовав рванувший в лицо ветер, от огорчения стиснул руки в кулаки, впиваясь в кожу ногтями, и пошире расставил ноги, надеясь выстоять перед срикошетившим собственным ударом.

Однако огненный шквал, широкой воронкой расходящийся от так ничего и не заметившей нахалки, уже исчезнувшей в полумраке каменного прохода, вдруг стих и опал, коснувшись ног магов жарким дыханием суховея.

– Я же просил! – с укоризной выкрикнул глава гильдии и ринулся в хранилище вслед за «племянницей», но охранявшие ее маги оказались впереди его.

Даже обе целительницы уже стояли у прохода, и Зеладу поневоле пришлось сделать шаг назад и, пряча зубовой скрежет, пропустить впереди себя всех неожиданных посетителей источника. А уже потом, сдерживая собственное нетерпение, важно и словно нехотя пройти по узкому тоннелю сквозь толщу охраняющих алтарь стен, чтобы обнаружить новое возмутительное зрелище.

Неучтивая девчонка прямо в обуви залезла в чисто вымытую нишу алтаря. Поднявшись на широкую каменную полку, где они обычно раскладывали камни и амулеты, прижалась к усеянной мелкими самоцветами стене и рисовала на ней ладонями круги и восьмерки.

– Ну это... – раздраженно начал Зелад и потрясенно замер, не в силах отвести взор от внезапно вспыхнувших всеми цветами камней.

А затем ниша наполнилась серым туманом и исчезла, заслоненная вмиг выросшим каменным барьером. Никогда и нигде он ничего не читал про такие чудеса и даже не слышал ни о чем подобном. Магистр ошеломленно оглядел собратьев, ожидая увидеть на их лицах такое же недоумение и растерянность, какие испытывал сам. Но пораженной и встревоженной казалась только Миралина, главная целительница Рахарга, все остальные выжидающе смотрели на камень, явно не испытывая никакого беспокойства за поглощенную им девицу. Определенно не такую уж бездарную, какой она виделась магическим зрением. Значит, либо носит неизвестный Зеладу артефакт, либо он присутствует при открытии великой тайны, усмехнулся магистр, готовясь терпеливо дождаться конца этого странного действия.

Теперь он больше не жалел, что не сам устроит фейерверк для ставших почти родными молодых герцогов, их избранниц и толпы наивных дебютанток.

Для темных магов тайны такого рода значительно заманчивее всех тех редких и дорогих развлечений, за которыми гоняются правители и знатные господа всех стран этого мира. Да и любого другого, если они, разумеется, есть, эти миры, как утверждают некоторые философы.

– Она там не задохнется? – обеспокоенно шепнула побледневшая Миралина, и глава гильдии отрицательно качнул головой.

Несколько минут они молча сверлили взорами серый камень, но никто так и не уловил тот момент, когда он исчез. Не растаял, не вдвинулся в стены, не осыпался песком. Просто исчез, словно растворился в стремительном портале, явив им самую удивительную картину на свете.

«Племянница» Эгриса, живая и невредимая, находилась там же, где и прежде, на выступе, только теперь лицом к ним. Но вовсе не она приковала к себе взоры потрясенных магов.

Рядом с девушкой стоял самый необыкновенный из всех когда-либо встреченных ими мужчин, и ни у кого не возникло и грана сомнений, что к человеческой расе он никогда не принадлежал.

Незнакомец оказался почти на локоть выше высокого Джарвиса, а его широченные плечи едва не упирались в стенки ниши. И могучие, как у молотобойца, мускулистые руки были под стать плечам и короткой крепкой шее. Но все это маги рассмотрели позднее, первой бросалась в глаза нечеловеческая красота угловатого и горбоносого, красновато-смуглого лица с огромными пронизательными очами жарко-золотого цвета.

Его хотелось разглядывать бесконечно, как странно-прекрасную диковинку, одновременно восхищающую и тревожащую разум невероятными предположениями и смутными догадками. Мощные скулы были высоки и круты, дерзко изогнутые густые багряные брови разлетались к вискам крыльями стрижей, неожиданно густые ресницы того же оттенка прикрывали перечерченные жутковатым поперечным зрачком насмешливо прищуренные глаза. Но четко очерченный чувственный рот был сурово сжат, словно незнакомец на что-то сердился.

– Не похож он на эльфа, – тихонько выдохнула Миралина, первой нарушив напряженную тишину.

– Эльфы не были самой старшей расой нашего мира, – спокойно произнесла Леаттия, которой дух намеренно отдал роль посредника. – Сначала сюда пришли драконы.

– Я так и подумал, – скорее для самого себя, чем для присутствующих, пробормотал Эгрис и осторожно осведомился: – А он нас понимает?

– Он знает все языки этого мира и всех старших рас. И коротко ответит на волнующие вас вопросы, когда вы привыкнете к его виду и осознаете,

с кем разговариваете.

– То есть, – сообразительно прищурился Вельтон, – этот дракон читает наши мысли?

– Неверно, – раскатисто громыхнул дракон. – Я ощущаю все ваши эмоции.

– Занятно, – недоверчиво буркнул Зелад, начиная подозревать, что девчонка владеет магией иллюзий, но каким-то образом скрывает свои способности. Более ничем объяснить появление этого фантома он не мог.

– Для тебя – нет, – глянув на него, пророкотал незнакомец. – Я велел собрать здесь сильных магов, умеющих трезво мыслить и управлять своими эмоциями. А ты впечатлителен и обидчив, как подросток. И сейчас снова ищешь подвох, забыв, что всего несколько минут назад я погасил волну огня, которая могла обжечь и тебя, и всех твоих друзей. У меня нет ни времени, ни желания на долгие пояснения, поэтому покажу наглядно.

Он протянул вперед руку ладонью вверх, и Зелад с ужасом ощутил, что не может пошевелить даже пальцем. А затем и вовсе обмер, чувствуя, как сами поползли с его пальцев и запястий кольца и браслеты, снялись с шеи мощнейшие амулеты и соскользнул с торса зачарованный пояс вместе с оружием, кошельками и разными фляжками.

И все это легкими бабочками перепорхнуло на широкую красноватую ладонь с длинными пальцами.

– Зачем столько камней и металла магу, уверенно кастиующему воздушные и водные заклинания, – пренебрежительно тряхнул этим арсеналом дракон, – когда можно просто поставить на себя отталкивающий воздушный щит? Примерно на расстоянии двух пальцев от тела, тогда он будет брать мало энергии и незаметен с первого взгляда.

– Вот потому и таскает, – беззлобно усмехнулась Миралина, – чтобы ничего не кастовать и вдобавок выглядеть внушительно и загадочно.

– Это неверный путь, – рыкнул дракон, высыпал имущество магистра в неведомо откуда взявшийся кожаный мешок и втиснул его в начавшие оживать руки Зелада, – но я не намерен учить вас тому, чего вы сами не хотите. Скажу о другом. Две тысячи лет назад, уходя из этого мира, мы оставили вам надежные хранилища, заполненные энергией, и сеть связанных с ними источников. И проверенного хранителя, чей род должен был следить за порядком этой системы. Закрывать ненужные источники, добавлять силы тем, где прибавилось населения и магии не хватает.

– А можно вопрос?.. – осторожно осведомился Бензор. – Почему вы не придумали защиту для хранителей?

– Все мы предусмотрели, – не согласился с ним дракон, – хотя

некоторых тонкостей развития цивилизации предугадать невозможно.

– Тогда почему не защитили их, когда Кайоры отбирали власть? – настойчиво вглядывался в озаренное внутренним светом красноватое лицо казначей темной гильдии.

– Они не пожелали просить помощи, опасаясь гибели невинных людей, – сухо ответил дракон. – И я счел этот довод разумным.

– Так это Брафорты были хранителями? – начал догадываться Зелад. – Тогда почему все они погибли, а последняя из рода сбежала с любовником, убив служанку?

– Не повторял бы ты пущенных Кайором слухов, – тихо одернул его Эгрис. – Никакого любовника не было, и никого она не убивала. Это мы с Джаром ее освободили и увели в Гайртон, по заданию графини Расельены.

– А шепнуть мне по дружбе ты не мог? – моментально все переоценив, яростно стиснул зубы придворный маг герцога Овертонского.

– Мы все прошли проверку, – хмуро буркнул Эгрис. – Духу источников нужны надежные помощники.

– Значит, я ее не прошел, – помрачнел Зелад. – И что теперь со мной будет?

– Если бы тебя не сочли достойным, был бы сейчас там, где Даггер, – вмешалась в разговор Леа. – Но дух не жесток. Он всего лишь справедлив.

– И чего он ждет от нас? – осведомился Бензор, пристально всматриваясь в безучастно изучающего их духа.

– Желания и готовности помочь Леаттии Брафорт исправить ошибки, которые ведут ваш мир к полной потере магической энергии, – заявил дракон так жестко, что ни у кого не возникло сомнений в достоверности этого сообщения.

– Мы готовы, – твердо заявил Эгрис. – Леаттия вступила в нашу гильдию и имеет право потребовать любую помощь. Но она намеревалась сначала поближе познакомиться с жизнью народов нашего мира, Кайор последние годы держал невесту в негласном заточении.

– Вы покажете ей эту жизнь позже, – безапелляционно отказало ему древнее существо. – Сейчас дорог каждый день. Кайор и черный маг, изображающий его секретаря, готовят новую аферу, и оставлять их без присмотра нельзя. Я перенесу вас к главному источнику, и вы придумаете план, как Леаттии занять потерянное предками место и при этом не насторожить и не испугать жителей герцогства.

– Артефакты бы прихватить, – еле слышно вздохнул Бензор, и дракон неожиданно насмешливо ему улыбнулся.

– Я сам – артефакт.

Глава вторая

В следующую секунду вокруг них резко посветлело, и стало намного просторнее. И снова выдавшие виды маги ошеломленно замерли, с жадным любопытством изучая необычайный зал.

Если бы Джара попросили объяснить свои первые ощущения от знакомства с этим помещением, он уверенно сказал бы, что почувствовал себя жучком, попавшим в полое хрустальное яйцо. Более ни с чем нельзя было сравнить чашу испускавшего нежно-сиреневое сияние купола, плавно переходящего в круг мощных колонн из того же прозрачного, похожего на хрусталь, камня.

Между ними бледно сияли широкие овалы, смутно напоминающие совершенно неправильные окна или застекленные рамы для картин. Однако их идеально ровная поверхность ничего не скрывала. Ни полотна, ни окрестных пейзажей или хотя бы ночной мглы.

Дверей тоже не обнаружилось, только круглый стол посредине, отлитый из того же сине-розового стекла, да расставленные вокруг него ажурные хрустальные кресла.

– Посмотрим, – буркнул дракон, и его рык утонул в вышине купола, словно впитался в странное вещество.

В ответ один из овалов засиял мягким желтоватым светом горящих свечей. Стекло вмиг стало прозрачным, и за ним, как на сцене, появилась роскошно обставленная комната. На широком диване, накрытом белоснежной шкурой, полулежал мужчина, небрежно поигрывающий кинжалом с богато украшенной камнями рукоятью.

– Кайор, – едва слышно шепнул Эгрис, рассматривая мрачное лицо герцога Брафортского.

– Они нас не слышат, – пояснил дух, делая рукой странный жест, словно крутил ручку мельнички.

Изображение в чудесном окне поплыло вглубь и вбок, открывая собеседника его светлости, вольготно расположившегося в кресле напротив.

– Транис, – громче оповестил глава гильдии.

– Знакомая личность, – фыркнул Вельтон. – Бывший любимый ученик Даггера. Шли слухи, будто он племянник колдуна – если не бастард, но я им не верю. Как всем известно, черные маги никому не доверяют и потому семью стараются не заводить.

– У меня есть вопрос к духу, – нерешительно подняла на дракона взор Миралина. – А разве нельзя их, как Даггера...

– Я не палач, – мирно ответил он, – и даже не судья. И не имею права ничего решать, кроме исключительных случаев, но вам о них знать не положено. Это ваш мир, и думать, как жить и какой путь выбрать, положено только вам. Я лишь помогу найти лучшие способы и исполню важнейшие пожелания. Но главным для меня будет слово хранительницы.

– А как же Даггер? – не удержался Бензор.

– Приказ выдала Леаттия, – спокойно заявил дракон.

– И ничуть о том не жалею, – упрямо поджала губы графиня, мгновенно сообразив, когда именно она выдала такое указание.

За приказ дух счел сорвавшиеся с губ девушки слова, когда она узнала о намерении черного мага открыть источник ценой жизней женщин и детей.

– Его самого и всех помощников за это нужно принести в жертву, – с чувством выпалила она тогда и, немного подумав, нехотя добавила: – Кроме тех, из кого еще могут получиться люди.

– Я бы тоже так решил, – невозмутимо кивнул Вельтон. – Ненавижу тех, кто ради собственной выгоды или прихоти, не задумываясь ни на миг, готов растоптать чужую жизнь или счастье.

– Мы все таких терпеть не можем, – вздохнула Санди и повернулась к волшебному окну в комнату Кайора. – А нельзя узнать, о чем они говорят? Хотя бы главное.

– Можно послушать, – кивнул дух, – в любой момент. Этот разговор был часа три назад, сейчас оба спят.

Махнул рукой, и послышался злой, как шипение дикого кота, вопрос Манреха:

– Ну и где она? Ты обещал найти за три дня! Мои люди обошли с твоими амулетами все приграничные городки, поселки и деревушки! В подвале сидит уже больше трех десятков девиц, а пороги обивают просители всех рангов!

– Ей кто-то помог, – хладнокровно сообщил Транис. – И это был не простой человек. Простого мы уже поймали бы, как того шпиона.

– Зачем он мне? – скривился герцог. – Можешь повесить на воротах, чтобы неповадно было хитрить.

– Вешать подождем. Может, она еще появится, у меня возникло одно подозрение... жду ответа от старого друга, на нем висит должок.

Эгрис немедленно оглянулся на Вельтона.

– Я никаких писем не получал, но на всякий случай могу проверить по

шару, – невозмутимо сообщил тот и, мрачней, добавил: – Кроме меня в гильдии еще два бывших ученика Даггера. В Стабре я уверен, он сбежал из лаборатории – новые зелья Даггер всегда сначала проверял на нас. А вот Леудис... ну, вы и сами знаете.

– Я отправлю приказ старшим магистрам, пусть присмотрят, – торопливо достал пирамидку глава гильдии и смолк, озадаченно рассматривая темные камни.

– Сюда не достают ни ваши пирамидки, ни порталы, – негромко рыкнул дух, и маги дружно покосились на него, пытаясь представить, где может находиться такое помещение.

И разом притихли и насторожились – дракона среди них больше не было.

– Он вернулся в источник, – пояснила Леаттия. – Теперь на ваши вопросы буду отвечать я. Но сначала должна пояснить. Если кто-то хочет, внизу можно умыться и даже искупаться. Еще здесь есть несколько спален. Но теперь послушайте окончание разговора... это еще не все.

Замершие фигуры герцога и его сообщника снова задвигались, и раздался возмущенный выкрик Кайора:

– Долго ты будешь водить меня за нос? Уже пять лет жду, когда стану сильным магом!

– И сразу сожжешь свой замок, – нагло ухмыльнулся маг, – так как не желаешь учить теорию.

– Сколько можно! – взорвался герцог. – Ты, похоже, забыл, кто здесь хозяин!

И тотчас обмяк, повалился в подушки и ровно засопел, как положено спящим людям.

– Это ты забыл, – презрительно процедил сквозь зубы Транис, отбрасывая яблоко, которое крутил в руках, – кто здесь маг! Но ничего, недолго ждать осталось, всего денек... а пока поспи.

Чудесное окно померкло, подернулось дымкой и снова стало просто полупрозрачным сиреневым камнем.

– Так я и думал, – первым нарушил молчание Эгрис. – Черный змееныш играет в свою игру. Даже знать не хочу, какую пакость он придумал, все равно мне не понравится ни один его план.

– Он намерен выбрать из собранных девушек ту, которая больше других похожа на меня, – невесело пояснила Леаттия, – надеть ей браслет покорности и жениться под личиной Кайора. Герцогу он обещал, что эта свадьба – единственный способ заставить меня помочь в ритуале обретения способностей. Но дух выяснил, что на самом деле Кайор почти попал в

западню.

– Тебе его жаль? – мгновенно насторожился Зелад.

– Нет. Ты меня мало знаешь, иначе не стал бы о нем спрашивать. Но я боюсь, что справиться с Транисом труднее, чем с Кайором, и дух со мной в этом согласен. Потому и принес вас сюда. Завтрашний день я должна встретить герцогиней, и лучше без мужа.

– Тогда все просто, – предвкушающе ухмыльнулся Вельтон. – Сейчас мы идем в спальни к этим заговорщикам и меняемся с ними местами. Я могу стать Транисом, так как знаком с повадками черных, а Джар или Эгрис – Кайором, у них было время его изучить. Ну а Элайну привезут шпионы – или кто-то опознает среди сидящих в подвале пленниц. И сразу отведут наверх, не сидеть же ей там. Потом – свадебный ритуал, а дня через три подставной герцог «погибнет» на охоте. И все.

Магистры молчали, обдумывая этот план, молчал и дух, ничего не подсказывая ни вслух, ни на ушко хранительнице.

И потому она тоже молчала, пытаясь представить, как будет выглядеть это действие со стороны, если она все же решится на предложенную Велем авантюру. Хотя саму ее и не особенно волновали чужие взгляды и язвительные шепотки, за пять лет помолвки успела притерпеться к неизбежности сплетен и злых взглядов. Но теперь все изменилось, и раз она обязана стать законной правительницей, то должна подумать и о своем авторитете.

Ведь сейчас его нет и в помине. Да и откуда бы взяться, если сначала не одно поколение предков позволяло Кайорам вытирать об себя ноги, а потом еще и Манрех постарался как следует вымазать в грязи ее репутацию? Разве станут подданные беспрекословно исполнять ее указания и доверять, как положено, каждому слову, если сначала она покорно выйдет замуж за Кайора, пусть и подставного, а едва «похоронив» молодожена, примется устанавливать новые законы?

Даже подумать смешно... и грустно. Потому что это надежный план, и рядом с ней все время были бы сильные маги. Но и они не смогут защитить от злой молвы, от незаслуженных упреков и, самое главное, – от звания вдовы. Едва Леа наденет черный траурный наряд, как все припомнят, что она ходит в таком уже больше года, и начнут сторониться ее, как обычно благополучные люди сторонятся неизлечимо больных, увечных и грязных бродяг.

Поверье, что неудача передается от таких бедолаг всем окружающим, в их мире неискоренимо.

– Мне очень не хочется огорчать Веля, но это неподходящая задумка, –

внезапно заявила главная целительница из Рахарга, и Леаттия начала осознавать, почему дух так настаивал на ее присутствии.

При всей своей доброте и сострадании Миралина обладала острым умом и твердостью, присущим только тем, кто привык не колеблясь принимать на свои плечи тяжесть окончательных решений.

– Мне тоже, хотя план прост и надежен, несмотря на несколько щекотливых моментов, – поддержала подругу Ирсана. – Извини, Вельтон, но Леаттия – девушка скромная, и ей будет очень непросто сыграть влюбленность в Кайора, даже если она выпьет зелье. И кроме того, это не прибавит ей уважения знати и простых жителей – наоборот. Да и нам позже будет трудновато пояснять свою внезапную дружбу с овдовевшей герцогиней.

– Ты права, дорогая, – твердо заявил Эгрис. – Хотя на первый взгляд и кажется, будто проще пойти этим путем, но Леаттии потом будет очень сложно наладить отношения с подданными. Вельтон прав, считая что Кайора из герцогства нужно убрать, но никаких подставных женихов делать не будем. И фиктивной свадьбы – тоже. Устроим суд. Леаттия, ты же собиралась попросить у гильдии помощи в возвращении тебе доброго имени и родительского имущества?

– Разве я уже не попросила? – мгновенно сообразив, куда он клонит, отозвалась графиня.

– Но это лишь проскользнуло в разговоре, – подхватила Санди, подмигнув подопечной, – а теперь ты просишь официально.

– Нужно подписать какие-то документы?

– Нет. Мы доверяем свидетельству проверенных собратьев, а не куску бумаги. И поскольку свидетелей тут более чем достаточно, перейдем к делу. Я считаю, нам нужно пригласить правителей всех соседних стран – Дагора, Аларии, Гестона и Банлеи. А поскольку с нами Зелад, позовем и герцога Овертонского. У меня надежный маячок в башне придворного мага Брафортского замка, туда всех и приведем.

– Думаешь, Транис не предусмотрел такой возможности и не наставил в башне для тебя «подарочков»? – нахмурился Джар.

– Приготовил, – кивнула учителю Леа, – но дух обещает убрать. Ему этот план нравится больше, и он предлагает решить, кто куда отправится, он сам перенесет. А я останусь в этом хранилище, тут безопаснее всего. Даже всем магам нашего мира не под силу отыскать это место, тем более сюда попасть. Именно здесь жили последние драконы, помогавшие моему предку построить Югрет.

– Так хотелось бы хоть краем глаза посмотреть, – тихо выдохнула

Миралина.

– Обязательно посмотрите, – пообещала хранительница. – Сейчас необходимо тщательно обдумать и обговорить все детали, а к соседним правителям идти утром, пораньше, чтобы ни у кого не было возможности предупредить своих шпионов или чем-либо выдать наши намерения. Оттуда вернетесь вместе с гостями, прямо в тронный зал. Остальное обсудим через полчаса, за ужином.

И когда Леаттия поднялась с кресла и направилась к уходящей вниз лестнице из синего стекла, ни у кого из магов не возникло сомнения, чье именно решение она им сейчас сообщила.

– Элайна... – Негромкий голос Санди звучал доброй музыкой, отражаясь от сиреневых стен и мелодично позвякивая в сотнях хрустальных сосулек, свисавших с потолка и постепенно начинавших разгораться нежным сиянием. – Пора вставать. Тебе платье принесли.

– Где? – приоткрыла один глаз хранительница и разочарованно зажмурилась. – Другого не нашли?

– Магистры так решили, – расправляя складки старенького траурного платья, неведомо каким путем попавшего ей в руки, пояснила магиня. – Сегодня ты должна выглядеть такой, какой привыкли тебя видеть будущие подданные. Не беззаботной нарядной птичкой, удачно выпорхнувшей на волю, и не подавленной трудностями беженкой. Все должны понимать с первого взгляда, что ты бежала не к любовнику и приключениям, а от страха перед безумствами жениха. Пойми, пока ты еще не сказала ни слова и никто из нас не успел ничего объяснить, все присутствующие по одному только виду успеют тебя осудить и вынести приговор. И заставить их поменять свое мнение будет не так просто. Люди очень упрямы в своих суждениях и предпочтениях. Пожалуй, я не знаю более страшного человеческого врага, чем ставшая образом жизни привычка.

– Я тебе верю, – вздохнула Леа, привычно застегивая крючочки. – Можешь не приводить примеров. Лучше скажи, уже есть какие-нибудь новости?

Спрашивала она неспроста – магистры еще ночью решили, что не стоит будить хранительницу перед уходом. Сегодня Леаттии придется труднее всех, и лучше выспаться как следует.

Правда, дух пообещал добавить ей невозмутимости и бодрости, но запретил рассказывать об этом магам.

– Дракон сообщил, что все идет по плану, – пожал плечами магиня. – Больше ничего не известно. Нас перенесут в самый последний момент, когда все правители окажутся в зале. Но до этого еще полчаса, можем

спокойно собраться и поесть.

– Да я уже собрана, – закалывая волосы простым узлом, усмехнулась Леа. – А есть как-то не хочется.

– Ну хоть горячего взвару с булочкой, я уже пила и еще не откажусь. Никогда не ела такой необычной выпечки.

Через пару минут они сидели за столом в верхнем зале, пили взвар и заинтересованно поглядывали на мелькавшие в «окнах» изображения. Судя по всему, дух намеренно показывал гостям происходящее в герцогском дворце, и особенно в тронном зале, чтобы они не растерялись, попав туда.

Неподалеку от ведущей сверху лестницы, почти в центре просторного, торжественно строгого зала на возвышении находился внушительный трон, но сегодня никто не должен был на нем сидеть. Прямо перед ним маги поставили стол и кресла для судей, а ниже, слева от ступеней, разместили пару простых стульев для подсудимых и накрыли надежными щитами. Недалеко от входа появились ряды длинных диванов и стульев для зрителей, пока даже не подозревавших, свидетелями какого необычайного события им предстоит стать.

Для Леаттии и ее защитников тоже приготовили диванчик и столик, расположив их с другой стороны от возвышения, напротив мест для подсудимых. Магистры решили посадить рядом с графиней только Санди и Миралину, чтобы никому и в голову не пришло связывать бывшую невесту повелителя с чьим-либо мужским именем.

– Если очень волнуешься, я могу капнуть во взвар зелья, – осторожно предложила Ирсана, поглядывая на побледневшую графиню, но та отказалась:

– Не стоит. Выдержу. Да и абсолютное спокойствие в такой момент будет выглядеть подозрительно. Я ведь никогда не была ни на каких судах, Кайор не позволял. А на площадь, смотреть наказания, сама не желала ходить. Страшно это и неправильно, когда люди радуются мучениям человека, даже если он очень плохой. Тем самым они как бы становятся вровень с преступником, ведь раньше он радовался, видя мучения своих жертв. Я не очень путано объясняю?

– Отнюдь, – вздохнула Санди. – Мне тоже знакомо это чувство. В гильдии провинившихся наказывают лишением способностей или изгнанием, и в такие дни у всех магов портится настроение. Ведь все мы ходим по лезвию, а соблазны так сильны. Сегодня чуточку преступишь свои собственные правила, завтра – еще немного, а однажды оказывается, что ты уже не можешь остановиться. Один из молодых магов, изгнанный из гильдии за наглое мошенничество и обман собратьев, ехидно ухмылялся и

даже презрительно плюнул в нашу сторону. А через месяц, когда мы вытащили его от черного колдуна, избитого, без ушей и одноглазого, плакал как сумасшедший, увидев крыши Гайртона. Но нам проще, мы все с детства слышаны про такие случаи и растем на чужих ошибках. Хотя и своих тоже умудряемся наделать.

Магиня печально улыбнулась и смолкла, рассматривая опасливо входящих в зал придворных и знатных горожан. Они заранее предвидели нечто особое, так как ради обыденного разбирательства Манрех, редко встававший с постели до обеда, никогда не стал бы изменять своим привычкам.

Прозвонил колокол, возвестивший о появлении судей, и Леаттия отчетливо рассмотрела потрясение зрителей. Мужчины настороженно замерли, изучая входивших в зал правителей соседних стран, женщины даже рты приоткрыли от изумления, но умудрились не издать ни звука.

И в этой напряженной тишине раздавался только хорошо поставленный голос дворецкого, невозмутимо выкрикивающего титулы, звания и имена нежданных гостей.

– Его величество Густиян Евганд Тилиред, король великого королевства Банлея! Его светлость герцог Виториус Багерн Овертонский, правитель герцогства Овертон! Его великолепие эмир Орхаран Шемаглы Рез-Дааред, повелитель эмирата Алария! Его величество Сиверд Таморгл Третий, король западного королевства Гестона! Эгрис Дуарис Тагорно, глава гильдии темных магов!

– Вам пора, – вслух произнес дракон.

Глава третья

Чудесное убежище из неизвестного полупрозрачного сиреневого минерала, без единого окна и двери наружу, зато с теплым пузырящимся озерцом в том месте, где в обычных домах бывает погреб, исчезло в один миг. Леаттия со знахаркой обнаружили себя сидящими в той самой маленькой гостиной, куда графиню привозили все пять лет, пока она числилась невестой Кайора.

Вид наизусть изученных вещей, мебели, ковров и занавесей подействовал на девушку как чашка мятного настоя, успокоил резко заторопившееся сердце, прояснил заматававшиеся мысли. Или это дракон исполнил свое обещание? Разбираться Леаттии не хотелось, у нее сейчас было только одно желание – чтобы суд поскорее закончился и появилась возможность вздохнуть свободно.

– Санди? – торопливо заскочила в комнату Миралина. – Вы уже тут? Идем, скоро нас вызовут. Элайна, тебе зелья не накапать? Лучше пить заранее, поверь моему опыту.

– Спасибо, я почти не волнуюсь. Вы же со мной.

В этот миг графиня с тоской осознала, как сильно ей не хватает матушки и насколько легче было бы, если бы та сидела рядом. Но помечтать о несбыточном ей не дали: Санди подхватила подопечную под руку и уверенно повела к двери.

– Ее милость графиня Леаттия Гардез Брафорт! Магиня темной гильдии Ирсана Тагорно! Магиня темной гильдии Миралина Лайренс!

Не выпуская руки графини, Санди твердой походкой прошла к предназначенному для них месту, усадила ее посредине и села рядом. Миралина так же уверенно опустилась с другой стороны и пристально оглядела публику.

Если после выхода в зал Леаттии кто-то из публики еще пытался понимающе переглядываться и отпускать презрительные ухмылки, то появление целительницы смыло их, как ледяной шквал. Миралину многие знали в лицо, и еще лучше помнили, куда нужно бежать за помощью, если в дом постучит страшная беда. Не было в ближайших королевствах более сильного лекаря.

– Герцог Манрех Кайор Брафортский, – сухо сообщил дворецкий, понаблюдав, как его правитель покорно шагает к месту для подсудимых, неестественно глядя прямо перед собой, и назвал последнее имя: – Транис

Басано.

Черный маг шел так же покорно, как его хозяин, но, в отличие от Кайора, не стискивал в бешенстве зубы и не играл желваками, а смотрел кротко и печально, как могут глядеть лишь несправедливо обиженные люди.

И, опускаясь на место для подсудимых, постарался отодвинуться от герцога как можно дальше.

Взгляды зрителей были прикованы к ним, и далеко не во всех светилось простое любопытство. Было и несколько горящих злорадством и ненавистью взоров, и никто, даже завзятые лизоблюды, почему-то не проявили ни капли сочувствия. Это неожиданное открытие придало Леаттии сил и уверенности в правильности происходящего, и она уже спокойнее перевела взгляд на вставшего со своего места Эгриса.

– Я должен пояснить присутствующим, почему взял на себя смелость пригласить на этот суд правителей всех соседних с Брафортским герцогством стран, – неторопливо и уверенно начал он свою речь. – Четыре месяца назад графиня Расельена Гардез Брафорт прислала мне послание с просьбой о личной встрече. Сразу должен сказать, что выполнить это оказалось непросто. Замок графини был защищен мощными щитами, каких нет и на герцогском дворце, и кроме того, в нем под видом слуг жила пара самых ловких тайных соглядатаев Кайора. Никакой прислуги, за исключением их, там не было. Именно это убедило меня в важности дела, с каким намеревалась обратиться в гильдию ныне, увы, покойная графиня. Рассказывать, как устроил эту встречу, я не стану, скажу лишь, что между мной и ее милостью Расселиной Брафорт был заключен контракт на охрану Леаттии Гардез Брафорт от любой опасности. Также графиня, пребывавшая в тот момент в твердой памяти и ясном рассудке, передала мне единоличное право на опеку над своей дочерью. И это тоже записано в документе и заверено магической печатью.

Эгрис сделал многозначительную паузу, и в наступившей тишине многие расслышали яростный скрип герцогских зубов.

– Мы три месяца пристально следили за жизнью последней наследницы основателя этого герцогства, – словно ненароком подчеркнул Эгрис особый статус графини, – и проверяли подозрения ее матери. Как вскоре выяснилось – вовсе не беспочвенные. Обручальный браслет, который вручил Леаттии Брафорт ее жених, оказался с подлым сюрпризом – в нем было заложено заклинание полного доверия герцогу. Снять его и не навлечь на девушку гнев жениха мы не могли, поэтому усилили собственные щиты и установили магическое наблюдение. Через

некоторое время после смерти графини Расельены я получил известие, что опекуном ее милости Леаттии назначен герцог Манрех Кайор, и сразу заподозрил подлог. Но из опасения за жизнь графини не считал возможным выяснить это напрямую и провел дополнительное расследование. Полученные мной сведения явно указывали, что герцог вынашивает в отношении своей невесты вовсе не подходящие жениху планы, и мы решили переправить мою подопечную в надежное место, под присмотр почитаемой в народе целительницы и не менее уважаемой компаньонки. Они обе пришли сюда с ее милостью графиней Брафорт, и если у кого-то есть вопросы или претензии к этим женщинам, то сказать об этом нужно прямо сейчас, позже никаких поползновений и обвинений я не допущу.

Судя по забегавшим глазам самых рьяных поборниц этикета и правил приличия, вопросы у них были, однако время шло, но никто из них так и не решился рискнуть.

– Умные, крысы, – еле слышно усмехнулась Санди, – сразу просчитали, кого лучше не задевать.

– Тогда я продолжу, осталось немного, – заявил Эгрис. – Покидая замок вместе с подопечной, я оставил обоих соглядатаев в полном здравии. Лишь напоил совершенно безопасным сонным зельем поджидавшую хозяйку в склепе «горничную», чтобы не подняла раньше времени тревогу. Повар в это время жарил гуся к обеду и ничего заметить не мог. Каково же было мое изумление, когда два дня назад я узнал, что герцог во всеуслышание обвинил невесту в прелюбодеянии и убийстве служанки. И теперь прошу уважаемых судей допросить свидетелей и клеветников, дабы восстановить доброе имя графини Брафорт.

– Мы все поняли, уважаемый магистр, – важно заявил Густиян Евганд Тилиред, – и первым делом желаем знать, пойман ли повар, обвиненный в убийстве напарницы и соблазнении герцогской невесты?

– Пойман, ваше величество, – вежливо склонил перед королем голову офицер дворцовой стражи. – Сидит в особой камере в подземном каземате.

– Доставьте его сюда.

– Ради быстроты я готов привести его порталом, – учтиво предложил Эгрис, и по лукавинке, мелькнувшей во взгляде мужа, Ирсана поняла, что все это уже продумано.

– Веди, – величественно кивнул король Банлеи.

Темный туман завихрился тугим смерчем, грозно почернел и через мгновение растаял, оставив на безукоризненно натертом наборном паркете полурастерзанного узника. Сейчас никто не признал бы в этом оборванном, окровавленном существе с опаленными бровями и трясущимися руками

подтянутого и ловкого графского дворецкого, совмещавшего эту важную должность с обязанностями повара.

– Не подобает воспитанным людям спокойно взирать на таких замученных страдальцев, – тотчас поднялась со своего места Миралина. – Магистр Арвис, поможешь мне?

– Конечно, сестра. – Джар уже шел к целительнице, доставшей откуда-то большой кусок чистой ткани.

Она держала полотно наготове, загораживая пациента от любознательных взоров публики, пока Джар создавал над поваром крохотную темную тучку и пахнувший травами дождик поливал всхлипывающего шпиона, начинавшего верить в чудеса.

Кто-то из магов перенес по воздуху кресло, и через минуту завернутый в ткань узник сидел в нем, испуганно озираясь по сторонам.

– Ты готов ответить на наши вопросы? – мягко произнес эмир Рез-Дааред, и Прист опасливо кивнул.

– Только запомни, – небрежно просветил его Эгрис, – говорить неправду здесь нельзя. Мы приготовили артефакт, распознающий даже малейшую ложь.

Легонько щелкнул пальцами, и над судейским столом вспыхнул нежным светом бледно-зеленый шарик размером не более сливы.

Строгие лица правителей вмиг стали еще жестче, растаяли в уголках губ едва заметные ухмылки, потемнели властные взоры. Намек одного из сильнейших магов этого мира был более чем прозрачен.

– Всю плавду скасу! – невнятно пробормотал Прист и в подтверждение поднял перед собой ладонь во всем известном клятвенном жесте.

– Отчего это ты картавишь? Ну-ка, открой рот! – вернулась к пациенту Миралина и почти сразу оглянулась на судейский стол. – Прошу высочайший суд засвидетельствовать применение к подозреваемому чудовищных пыток! У него вырваны зубы и сильно поврежден язык.

Достала фиал с темным зельем, капнула узнику в приоткрытый рот, сделала руками несколько пассов.

– Пока лишь сняла тебе боль и опухоль, серьезно лечить будем позже.

– Ты убил напарницу? – спросил шпиона Виториус, уже заметивший среди расположившихся в сторонке магистров своего придворного мага.

– Нет! Клянусь! Когда я ушел из замка, она спала, – с истовой надеждой смотрел на артефакт узник.

Зеленый шар даже не мигнул.

– Обвинение в убийстве снимается, – зычно возвестил Тилиред, всегда

председательствующий на всех значимых судах своего королевства. – Последний вопрос. Какие отношения были у тебя с графиней Леаттией Брафорт?

– Никаких не было, – преданно уставился на него Прист. – Я опытный тайный шпион и с объектами никогда даже разговоров не завожу. Просто следил за ней по приказу герцога и писал ему дважды в день доклады.

Он бы и больше рассказал, сжигаемый желанием вырваться на свободу, но говорить было нечего.

– Тогда зачем сбежал? – прищурился эмир.

– Так ведь приготовил обед, а они не возвращаются... – старательно выбирая в памяти чистую правду, пояснил повар. – Забеспокоился, пошел посмотреть... Напарница спит, графини нет... я и побежал прочь. Сразу понял, на ком хозяин будет зло вымещать. Он ведь в гневе звереет... пока все щипцы не перепробует, остановиться не может!

Шар по-прежнему сохранял нежно-зеленый цвет.

Темный взгляд Манреха блеснул неукротимой яростью, но сказать герцог ничего не мог. Магистры вовсе не собирались устраивать из суда представление и временно лишили его речи.

– Освободить, – непрерываемо возвестил Тилиред. – Все обвинения снять. С ее милости Леаттии Брафорт – тоже. Герцога обязать при свидетелях признаться в преднамеренной лжи и принести невесте извинения. Народу объявить, что жених оболгал ее в гневе.

– Мы поздравляем вашу милость с восстановлением вашего доброго имени, – поклонился Леаттии глава гильдии и обернулся к судьям. – Благодарю за справедливое постановление. И от имени подопечной во всеуслышание заявляю, что Леаттия Брафорт расторгает помолвку, в которую пять лет назад герцог принудил ее вступить обманом. А теперь прошу вас рассмотреть прошение графини Леаттии Брафорт о привлечении герцога к ответу за духовные страдания и притеснения, доставленные ей и ее родителям.

– В чем заключались притеснения? – подозрительно щуря глаза, поинтересовался эмир, но ответил ему не глава гильдии, а Миралина:

– Это еще мягко сказано. Я считаю вопиющим преступлением навязывание герцогом собственной воли дочери самого знатного рода страны. По сути, Леаттия пять лет была безропотной невольницей, и ее родителям это было известно. Все эти годы они с болью в сердце наблюдали за превращением единственного ребенка в покорную рабыню и ничем не могли помочь. Только тот, кто истинно любит собственных детей и желает им счастья, может понять все горе и отчаяние графа и графини

Брафорт. Ведь они прекрасно знали, какая участь уготована дочери в герцогском дворце. Герцог слаб как мужчина, и лишь муки и кровь любовниц пробуждают в нем страсть.

– Откуда вам известно про слабость? – насторожился король Сиверд.

– Это заболевание никогда не было тайной для сведущих лекарей, – кротко опустила глаза целительница, – и давно описано в наших книгах. Едва пагубные пристрастия к вину, запретным зельям и вакханалиям ослабят мужскую силу, некоторые из жертв собственного распутства, не желая лишиться острых ощущений, начинают искать новые способы их получения. И, постепенно теряя человеческие душевные качества, превращаются в безумных монстров. Иногда их можно вылечить, но в случае с Манрехом, по моему глубокому убеждению, лечение безнадежно запоздало.

Шокированный такой прямолинейной откровенностью, зал замер, переваривая это сообщение и пытаясь предугадать вытекающие из него выводы. Разумеется, ничего нового для большинства придворных в словах целительницы не было, кроме смелости, с какой она назвала своими именами вещи, о которых в высшем обществе стараются помалкивать. Однако герцог был отнюдь не одинок в тайных пристрастиях, и никто из господ, знающих своих демонов в лицо, не желал выставлять их на всеобщий суд.

– Вы... – Виториус помедлил, подыскивая выражение помягче, – говорите о случаях, какие не принято обсуждать во всеуслышание.

– Увы, ваше величество, – с обезоруживающей улыбкой вздохнула Миралина, – я целитель, и мне частенько приходится отсекал гниющую плоть, дабы спасти жизнь пациента. Потому и не привыкла прятать истину под розовыми кружевами витиеватых фраз. Все равно она однажды вылезет, рано или поздно, и принесет множество страшных открытий. Подобных тем, которые обрушились на нас при попытке выяснить, сколько юных девушек зверски замучил насмерть за последнее десятилетие монстр, сидящий перед вами на скамье подсудимых. Если вам не страшно, сами спросите его об этом, смолчать он не сможет. Но я бы сначала предложила выйти из зала всем женщинам и родичам тех фрейлин, которые якобы покинули дворец и отправились в монастыри по собственному желанию.

Зал снова оцепенел, заново переосмысливая тайные слухи и опасливые сплетни, потом раздался отчаянный женский вскрик и глухой удар упавшего тела. И это словно прорвало плотину – стонали, рыдали и горестно рычали сразу несколько отцов и матерей знатных семейств, когда-то выгодно пристроивших дочерей в герцогские фрейлины.

– Пусть он скажет сам, сколько их было, – угрюмо процедил сквозь зубы Тилиред, до этого даже не представлявший, в какой грязи ему предстоит копаться.

– Манрех Кайор, бывший герцог Брафортский! – веско окликнул подсудимого Эгрис. – Отвечай на вопрос.

– Я не намерен участвовать в вашем представлении! – вскочив с места, дико заорал тот. – Немедленно убирайтесь все из моего замка!

– Это не твой замок, – ледяным тоном отрезал глава темной гильдии, – и даже не твоих предков. Всем известно, что несколько веков назад Кайоры коварством и подлостью изгнали отсюда законных владельцев и нагло захватили власть. Но с каждым поколением ваш род все мельчал, а герцогство постепенно приходило в упадок, несмотря ни на какие усилия. Твой отец первый задумался о причинах и начал негласное расследование. Десятки дознавателей и шпионов собирали по всем странам старинные архивы, письма и прочие секретные документы. Тайная канцелярия сутки напролет пыталась найти в них подсказку. Но только бывший ученик черного колдуна, которого ты взял в секретари, сумел показать тебе истинный, как он считал, путь. Транис Басано, объясни нам, как ты собирался помочь герцогу Кайору?

– Никак, – спокойно и отчетливо произнес Транис и с печальным упреком глянул в глаза главы гильдии. – Даже вашим ученикам ясно, что невозможно сделать из человека с крохотными способностями сильного мага. Я просто говорил ему те слова, какие он желал услышать.

Артефакт над судейским столом мирно сиял зеленым светом.

– Тогда зачем ему понадобилась графиня Леаттия Брафорт? – с самым невинным видом спросил Вельтон.

– У моего учителя хранился старинный трактат, написанный сильнейшим черным магом древности, – так же печально пояснил Транис, – и в нем был перевод слов, выбитых на алтаре каждого источника магии. Там сказано, что чудесная сила откликнется только на кровь признанного древними расами хранителя.

В зале снова стало тихо, как в склепе. Перестали всхлипывать даже безутешные матери, только теперь сообразившие, почему их несчастные дочери так дружно выбирали монастырь с самым строгим уставом, где был введен запрет на любые свидания и письма.

– И тебе удалось доказать герцогу, что графиня Леаттия и есть тот самый хранитель? – бесстрастно осведомился эмир.

– Это не так трудно, если внимательно изучить историю магии и основания срединного герцогства, – позволил себе снисходительно

скривить губы Транис. – Но в тот момент, пять лет назад, хранителем была ее мать. Леаттия могла получить это звание только после ее смерти или после третьего совершеннолетия. Разумеется, это были только мои предположения, но сейчас я вижу по взглядам темных магов, что не ошибся.

В голосе подсудимого против воли прорвалось торжество, но он тут же покорно опустил взор.

– Тогда для чего тебе понадобилось женить Кайора на графине? Разве ты не намеревался провести ритуал и с помощью ее крови стать мощнее сам? – строго взирал на черного мага Зелад.

– Ничего такого я не собирался, – уверенно отказался Транис. – А герцога обманул ради доверия и выгодной должности.

– Но ведь он непременно потребовал бы ритуала? – продолжал настаивать маг.

– Мало ли какие глупости я болтал, – напрочь отсекся от своих обещаний секретарь. – А к моменту свадьбы придумал бы какую-нибудь увертку. Всем известно, что безумствам хозяина я не потакал и никогда участия в них не принимал, в отличие от некоторых господ, сидящих сейчас в мягких креслах.

– Ох и гад же ты! – взвился как укушенный Кайор. – А кто давал мне советы, как лучше путать концы?

Он осознал, что проболтался, лишь после того как по залу прокатилась новая волна горьких стонов, но останавливаться не пожелал.

– Они сами рвались ко мне в спальню! За драгоценности, за место фаворитки, за привилегии для семьи! Я насильно ни одну туда не притащил! И родители не могли не знать о моих вкусах!

– Так сколько их было? – тяжело проскрежетал Тилиред.

– Больше дюжины, – без малейшего колебания выдал хозяина Транис. – Но четыре выжили, хотя передвигаться могут только на носилках.

– Ты признан соучастником, – помолчав, твердо объявил король Банлеи. – Но за чистосердечное признание и содействие суду казнен не будешь. Лишаешься всего имущества, должности и права жить в Брафортском герцогстве и всех соседних странах. Тебя отправят на необитаемый остров, такой пройдоха там не погибнет.

Эгрис кивнул, соглашаясь с приговором, хотя в душе и сожалел о слишком мягком наказании. Но отчетливо понимал, что покарать Траниса строже у судей нет законного повода, да и Леаттии чрезмерная жестокость не принесет желанного уважения и симпатий соотечественников.

Магистр взмахнул рукой, и по залу пронесся темный смерч. Сорвал с

бывшего секретаря последние амулеты, вытянулся в глубокую воронку и проглотил преступника, как прошлогодний листок.

– Теперь Кайор. – Король на несколько секунд смолк, презрительно разглядывая корчившего злобные гримасы правителя, и уверенно объявил: – Он лишается всех титулов, привилегий и имущества. Последнее отходит графине Леаттии Брафорт по праву наследования как подлинной владелице незаконно захваченного замка и в компенсацию за перенесенные унижения. Меру наказания ему выберут родственники его жертв.

– А кто же будет править? – не выдержав, выкрикнул кто-то из зрителей.

– Герцогиня Леаттия Брафорт, разумеется, – с обычной невозмутимостью произнес эмир. – Я думаю, это решение поддержат все мои собратья и темные маги.

Все судьи сочли подобающим случаю утвердительно кивнуть.

– Преступника отправить на площадь, – скомандовал помощникам Эгрис, любовался, как нехотя поднимается и бредет к выходу с ненавистью скрипящий зубами и бледный, как стена, Кайор, и веско добавил: – Официальная церемония коронации состоится в полдень. Герцогство не должно оставаться без правителя ни одного дня.

Глава четвертая

Услыхав эти слова, Леа вдруг испугалась так сильно, как не боялась с самого детства. Ей казалось, что судить Манреха будут гораздо дольше, может быть, несколько дней, и наказание тоже будут обсуждать неспешно, по обычаю вынося предложения и бросая за них в темный кувшин свои камни. Но все произошло слишком быстро, и младшие маги с непривычно суровыми лицами уже уводили из зала разрушившего ее семью человека, а публика торопливо поднималась с мест, готовясь ринуться следом.

Девушке не хотелось думать о том, что вскоре произойдет на площади. При всей ненависти к жестоким наказаниям она отчетливо осознавала, что Манрех заслужил самую суровую казнь. Каждый человек имеет право на жизнь и свободу, и отнимать это право может лишь бездушное провидение, но никак не такие же люди. А Кайор приравнял себя к богам... но не к добрым и всемогущим, а к злым и кровожадным.

И все же никакие разумные доводы не могли снять с души хранительницы тяжкий осадок от этого приговора, и даже поздравления окруживших ее королей не приносили должной радости.

Она краем уха слышала, как Эгрис учтиво предлагал высоким гостям выбор – остаться на ритуал или вернуться в свой дворец порталом, но не разобрала их ответов.

И лишь когда вокруг них вспыхнуло знакомое сиреневое сияние хрустальных стен тайного убежища дракона, почувствовала облегчение.

– Поздравляю, – рыкнул сидевший на своем месте дракон и сразу же перешел к делу: – Постарайся не думать о своих страхах.

– А она чего-то боится? – нахмурилась садящаяся рядом с хранительницей Миралина.

– Думает, что боится, – с досадой выдохнул дух, бывший сегодня поразительно материальным. Помолчал, хмуро размышляя о чем-то своем, и вдруг с надеждой уставился на целительницу. – Скажи, тебе встречались пациенты, которым много лет внушали одно и то же?

– Почти каждый день таких вижу. Одной девице маменька с малолетства твердила, будто та самая красивая. Дочка дожила до третьего совершеннолетия и начала обижаться – почему вокруг не вьется стая женихов? Другого, наоборот, с детства обзывали дураком и растяпой, а потом стали возмущаться – вырос здоровенный мужик и не может самого простого дела повернуть без подказки.

– Как вы таких лечите?

– Долго и упорно. Объясняем все как есть, помогаем разобраться в себе и осознать истинное положение дел, учим держать себя в руках и договариваться с людьми. Зачастую варим зелье уверенности. А в чем дело? Ты считаешь, что Элайна...

– Не считаю – вижу. Многолетнее действие браслета покорности принесло печальные плоды. Характеру Леаттии присуща решительность, смелость и даже дерзость, а она сидела на суде запуганной мышкой. Сегодня это было не очень заметно, всех волновали другие вопросы. Властелины соседних стран и темные магистры тоже занимали умы герцогских подданных. Но уже к вечеру всех будет волновать один вопрос – кого судьба дала им в правительницы на этот раз?

– Все это мне понятно, – задумалась Санди, – но почему ты считаешь, что она рождена решительной?

– Иначе не может быть, – с досадой рыкнул дракон и многозначительно смолк.

Леаттия тоже думала – и тоже хмурилась и вздыхала. Но наконец сообразила, что отмолчаться не удастся, и огорченно уставилась на духа.

– Тебе придется рассказать. И не только им – еще Эгрису и Джару.

– Это твой выбор, – строго предупредил он, говоря о чем-то, известном лишь ему и хранительнице, – но клятву с них я возьму.

– Мы согласны, – не колеблясь ни мгновения, приняла решение Санди. – Думаю, эта клятва того стоит.

– Она стоит большего, – хмуро усмехнулся дракон, и в помещении тотчас прибавилось народа.

Арвилес и глава гильдии почти не удивились, оказавшись в убежище духа. Прошли к столу, оглядели примолкших женщин и, что-то осознав, уставились на дракона.

– Похоже, у вас возникла серьезная проблема, – полувопросительно произнес Эгрис, пододвигая к себе бокал и кувшин с холодным взваром, – но все равно я благодарен за передышку. Давненько мне не приходилось принимать таких важных гостей.

– На суде Транис сказал одну фразу, – веско рыкнул дракон, – которую не должны были слышать простые жители королевства.

– Про кровь хранителей? – поднял серьезный взгляд хмурый Джар.

– Именно. И потому ее забыли все, кроме прошедших проверку магов и королей. Но с правителями вам сегодня еще придется объясняться, постарайтесь намекнуть, чем чревато разглашение чужих тайн. А пока дайте хранительнице клятву никого не посвящать в те секреты, которые я

вам раскрою по ее просьбе.

– А почему именно нам? – оглядев присутствующих, задумчиво осведомился глава гильдии.

– Это я вас выбрала, – помедлив, пояснила Леа. – С вами я знакома дольше всех, вы меня спасли и стали самыми близкими людьми. Других у меня нет во всем мире...

– Спасибо, девочка, – растроганно выдохнула Санди. – Я тоже к тебе привязалась, как к родной. А клятву сама предложила дать и отказываться не буду.

– Я – тем более, – твердо объявила Миралина. – И готова помочь всем, что в моих силах.

– Разумеется, мы тоже не отказываемся. Просто я не сразу понял, чем хуже Бензор или Зелад.

– Или Вельтон, – тихо буркнул дагорец.

– Посвящать в секреты своего рода слишком много людей я не рассчитывала, – сухо зато отозвалась Леаттия. – Тем более это происходит впервые с тех пор, как мой прадед принял обязанность хранителя. Но Вельтон не останется в обиде, у меня достаточно тайн, которые я имею право ему открыть.

– Это будет справедливо, – почему-то вздохнула Санди.

– Если вы готовы, – властно объявил дракон, – просто вытяните вперед левую руку и скажите: «Клянусь».

– Клянусь, – прозвучало дружное обязательство, и на протянутых над столом ладонях вспыхнули язычки призрачного пламени.

Маги на миг потеряли дар речи, разглядывая ласковый огонь, потом обнаружили появившийся на коже тонкий узор. И пока его изучали, огонь исчез. Вместе с духом источника.

– Он не может долго оставаться в теле дракона, – вздохнув, с грустью пояснила Леа. – Становится слишком подлинным, и ему все труднее возвращаться в небытие. Поэтому обещанную тайну раскрою вам я. Никакой особой крови у меня нет и не было ни у кого из предков. Но дух должен был как-то отличить истинных хранителей от самозванцев, и драконы перед уходом решили поделиться с первым герцогом Брафортским тайной особенностью своего рода – властью над огнем. Это не магическая, а духовная сила, потому никто и не признаёт во мне мага. Да и власть эта очень невелика – ровно настолько, чтобы дух мог меня опознать. Вот почему бесполезно поливать алтари моей кровью, и ни о каком подобном ритуале речь не шла изначально. Просто по прошествии времени люди стали иначе воспринимать выражение «кровь хранителя».

Изначально оно имело смысл «кровное родство с Брафортом» и было высечено на языке драконов, который тогда понимали все просвещенные люди. Сегодня ночью надпись исправлена во всех хранилищах и отныне гласит: «Дух откликнется только тому, в чьей душе горит истинный огонь древних рас». Поэтому дух заставил зрителей забыть слова Траниса.

– Зря король его пожалел, – с досадой бросил Эгрис. – Не верю я, что эта змея уймется.

– Дух будет за ним присматривать, – успокоила его Леаттия. – И еще... он считает, что мне нужно лечиться, и выбрал в целительницы Миралину.

– От чего лечиться? – мгновенно насторожился Джар.

– Дух уверен, что у нее от рождения решительный характер, – мягко пояснила Санди, – а долгое воздействие браслета его изменило.

– А он не мог ошибиться? – внимательно посмотрел на подопечную Эгрис. – Я никакой особой боязливости или мнительности в ней не заметил.

– Как я понимаю, – задумчиво проговорила Миралина, – для того он и открыл нам этот секрет. Ведь раз драконы поделились с хранителями духовной властью над огнем, они могли вместе с ней передать и другие качества, присущие их роду. Для надежности.

– Так и было, – невесело улыбнулась герцогиня. – И с тех пор все мои предки отличались бесстрашием, честностью и приходящей с возрастом мудростью. А я...

– А ты пять лет была больна и сама этого не понимала, – твердо остановила ее целительница. – Зато теперь знаешь правду, и для выздоровления тебе нужно лишь время. И сейчас мне предельно ясно, для чего дракон посвятил нас в тайну. Он желал, чтобы именно мы помогли тебе стать истинной дочерью своего рода и справедливой правительницей для своих подданных.

– Значит, мы должны какое-то время пожить в Югрете, – кивнула сама себе Санди и подняла взор на мужа. – Любимый, ты не против провести медовый месяц на юге?

– Родная, когда ты рядом со мной, мне совершенно все равно, где жить, – заверил ее глава гильдии. – Но в замке герцогини будет намного лучше, чем в других комнатах, там у меня есть своя башня и привычные покои.

– Замечательно, – облегченно выдохнула Леаттия и тут же лукаво усмехнулась. – Тогда ты сам придумываешь должности всем магам, которых захочешь взять с собой.

– А я? – с настороженным интересом взглянул на ученицу Джар.

– Ты – мой учитель и поэтому получаешь должность главного советника, – уверенно объявила хранительница.

– Похоже, лечить ее будет не так уж трудно, – задумчиво буркнул глава гильдии, и маги дружно заулыбались.

А в следующий момент обнаружили, что сидят уже не в убежище духа, а в знакомой гостиной герцогского дворца.

– Ловко у него получается, – с легкой завистью вздохнул Эгрис, допил напиток и направился к жене.

Заглянул ей в глаза, нежно поцеловал руку и со вздохом сообщил:

– Завтракать тебе придется без меня. Я выдал дворецкому список людей, которых нужно выставить из замка немедленно. Вместе с ним этим занимаются молодые маги, но придворные бездельники, привыкшие к сытой, беззаботной жизни, сопротивляются изо всех сил. Даже угрожать пытаются.

– Посади строптивых на пару дней в подвал и корми только баландой, – жестко посоветовал Арвилес. – Сами потом отсюда сбегут.

– А кто в твоём списке? – заинтересовалась Леаттия, рассмотрела мрачную ухмылку, искажившую губы магистра, и передумала: – Нет, молчи. Не хочу ничего знать, мне сегодня и так грязи хватило.

– И правильно, – похвалила ее целительница, подхватывая под руку. – Лучше идем, выберем тебе покои и подумаем, где взять другое платье.

– Ничего выбирать не нужно, – бледно улыбнулась Леа. – Дух уже приготовил мне комнаты на третьем этаже в правом крыле. Правящие герцоги всегда жили в тех покоях, но Кайору они не нравились, он боялся ходить выше второго этажа.

– Элайна, не думай о нем, – поднимаясь по пустынной лестнице, заглянула в лицо девушки Санди. – Он был хуже бешеного зверя.

– Я знаю, но мне отвратительны его методы наказания. Я всегда считала, что преступник лучше прочувствует суровость наказания где-нибудь в каменоломнях. А публичные наказания могут породить у народа только ответную жестокость.

Внезапно хранительница резко остановилась, словно споткнувшись, и обе магини уставились на нее, не понимая, что произошло. Но, не заметив на сосредоточенно хмурающемся лице девушки ни малейшего признака боли или тревоги, целительницы с беспокойством переглянулись и приготовились ловить ее, если вздумает бежать или падать в обморок. А возможно, придется усмирять истерику.

Однако Леа облегченно выдохнула, шепнула: «Спасибо», – и только потом заметила взгляды наставниц.

– Это дух, – пояснила благодарным шепотом. – Он согласился с моим мнением. И отправил Кайора в шахту добывать соль.

– А горожане? – с сомнением пробормотала Санди. – Я тоже не сторонница жестоких расправ, но распаленный ненавистью народ – не самое лучшее наследство.

– Они будут довольны, – загадочно усмехнулась хранительница и снова двинулась вперед.

– Не могу понять, – бормотала магиня, добравшись наконец до широкой галереи, куда выходили двери комнат, где когда-то жили предки Леаттии, – почему твой прапрадед не сделал для себя покои на первом этаже? Ведь можно было отгородить от залов и гостиных двойными дверями, поставить стражу...

– Сразу понятно, – беззлобно усмехнулась Миралина, – что ты из семьи потомственных магов. Это вам чем ближе к земле, тем удобнее держать под контролем все ловушки и сигнальные сети. А у герцогов Брафортских никогда не было в роду магов, и лишь теперь я поняла, почему. Чтобы аура магии не исказила особенностей драконьего дара.

– А кроме того, – проходя в широко распахнувшуюся перед ней дверь, поясняла Леаттия, – в тот момент из нашего мира ушли все высшие расы и самые сильные маги. И прихватили с собой семьи, учеников и преданных друзей. Остались лишь одиночки-колдуны и разные ведьмы, алхимики и знахари. Вы же помните, сколько лет существуют гильдии? Всего три сотни или чуть больше. До этого все выживали порознь. Поэтому и жил мой дед на самом верху, а в случае опасности бежал не вниз, навстречу врагам, а наоборот, наверх, на чердак. Оттуда можно уйти потайным ходом, но откроет его только хранитель.

– Значит, и от Кайоров твои предки ушли этим путем, – сообразила Санди. – Вот теперь история стала для меня прозрачной, как ключевая вода. Раньше я никак не могла понять, почему они так мирно отпустили прежних правителей, да еще и отдали замок Гардез.

– Тот замок тогда принадлежал их тетушке, общей родственнице, – припомнила Миралина, медленно обходя довольно просторную гостиную, украшенную панелями, пилястрами и карнизами из солнечного дерева, покрытого тонкой резьбой.

– Ну да, не могли же они силой ворваться в дом к собственной тетке. Тем более повода не было, – согласилась Санди и, обнаружив, что столик у окна накрыт к трапезе, переменила тему: – Быстро умываемся и идем завтракать. Потом будем думать о платье.

– Зачем о нем думать? – открывая дверь в спальню, откуда можно было

попасть в гардеробную и дальше, в купальню, – улыбнулась Леаттия. – Дух перенес сюда все платья, которые ты купила мне в Давре.

– Да с таким духом никакие беды не страшны, – обрадовалась Миралина.

– Жаль только, – огорченно вздохнула хранительница, – так будет недолго. Может, еще день или два, пока мое положение неустойчиво. Потом придется справляться самой, вызывать его по пустякам нельзя.

– Ну так ведь ты не всегда будешь одна, – осторожно глянула на нее целительница. – Теперь у тебя от женихов отбоя не будет.

– И вот это самое страшное, чего я боялась с того момента, как решила бежать. Раньше Кайор их ко мне ближе чем на пять локтей не подпускал, и мне не нужно было думать, о чем с ними разговаривать, как отвечать, какие шуточки пропустить мимо ушей, а за какие выгнать из дворца. Вот когда за мной в Давре ухаживали маги, все было просто – я знала, что Эгрис дал им строгие указания.

– Так они теперь всегда будут возле тебя, – лукаво усмехнулась Ирсана. – И можешь не сомневаться – сами найдут, как справиться с разными наглецами.

Глава пятая

Спускаясь по лестнице, ведущей в расположенный на первом этаже тронный зал, Леа изо всех сил пыталась держаться уверенно и спокойно. Ведь если вдуматься, в этом доме больше ничто не может ей угрожать. Но ноги вдруг стали непослушными, а похолодевшие пальцы упрямо сжимали жестковатую парчу торжественного платья.

Шедшие следом магини, от которых не укрылось ее волнение, не первый уже раз шепотом предложили глоток успокаивающего зелья, прихваченного Санди с собой, но хранительница снова отказалась. Раз дух сказал, что ей должна быть присуща драконья храбрость, значит, нужно ждать, пока она проявится. Ведь проявлялась же у всех поколений ее предков?

– Графиня Леаттия Гардез Брафорт! – зычно выкрикнул дворецкий, и Леа, заученно подтянувшись и гордо откинув назад голову, неторопливо и величественно преодолела последние ступеньки.

– Прошу, ваша светлость, – тотчас оказался рядом с ней Бензор, учтиво подставил локоть и повел хранительницу в сторону властителей.

Высокие гости в ожидании церемонии выстроились полукругом перед небольшим возвышением, на котором стояла тяжелая золотая чаша, прикованная к мраморному алтарю не менее увесистыми цепями. В ней танцевали легкие зеленоватые язычки ритуального пламени, поддерживаемого редкими жертвоприношениями.

Этот алтарь использовали только в самых важных случаях, когда требовалось официально заверить какое-нибудь значительное событие, произошедшее в герцогской семье. Рождение или смерть, помолвку или коронацию. А после угасания источника Кайоры вступали тут и в союз с избранницами.

Десятка два свидетелей чуть ниже рангом – представители самых знатных и уважаемых семейств Югрета – стояли немного в сторонке, замерев безгласными статуями, пока не вполне поверившими, что им довелось присутствовать на такой знаменательной церемонии.

Леаттия не имела возможности досконально рассмотреть толпу знати, нагруженную роскошными букетами и корзинками с лепестками. Но ее взгляд невольно выхватил внушительную фигуру градоначальника, державшего под руку полнеющую жену, подтянутого генерала Рабольда, командовавшего всеми войсками герцогства, и сухого как щепка Швензла,

начальника тайной охраны и соглядатаев, такого же неприметного, как все его подчиненные.

Хранительница вмиг припомнила, что именно они руководили ее поисками, и сердце на миг тревожно сжалось, но Бензор тут же крепче стиснул ей локоть, и Леа не успела сбиться с шага. А через несколько мгновений, остановившись перед алтарем, забыла обо всем, разглядев идущего навстречу седовласого служителя.

Дворцовых жрецов принято было выбирать из постаревших монахов или белых магов, и в прежние времена они служили не только богам, сохраняя таинство различных ритуалов, но и помогали запутавшимся в жизненных каверзах и заботах людям. Однако в последние столетия во дворце Кайора служителей не считали сколько-нибудь значимыми особами, допуская лишь к проведению церемоний, но не позволяя вмешиваться в жизнь правителей даже намеками. Они принимали такое отношение с покорной невозмутимостью, но Леаттия точно знала, насколько сильно ошибаются на их счет захватившие власть самозванцы.

Нет, тайн хранителей жрецы не знали, но при этом служили им верно и неусыпно, каждый день утром и вечером записывая на листках грубой, дешевой бумаги все произошедшие в герцогстве наиболее важные события. Затем опускали свои донесения в чашу с ритуальным огнем в полной уверенности, что все написанное останется в вечности. Несведущие считали это действие бредом, глупой шуткой кого-то из древних жрецов, поиздевавшихся таким образом над учениками. Однако все урожденные герцоги Брафортские всегда поощряли и поддерживали добросовестных служителей, при надобности доставая из тайника их подробные отчеты. Только они знали тайну зажженного еще ушедшими драконами огня. Он был иллюзорен и служил прикрытием действующего портала для мелких предметов.

Потому Леаттия и склонила перед старцем голову, мысленно прося прощения за все обиды и века мытарств, когда у жрецов отобрали даже удобные комнаты, примыкающие к тронному залу. Сначала выселили их к слугам в левое крыло, а затем и вовсе в каморку при птичнике.

– Сегодня, в седьмой день первой летней луны, графиня Леаттия Каролина Люсилия Брафорт... – Всем знакомые простые слова звучали звонко и торжественно, отражаясь эхом от высокого потолка и возвращаясь подтверждением значимости происходящего. – ...и навеки провозглашается герцогиней Брафортской, получая в том благословение священного огня.

Жрец зачерпнул левой рукой, украшенной широким потертым серебряным ритуальным браслетом, пригоршню зеленых язычков и осыпал

ими голову новоявленной герцогини. Публика зашевелилась, готовясь встретить первый взгляд повелительницы восторженными криками и цветами, и который уже раз за день потрясенно замерла, обнаружив, что ритуальное пламя не погасло по обыкновению, а все разгорается, окутывая девушку зеленым покрывалом.

– Что здесь происходит? – рыкнул герцог Овертонский и оглянулся на стоящего за его плечом верного друга.

– Тсс, – одними губами шепнул Зелад, продолжая жадно рассматривать зрелище, не доступное никому из неодаренных.

Священный огонь, почти не имевший магической силы и бывший, по сути, всего лишь результатом примитивного заклинания неугасимости, доступного даже прилежным ученикам, сейчас нежно светился от струящейся по герцогине энергии. Зеладу не требовалось гадать, ради чего язычки пламени окутывают хранительницу непроницаемым коконом, – защитные плетения являлись самой сильной из способностей магистра. И теперь он отлично видел тончайшую вязь мощнейшей защиты, впитывающуюся в роскошное одеяние новой правительницы.

«Разумеется, – понимающе усмехнулся маг, – на платье этот щит не останется, постепенно просочится сквозь одежду и осядет на коже». И это действие снимает последние подозрения с его собратьев по гильдии. Никому из них не под силу сотворить за минуту такой мощный и незаметный щит. Значит, тот дракон все же существует и все сказанное им – чистая правда?

Жаль, конечно, но в таком случае придется существенно урезать развлечения молодых герцогов. Дураком Зелад никогда не был и искренне презирал людей, увлеченных лишь собственной выгодой, но никогда не думающих о будущем своих потомков.

Огонь угас, осыпаясь с широкого подола герцогини душистыми лепестками розмарина, и она наконец обернулась к зачарованно молчавшим зрителям.

– С возвращением домой, ваша светлость, – низко склонился перед девушкой жрец и попытался опуститься на колени, но она мигом пресекла это намерение:

– Встаньте, святой отец, вы и так много лет несли тяжкую ношу. Сегодня же возвращайтесь в те покои, которые строились специально для вас. Памтсон, проследите.

Долговязый дворецкий, скромно мявшийся в уголке возле дверей, покорно кивнул, но взглянувшая на него Леаттия успела заметить расцветшую на губах слуги счастливую улыбку. Однако расспросить, чему он так рад, герцогине не удалось. Правители обступили ее дружной толпой,

забросали поздравлениями, комплиментами и заверениями в самых добрых намерениях. Каждый счел необходимым пригласить новоявленную правительницу посетить с ответным визитом свой дворец и предложить помощь в управлении обретенным государством.

После того как они величаво отступили в сторону, к Леаттии ринулись придворные, намереваясь осыпать герцогиню цветами и клятвами верности, но внимательно наблюдавший за церемонией Эгрис шагнул вперед, поднял руку и спокойно сообщил:

– Уважаемые дамы и господа! Ее светлость Леаттия Брафорт рада видеть вас здесь и желает сообщить, что все вы предварительно прошли проверку на лояльность к вернувшемуся роду Брафорт. Поэтому теперь не будем тратить время на разговоры, герцогиню желают видеть подданные, и она приглашает всех вас разделить с ней радость народа. Корзины помогут донести охранники.

Король Банлеи сориентировался первым – важно подал руку хранительнице и повел ее вслед за гордо выступавшим дворецким к лестнице на второй этаж. Именно оттуда, с балкона, покоящегося на окружающих парадное крыльцо колоннах, правители Брафорта с незапамятных времен обращались с речами и воззваниями к своему народу.

Ворота замка были уже распахнуты настежь, чего никогда не позволял себе Кайор, и выложенный плитами разноцветного гранита двор пестрел праздничными нарядами возбужденных неожиданной сменой власти горожан.

Пройдя по застеленному коврами балкону к перилам, украшенным ее родовыми флагами и цветами, Леа с минуту стояла молча, ожидая, когда ее заметят все и смолкнут. И пока глядела сверху на волнующееся народное море, отчетливо поняла, что сейчас нельзя ни много говорить, ни тем более обещать. Если она по незнанию посулит нечто невыполнимое, злопыхатели позже непременно ей это припомнят, сколько бы ни было сделано добра.

– Когда-то давно, – произнесла она звонко, едва стих шум, – мой прадед привел сюда по бездорожью, преодолевая горные перевалы, реки и нехоженые леса, свой отряд. Мало кто знает, сколько еще таких отрядов направлялось в тот год к возникшему в низине озеру, зато известно всем, что Юлиар Брафорт оказался самым смелым и мудрым. Он не только довел до этого места в целостности и сохранности своих людей, но и основал город. Построил замок и первые ялы, нашел еду и топливо, а самое главное – сумел заслужить уважение и доверие своих подданных. Сегодня тяжесть герцогской власти легла на мои плечи, хотя я далеко не так сильна и мудра, как мой прадед. Поэтому не обещаю прямо сейчас решить все

накопившиеся у вас проблемы. Но могу сказать твердо: постараюсь сделать все возможное, чтобы разобраться с ними как можно скорее. И в этом мне готовы помочь люди, спасшие меня от жестокого безумца и доказавшие за последние дни свою дружбу и преданность. А сегодняшний день объявляю праздником, и пусть не будет на нем голодных и печальных! Для всех желающих повеселиться на центральной площади сейчас накроют столы!

Последние слова Леаттии подсказал дух, пообещавший лично присмотреть за тем, чтобы к тому моменту, как эти люди доберутся до обещанного угощения, вертела с жареным мясом и бочки с элем и медом там уже стояли.

Горожане дружно выкрикнули троекратное «виват» и прежде, чем ринуться к обещанному застолью, швырнули вверх букетики цветов, веточки розмарина и мелкие безделушки, стараясь забросить их на балкон. Знатные гости и слуги в ответ кидали цветы и горстями рассыпали на головы горожан душистые лепестки.

Они почему-то падали неправдоподобно медленно, кружась, как зонтики одуванчиков, и горожане, не спешившие к бесплатному угощению, подставляли ладони, ловя эти безыскусные дары. И потрясенно замирали, обнаружив в руках не разноцветные душистые клочки, а ленты, косынки, шарфики и маленькие кошельки с серебром. А еще туески с конфетами и пирожными, краснобокие яблоки и желтые груши. На площади поднялась веселая суматоха, народ начал гоняться за лепестками, но скоро заметил, что подарки выпадают лишь из добровольно прилетевших в руки цветов. Многие женщины из тех, кто одет побогаче, раздавали упавшие в их ладони конфеты детворе, и вскоре у всех малышей были полны карманы.

Тем временем легкий ветерок неспешно вынес облако лепестков за ворота, развеял по городу, и с умилением следившая за этим Леаттия больше не сомневалась, что сегодня каждый получит от нее хоть небольшой дар.

– Начинаете баловать народ, – безразлично произнес эмир, глядя вслед улетающим цветам, и непонятно было, одобряет он это действие или осуждает.

– Просто показываем людям возможности новой герцогини, – так же мирно отозвался Эгрис и, учтиво склонив голову, предложил: – Ваши величества, позвольте от имени новой хозяйки этой страны пригласить вас к столу.

– Благодарю, – вежливо кивнул король Банлеи. – К моему великому сожалению, меня ждут неотложные дела. Но я готов прислать вам с посольской миссией своего сына, он как раз мечтал побывать в этих

легендарных краях.

– Мы будем рады всем послам и гостям, – одарила короля лучезарной улыбкой Леаттия. – И еще раз большое спасибо за помощь в судеюстве. Самой мне не хватило бы смелости наказать бывшего жениха.

– Я рад был оказаться вам полезным, – тонко улыбнулся его величество и исчез так стремительно, словно растаял.

– Какие необычные у вас порталы, – задумчиво пробормотал герцог Овертонский и привычно оглянулся на стоящего за плечом магистра. – Зелад, а тебе известно это заклинание?

– Да, ваша светлость, – суховато сообщил тот и еле слышно добавил: – Но об этом позднее.

– Тогда я тоже отправлюсь домой, – успокоился всецело доверявший ему Виториус. – Ее светлость Меодона наверняка тревожится. Но мы тоже пришем сюда послов, ваша светлость! Мои сыновья жаждут посмотреть мир. Вы ведь никогда их не видели?

В его словах слышалась гордость за рослых красавцев, и хотя Леаттия вовсе не разделяла родительского умиления, спорить не стала. Юным герцогам от этого все равно никакой пользы не будет, а для соседских отношений только вред. Но и отвечать не стала, лишь, припомнив поучения своей учительницы по этикету, кротко улыбнулась и потупилась.

– Значит, ждите, – одарил ее благосклонной улыбкой герцог и пропал так же молниеносно, как Тилиред.

Остальные правители не пожелали отступить от заданного королем Банлеи порядка, раскланялись так же доброжелательно и исчезли, пообещав сегодня же направить сюда послов.

Знатные гости сообразительно поспешили отступить с балкона боковыми выходами, оставив герцогиню наедине с загадочными и самоуверенными темными магами, хотя больше всего желали бы узнать, какие тайны связывают с ними недавнюю наивную скромницу. Но попытаться подсмотреть не осмелился никто. Все были наслышаны о том, как умеют наказывать слишком любопытных магистры темной гильдии.

– Вашей светлости необходимо присутствовать на официальном обеде, иначе подданные сочтут это за оскорбление, – деликатно напомнил Эгрис задумчиво стоящей у перил правительнице. – Надеюсь, вы не будете против, если Бензор предложит вам руку? Я обязан вести свою жену.

– Наша светлость... – выныривая из размышлений, огляделась по сторонам Леаттия и, обнаружив, что никого из придворных рядом с ней уже не осталось, категорично отрезала: – Против!

С усмешкой понаблюдала за поджавшимися губами Бензора и хмурым

лицом главы гильдии и мягче пояснила:

– Против настырности, с какой ты величаешь меня светлостью. Я уже один раз сказала и не намерена повторять бесконечно: если тебе так уж хочется соблюсти приличия перед величествами и светлостями – будь по-твоему. Но когда поблизости нет ни одного чужого человека – не смей обращаться ко мне таким тоном! И почему я не вижу Миралину и Ирсану?

– Они сейчас заменяют тебя в тронном зале, вернее, пытаются, – устало вздохнул Эгрис. – Мы надеялись, что короли захотят побеседовать в тесном кругу о важных делах. Но, судя по всему, они пока не считают тебя достойной серьезного разговора. А идти в зал все же нужно, и Бензор сейчас – лучший вариант. Соглашайся, а я пойду к Санди.

– Сразу бы так и сказал, – буркнула Леа, не понимавшая, почему ей нельзя идти с учителем или хотя бы Вельтоном. – Бензор! Давай твою руку!

Положила ладонь на услужливо подставленный локоть, гордо выпрямилась и двинулась в зал, делая вид, будто не замечает лукавой ухмылки казначея.

Стол для герцога стоял на возвышении возле дальней стены огромной праздничной трапезной, и Леаттия просто до содрогания не любила проходить туда мимо всех гостей. И всегда успевала не раз покраснеть и побледнеть, пока Кайор важно вел ее по центральному широкому проходу вдоль длинных столов, за которыми гостям полагалось сидеть только лицом к залу. Знатные господа, военные и послы, уже усадившие на стулья своих дам, солдатыками стояли рядом с ними, поедая преданными взорами шествующую мимо них компанию. А дамы, чинно сложив на коленях руки, все это время кротко смотрели в стоящие перед ними пустые пока тарелки.

– Я давно предлагал Манреху переделать этот зал, – спокойно рассуждал Эгрис, идущий с женой под руку следом за Леаттией, – пробить позади его стола нормальную дверь и выходить оттуда. А при надобности можно незаметно улизнуть в любой момент. Но он любил покрасоваться.

– Этот гад вообще обожал показную роскошь, – сердито фыркнула Санди. – Но о нем лучше не говорить.

Миралина, которую вел к столу оставшийся во дворце Зелад, только согласно склонила голову.

– У нас действительно хватает сейчас забот и без Кайора, – усмехнулась герцогиня, добравшись до своего места, и внимательно осмотрела увешанную флагами, вымпелами и гербами стену. – Но, думаю, вы не знаете истинной причины его отказа. Он просто очень боялся дверей и окон и всегда садился к ним лицом. А если сделать двери здесь, они

окажутся как раз за спиной. Ну а теперь, пока нас никто не слышит, рассказывайте, почему учитель и Вельтон от меня прячутся?

– Ты неверно поняла, – сияя добродушной улыбкой, которую могли рассмотреть все гости, украдкой вздохнул Эгрис. – Но нас вроде пригласили поесть? Я с раннего утра корки хлебной не видел.

– Возьми столько корок, сколько хочешь, – не собиралась уступать герцогиня. – Жуй и рассказывай.

– Как портит людей власть, – снова послал маг в зал деланую улыбку. – Еще вчера ты стеснялась задавать такие вопросы.

– Не слушай его, – не выдержала Санди. – Просто они намеренно не мозолят твоим подданным глаза. Ты ведь помнишь, как подозрительно относятся люди к темным магам? Сама недавно смотрела на Джара настороженно, как на черного колдуна.

– Тогда я не понимала разницу... – задумалась Леа, даже есть перестала.

– Вот и они пока не понимают, – мягко улыбнулась целительница. – Так пусть тоже немного привыкнут.

Глава шестая

– Миралина, я должна сказать тебе одну важную вещь... – Леаттия в волнении прикусила губу и бесцельно одернула казавшиеся ей коротковатыми рукава. – Вернее, спросить...

Сегодня знойное солнце и южный ветерок с самого утра разогнали с неба легкие облачка, и на город обрушилась первая летняя жара. Поэтому герцогиня, пригласившая на второй завтрак главную целительницу Рахарга, была одета в легкое светлое муслиновое платье и заметно смущалась, отвыкнув за последний год от таких нарядов.

– Я слушаю, – ободряюще кивнула целительница.

– Мне хорошо известно, что ты давно живешь в крепости, принадлежащей нашей гильдии. Тебя там все уважают и любят... поэтому сама я никогда бы не осмелилась... – Она снова смолкла, вздохнула и наконец решилась: – Но дух посоветовал предложить тебе место главной целительницы Брафорта.

– Дворца? – осторожно уточнила Миралина.

– Нет, всего герцогства. Такой должности у нас еще нет, но если ты согласишься, я немедленно издам указ. Дух... ну, в общем, его часто нельзя тревожить, а мне нужны советники. И не только магистры. Я уже думаю, как их искать, но сама, разумеется, ничего решать не стану, а после завтрака соберу первый совет. Но сначала мне нужно знать, согласна ты или нет. Если да, то пост первой советницы будет твоим.

– А Эгрис и другие?

– Эгрис согласен быть придворным магистром и уже занял положенные магу комнаты и башню. Джару я предложила пост главного советника... но с тех пор он меня избегает. Даже смешно, – с досадой фыркнула девушка. – То за ручку водил, как маленькую, а теперь в прятки играет. Но должность главного целителя герцогству очень нужна, в Югрете слишком много лекарей, которые требуют непомерную плату за свои услуги и не по карману простым жителям. А еще множатся беспризорные дети, мы с матушкой помогали им чем могли, но этого было очень мало. Теперь я намерена отвести под лечебницу и приют замок Гардез, там сделают ремонт и оборудуют все нужные службы.

– Знаешь... – Миралина осторожно взяла хранительницу за руку и усадила на диван возле себя, – мне понятно, что это затея духа, и потому сразу должна сказать: он каким-то чудом угадал мою давнюю мечту –

устроить для детей хороший приют. Такой, где повара не будут растаскивать из котлов мясо и масло, где детей будут хорошо учить и растить из них достойных людей. Потому что Рахарг для меня тесноват, и кроме того, там все – маги, а они сильнее и увереннее простых людей. И если в крепость случайно попадают не имеющие дара малолетние бродяги, то большинство долго не выдерживают, уходят. Нет, их никто не обижает, но детям тяжело жить рядом с волшебниками и знать, что сам никогда так не сможешь. Хотя они не хуже, я уверена. Судьба оделила всех, хотя и неравномерно, но каждое умение обязательно пригодится в жизни. А тебе я хочу от всей души сказать спасибо, ведь окончательное решение было твоим. Давай выпьем за это по чашке отвара, пока не остыл, а потом попробуем разобраться с твоим учителем.

– Спасибо, Миралина! Просто камень с души, как говорила моя старая няня, – обрадовалась Леа, пересаживаясь к столу. – А с Джаром я хотела откровенно поговорить, но никак не получается. Хотя он как учитель должен все время быть рядом.

– Хороший наставник не держит постоянно ученика на жестком поводе, – прожевав кусок пирога, усмехнулась целительница, – а дает ему свободу, иначе никогда не вырастишь самостоятельного и рассудительного мага. Хотя ты и не маг, но и не простой человек, и не должна все время оглядываться на учителей и наставников. Но и отказываться от советов умудренных жизнью людей тоже глупо – такой вот непростой и опасный у тебя теперь статус. Чем-то сродни мастерству смельчаков, которые могут пройти по канату над пропастью и не упасть, не опозориться и не повернуть назад.

– Похоже, – засмеялась Леаттия. – Мне самой это именно так и видится.

Она допила отвар, отодвинула чашку и, встав из-за стола, прошла к раскрытому окну. Полюбовалась на ровные кроны деревьев, на чистые дорожки и пышные клумбы и хмуро усмехнулась. Все-таки хоть что-то Манрех умел: во дворце и саду идеальная чистота, слуги бегают по черным лестницам пугливыми мышками, стражники не болтаются по двору, а стоят на своих местах. Кстати, а кто сейчас следит за тем, чтобы этот порядок не нарушался?

– Пока наши собраты собираются на совет, есть немного времени поговорить о мужчинах, – встала рядом Миралина. – Так уж мне повезло, что в последнее время рядом было больше парней, чем девушек, и я успела их неплохо изучить. И даже пожалела, что мало понимала прежде, в юности, насколько мы разные и как осторожно нужно выносить им

приговор и принимать важные решения. Но самое главное – как нет абсолютно похожих между собой девушек, так нет и похожих мужчин, и неверно поступают те девицы, которые безапелляционно объявляют всех мужчин бабниками и коварными охотниками за девичьими сердцами. Или даже подлыми соблазнителями. Просто те парни, которые предпочитают серьезным отношениям легкие интрижки без всяких обязательств или, наоборот, считают любовные победы медалями на собственном самомнении, обычно более деятельны и инициативны. Жизненная энергия из них так и хлещет, они сыплют комплиментами, байками, шутками направо и налево, мгновенно очаровывают всех женщин в том обществе, куда попадут, и девицы сами тянутся к ним, как бабочки на яркую свечу. А потом поливают подушки горькими слезами или начинают придумывать планы мести, хотя проще всего было бы изначально держаться от таких ветреников подальше. Увы. Далеко не у каждой женщины достаточно опыта и выдержки, чтобы не попасть в заманчивую ловушку, где они мечтают найти вечную любовь, а находят лишь разочарование.

– Миралина... – Леаттия несколько минут подыскивала нужные слова и наконец произнесла: – Спасибо за разъяснения, это очень интересно и познавательно. Но почему ты говоришь про любовь и легкомысленных мужчин? Джар мне учитель, а не жених и не один из претендентов, и все сказанное тобой не имеет к нему никакого отношения.

– Вот потому и говорю, что он не такой. И очень хорошо, что ты сама это осознаёшь. У нас в гильдии не принято обсуждать друг друга и открывать чужие тайны, темные маги свято чтят право друзей на личную жизнь и прошлые ошибки. – Миралина смотрела на хмурящуюся герцогиню сочувственно и слегка виновато. – Понимаешь, мы все очень непростые люди и открываем душу перед друзьями только тогда, когда сочтем нужным. Или не пожелаем больше молчать. Прости, я понимаю, что не оправдала твоих надежд. Может, раздумаешь назначать меня главным целителем?

– Никогда. И теперь я еще больше уверена, что это самый лучший выбор. А с Джаром поговорю сама... как только поймаю.

– Поговори, это самый верный способ понять друг друга, – согласилась целительница. – Но не зови его Джаром, он здесь под своим именем, как и все мы. И прими дружеский совет – надень платье построже. В этом тебе едва восемнадцать можно дать, а Эгрис позвал советников Кайора, генерала и нескольких знатных господ из самых надежных.

Леа согласно кивнула и направилась в гардеробную, по пути пытаясь понять, на что так туманно старалась намекнуть целительница и с кем еще

можно поговорить о странных тайнах магов, ставших ей за последние дни самыми верными друзьями. И выходило – только с Санди, она несколько лет была напарницей Джара, и это очень много значит. Леа до сих пор прекрасно помнит, как магиня скрывала от нее даже планы по спасению и их условные имена, с какой неохотой говорила о прошлом напарника. Бывшую знахарку можно понять: любимый мужчина не один год обижал ее совершенно незаслуженно, тогда как Джар все время был на ее стороне. И не важно, что Эгриса подло обманули, он ведь раскрыл один обман своей первой жены. Так почему не подумал, что, обманув в одном, она могла солгать и в другом?

– Боги, как все это сложно! – вырвалось у девушки, когда она оправляла подол строгого платья густого синего цвета со скромной отделкой и почти глухим воротником. – Ну откуда мне знать, какие причины заставляют мужчин действовать именно так, а не иначе? Хотя одно понемногу начинает проясняться – пока молодые маги не подозревали о моем настоящем имени и новом титуле, интереса в их взглядах было значительно меньше!

В большой кабинет, где все герцоги Брафортские проводили важные совещания, Леаттия прибыла в сопровождении Миралины и присоединившейся к ним по дороге Ирсаны. Всего на мгновение замерла на пороге, оглядывая выстроившихся вдоль стен мужчин, и решительно прошла к стоящему во главе стола высокому, как трон, креслу. Заняв свое место, вежливо предложила присутствующим садиться и проследила, как они устраиваются напротив, оставив рядом с ней несколько свободных стульев.

– Я не буду вам рассказывать, зачем мы тут собрались, – строго поглядывая на генерала и Швензла, объявила герцогиня. – Начну с первого указа. Магистр Миралина Лайренс назначена главным целителем герцогства и настоятельницей столичного приюта для детей, а также моей советницей по этим вопросам. Миралине Лайренс предоставляется абсолютная свобода действий и отходит в полное распоряжение замок Гардез. Магистр Эгрис Дуарис Тагорно назначается главным магом герцогства и моим первым советником по вопросам внешней политики и безопасности. Ему также предоставляются особые полномочия и отводятся все помещения, принадлежащие бывшему придворному магу, и покои для его учеников и помощников. Магистр Арвилес Легерро назначается моим главным советником, ему предоставляются любые покои на выбор и кабинет рядом с моим рабочим кабинетом. Магиня Ирсана Тагорно

назначается моей личной советницей и компаньонкой и получает покой рядом с покоями моей светлости и любой кабинет на выбор. Советники, займите положенные вам отныне места.

Произнося последние слова, Леаттия замерла в ожидании, стараясь ничем не выдать своей тревоги. Почему-то ей казалось, что Джар, явившийся на совет в таком же черном одеянии, как остальные темные маги, обязательно откажется от предложенного поста или просто уйдет.

Но он молча прошел к столу и сел на стул между ней и Миралиной. С другой стороны от герцогини села Ирсана, а рядом с ней устроился ее муж, державшийся сегодня невозмутимо, как аларийский эмир.

– Благодарим за доверие, ваша светлость, – веско произнес он и достал из кармана свиток шелковой бумаги. – По вашему распоряжению я заготовил список людей, достойных занять места ваших остальных советников. Считаю уместным предложить пост главнокомандующего брафортской армией генералу Деметру Рабольду. Начальнику тайной канцелярии капитану Имору Швензлу присвоить звание полковника и передать в подчинение городскую стражу и тайную полицию; графа Боттино назначить советником по торговле; магистра Вельтона Станза – главным прокурором герцогства; магистра Бензора Исмоди – главным советником по финансам и главным хранителем герцогской сокровищницы.

Он читал и читал, и не все имена были Леаттии знакомы, но теперь она слушала вполуха, успев убедиться в правоте дракона. Эгрис и в самом деле продумал все намного лучше, чем сделала бы она сама, и теперь можно не сомневаться, что ее небольшое государство не ждет никаких резких перемен, бунтов и возмущений. Потому что все важные посты заняли люди, которым народ доверял, а те должности, которые заняли маги, хотя и были очень важны для жизни страны, прежде всегда доставались любимчикам Манреха Кайора и его предков.

– Все, кто согласен принять предложенный пост, – стараясь смотреть строго, сообщила Леаттия явно ошарашенным соотечественникам, – могут просто промолчать, магистры засвидетельствуют ваше решение. Если кто-то не согласен или колеблется, даю время на размышление до вечера.

– Но не забывайте, – ехидно буркнул Вельтон, – что нерешительность вовсе не добавит вам авторитета в глазах остальных советников.

– Я согласен, – твердо глянул на герцогиню Рабольд. – Но, боюсь, вашей светлости неизвестно, что звание главнокомандующего всегда носил правитель.

– Я учила историю, – вежливо улынулась Леа, – и отлично знаю, что это правило ввели братья Кайоры, захватившие власть триста лет назад. И

потому всего лишь возвращаю прежние законы. Кроме того, мне не к лицу военный мундир, и саблей махать меня тоже не научили.

Свежеиспеченные советники дружно засмеялись, скорее не ее простенькой шутке, а от осознания, что герцогиня – уже вовсе не та стеснительная девчушка, которая всего пару месяцев назад не сводила с Манреха восхищенного взора.

Выждав немного, Леаттия достала из принесенной с собой плоской шкатулки свиток, куда записала несколько вопросов об изменениях, которые необходимо произвести в законах. Все мечты ее родителей и то немногое, о чем размышляла сама в те самые страшные дни, когда осталась совсем одна и считала, что помощи ждать уже неоткуда.

– Раз никто из вас не выразил желания отказаться, поздравляю с полученными постами. И напоминаю – вы вошли в герцогский совет, который отныне будет решать все самые важные вопросы страны. Себе я оставляю только право вето, но пользоваться им собираюсь лишь в крайних случаях. И, разумеется, подписание любых приговоров и указов. И первый пункт первого указа после оглашения ваших новых постов будет именно о наказании. С этой минуты в Брафортском герцогстве отменяются смертная казнь и любые публичные наказания. Также запрещены любые телесные наказания и оскорбления граждан и гостей герцогства. Везде. – Она несколько секунд молчала, открыто разглядывая притихших советников, потом твердо добавила: – В тюрьмах, в армии, в артелях, гильдиях и всех прочих местах. Вельтон, подготовьте указ о штрафах за нарушение нового закона. И добавьте оговорку, что с каждым разом штраф будет расти. Швензл, надзирать за исполнением этих указов обязаны ваши люди. И следить честно – каждый, кто будет пойман на укрывательстве драчунов, навсегда лишится должности. Магистр Эгрис, добавьте в этот указ свои замечания. Второй пункт указа будет об оказании помощи и устройстве беспризорных детей, бездомных бродяг и нищих. В Югрете их довольно много, и мне интересно узнать почему.

– Все просто, – сообщила Ирсана. – Несмотря на то что город стоит на реке, тем, кто живет выше, не хватает воды. Раньше на верхние улицы ее возили герцогские водовозы, но еще дед Манреха перестал им платить и продал водовозки. Но не жителям, тем не по карману, а новой гильдии водовозов. Теперь вода платная, и довольно дорогая, покупать могут только самые состоятельные люди. Дома на холме начали дешеветь, их скупил оборотистые дельцы и сдают внаем гостям и купцам. Тем, кто может оплатить воду. А простые жители перебрались на берег выше по течению и налепили там хижин, но эти домишки каждый год сносит половодьем.

– Генерал Рабольд, – просмотрев свои записи, герцогиня взглянула прямо на задумчивого командующего, – в нашей армии есть строительные войска?

– Разумеется, – мигом подтянулся он. – А можно задать вопрос... когда ваша светлость успела придумать эти указы?

– Вчера вечером, – понимающе усмехнулась Леаттия. – Но не до всего додумалась сама, большую часть списала. С бумаг, которые остались от моего отца и до вчерашнего дня хранились в тайнике. Больше вопросов нет?

– Простите... – Опытный вояка умудрился сохранить на лице невозмутимое выражение, но крепко стиснутые губы выдавали его волнение.

– Я не обиделась, все вы вправе сомневаться. – Хранительница незаметно вздохнула и осторожно достала из шкатулки очередной свернутый в несколько раз документ, точнее, план, выведенный тушью на шелковом платке. – Потому и принесла эту карту, но теперь понимаю, что должна выдать ее вам. Если магистры не найдут способ снять копию.

– Позвольте мне. – Джарвис, до этого не произнесший ни слова и отстраненно наблюдавший за происходящим, бережно взял подвинутый ему кусок ткани.

Развернул, пригляделся и неуловимым движением руки сотворил три облачка. На глазах заинтригованных зрителей они растянулись над планом, уплотнились и мягко осели на старую карту белоснежными лоскутами шелка. А еще через несколько мгновений на них, словно вода, начали проступать четкие линии и разноцветные значки.

– Один – мне, – дагорец спокойно отложил один платок в сторону, – два – генералу, а подлинник – вашей светлости. Память о родителях свята.

Леа молча кивнула, но, прежде чем спрятать отцовское наследство, разложила перед собой на столе.

– Его милость рассчитал, что достаточно будет поставить выше по течению, там, где Терсна течет между каменистыми холмами, пару больших мельниц и пробить от них через склон холма канал. Дальше вода пойдет сама, но, чтобы по пути много не терялось, берега потребуются выложить каменными плитами. И тогда у города будут и вода, и мельницы.

– Считаю необходимым сначала объявить собственностью вашей светлости все свободные земли вдоль будущего канала и выкупить дома, – рассмотрев взятый у генерала план, тотчас заявил Бензор. – И у меня тоже есть сообщение. Вчера я проверил казну. Манреха можно было бы похвалить за скопидомство, он собрал внушительное богатство. Но вот

налоги назначил неподъемные, и многие предпочитают откупаться от сборщиков взятками. И на армию давал очень мало, поэтому там служат только те, кому некуда больше идти, да зеленые пастушки, набранные в селах. С такими канал не построить.

– Вопрос о жалованье и содержании солдат решите с командующим и командиром стражи сегодня же, – мгновенно принял решение Арвис. – И не стесняйтесь, воины ее светлости не должны завидовать гвардейцам Тилиреда. Еще нужно заказать всем новую форму и отремонтировать казармы. И на лето перевести большую часть бойцов в строительные отряды, к зиме вода должна пойти по новому каналу. Пробить его в скалах мы поможем. Я немедленно отправляюсь посмотреть все на месте.

– В таком случае все, кроме магини Ирсаны и целительницы Миралины, свободны, – объявила Леаттия чуть резче, чем ранее, и тут же мягко улыбнулась, сглаживая это впечатление. – Устраивайтесь в новых кабинетах, договаривайтесь о содействии и готовьте указы. Бензор, мне понравилась идея скупить дома.

– Сегодня же они будут вашими, – лукаво усмехнулся казначей темной гильдии и первым встал из-за стола.

Герцогиня дождалась, пока за торопливо покинувшими кабинет советниками захлопнется дверь, и требовательно уставилась на Санди:

– Миралина сегодня уже не пожелала объяснять мне, что происходит с Джарвисом, а если и ты не захочешь, я буду уверена, что это заговор.

– Я не откажусь, – вздохнула та. – Но ты же знаешь правила темной гильдии? Нельзя лезть к человеку в душу, если он сам того не хочет. Вот тебе ведь не понравится, если я скажу откровенно, как мне видится твое поведение?

– Может, мне лучше уйти? – Миралина попыталась встать.

– Нет уж, сиди, – остановила ее Леаттия. Подумала и решительно поднялась с места. – Давайте совместим этот разговор с делом. Я прикажу подать коляску, мне хочется побывать дома, собрать памятные вещи... Как выяснилось, Кайор в надежде на мою поимку велел в замке ничего не трогать, и это было каплей, заставившей меня просить его помилования.

– Горожане, видевшие казнь, никогда в это не поверят, – вздохнула Санди, успевшая с утра ненадолго сменить обличье и пробежаться по своим старым подругам.

– Неужели было так страшно? – побледнела Леа.

– Сначала все шло как обычно. Когда узника отдали толпе, люди выкрикивали ругательства и швырялись камнями... а потом вдруг появилось слепящее пламя, он страшно закричал и вмиг осыпался пеплом.

У свидетелей спины от ужаса заledenели. Даже мне стало не по себе, хотя отлично понимаю, что это был фокус, и Кайора унесло в портал.

– Ну, немного испуга ему нужно было испытать, – помолчав, твердо объявила герцогиня. – Пусть и недолго побыл в шкуре своих жертв, от этого, может, и не раскается, но хоть что-то поймет.

– Ваша светлость, карета готова. – Вежливо стукнув в дверь, появился на пороге дворецкий.

– Спасибо, Памтсон, – привычно поблагодарила Леаттия и вдруг, припомнив, остановила собиравшегося исчезнуть слугу: – Скажите... я не ошибаюсь – вы действительно рады смене хозяина?

– Не ошибаетесь, – с достоинством поклонился дворецкий. – Я счастлив. И буду всегда благодарить небеса, если мне удалось хоть немного этому поспособствовать.

– Как именно? – еще недоумевала Леа, а в памяти уже разворачивалась намертво въевшаяся картинка, как она бежит мимо дворецкого и он смотрит на нее с искренним состраданием. – Так вы нарочно проводили меня в ту комнату? Памтсон! Вы даже не представляете, что для меня сделали! И для всего герцогства. Хотя всем этого знать, разумеется, не следует, у Кайора остались дружки. А вот темных магов не бойтесь, они вас не выдадут. И можете просить любой награды, выполню все, что в моих силах.

– Благодарю, ваша светлость, – искренне улыбнулся слуга, – у меня все есть. Но я хотел спросить про слуг...

– Спрашивайте.

– Кайор набрал горничных... как сказать... хорошеньких, но неумех, а чистоты требовал идеальной. Старые слуги работают с раннего утра до поздней ночи, а кормить их положено объедками. Тем, что другие отдают дворовым псам. А красавицы спят до обеда, потом надевают кружевные фартучки и гуляют с метелочками возле гостевых покоев. Нет, их я ни в чем не виню, девушкам тоже живется несладко...

– Мы все поняли, – остановила его Миралина, – и на этот вопрос вам отвечу я. Наберите хороших слуг, сколько считаете нужным, выделите комнату под столовую и поставьте одного повара готовить для них горячий завтрак, обед и ужин. А особых горничных попросите собраться в маленькой гостиной на первом этаже, я сама с ними поговорю по возвращении из Гардеза.

– Но первым делом выдайте всем, кто заслужил, хорошую премию и назначьте приличное жалованье, – добавила Леаттия. – Мне отлично известно, что Манрех отличался скаредностью во всем, кроме собственных

прихотей.

Глава седьмая

В замок, где Леаттия родилась и провела всю жизнь, они ехали в одной из закрытых карет, хотя и украшенной гербами, но никогда до этого дня не удостоивавшейся чести возить герцога. Однако Вельтон, словно случайно оказавшийся на крыльце, настоял именно на ней.

– Вот чего я от тебя никак не ожидал, – тихо бурчал он, пока конюх умчался перепрягать лошадей, – так это прокурорского поста. Надеялся на должность директора театра... или по меньшей мере цирка. Ну, может, главного ювелира. Но спорить ведь не стал? Вот и ты не спорь. Народ вчера хотя и праздновал едва не до рассвета, но пока не понял, к добру или к худу такие перемены. И вполне могут найтись дураки, которые захотят еще раз повернуть затею со сменой власти. Поэтому не стоит дразнить гусей и развезжать без охраны в открытом ландо или в праздничной золотой карете.

– Потому я и назначила тебя прокурором, – веселилась Леа, отдыхая рядом с ним душой. – Догадывалась, какой ты бдительный. Но должна шепнуть по секрету: за должность ты благодаришь не того.

– Понятно, – протянул маг и хищно усмехнулся: – Ну, должен признаться, он не ошибся. Вот только с учеником не придумаю, как поступить. И бросить жаль, и времени у меня на него пока не будет.

– Отдай пока мальчишку Миралине, – подсказала Санди. – У нее скоро будет куча беспризорных, и понадобятся помощники. Так и скажи – женщина попросила помочь, не мог отказать.

– Ну, уговорить его я и сам сумею, – довольно прищурился Вель. – А за совет спасибо. Только прячьте получше пузырьки... иначе кого-нибудь недосчитаетесь.

Отворять ворота отправилась Миралина, решительно забрав у Леаттии выданный Эгрисом амулет, открывающий в защите проход. Глава гильдии сделал его еще вчера, после того как решил не снимать с замка надежный купол.

– Мало ли зачем может понадобиться защищенное жилище, – пожал он плечами в ответ на вопрос герцогини. – Пусть сеть пока останется. Энергии она тянет немного, так как обычно активны только сигнальные нити. А вязать новое плетение придется не один день, да и магии уйдет прорва.

– Нужно запомнить, что твой муж обладает даром предвидения, – задумчиво пробормотала Леаттия, наблюдая, как Миралина проходит в распахнутую створку ворот и подает знак молодому магу, сидящему на облучке за кучера. И изумилась, услышав искренний смех наставницы. – Чем я тебя развеселила?

– Он каждый день по десять раз повторяет, – в веселом голосе Санди проскользнула горьковатая нотка, – как сильно раскаивается в ошибках молодости. И истово жалеет о годах, прожитых нами врозь. Он даже не догадывался, что мы будем счастливы только вместе. А ведь если бы у него было чувство предвидения...

– Санди, – расстроено выдохнула хранительница, не зная, чем можно утешить женщину, – я так мало понимаю в любви... Но ты наконец нашла свое счастье, можешь беречь его и радовать. Моя маменька частенько повторяла, что близкие люди всегда стремятся сделать жизнь друг друга приятнее. А если такого желания нет, то они уже чужие.

– Они были хорошими родителями, – вздохнула Санди и распахнула дверцу остановившейся кареты. – Тебе не тяжело сюда входить?

– Теперь – нет, – кротко улыбнулась Леа, припомнив последние слова ушедшего в свое хранилище дракона.

Дом оказался незаперт, но Миралина углядела на ручках тонкую «сторожку» и ловко сняла ее амулетом. Оглянулась на мага, отгонявшего лошадей в тень давно пустующей конюшни, и тихо, с сомнением, пробормотала:

– В последние дни мне кажется...

– Что? – насторожилась Санди и обвела двор бдительным взглядом.

– Да нет, просто глупость.

– Если ты почувствовала увеличение способностей, – входя в просторную прихожую размером с небольшой зал, с улыбкой откликнулась Леаттия, – то это не глупость, а подарок дракона. Он сделал такой всем, кого счел достойным. Про вас, Эгриса и Джара я знаю точно, а имен остальных он не назвал. Вот я и молчу пока – боюсь вызвать чью-нибудь обиду. Дух пояснил, что изменения происходят не сразу, это было бы очень опасно. Но примерно луны через две все войдете в полную силу.

– Ох боги... – растерянно опустилась на дубовую резную скамью Ирсана. – Ну почему ты мне хоть словечком не намекнула? Это ведь такой ценный подарок, а я даже спасибо сказать не смогу.

– Ему благодарностей не нужно. Он считает, что вы все это уже заслужили, и просит только об одном: оставайтесь сами собой...

Было странно и немного грустно ходить по родному дому и знать, что скоро он станет своим для чужих мальчишек и девчонок, которым не будет никакого дела до воспоминаний о счастливом детстве, таящихся во всех углах. Тут она играла в прятки с няней и матушкой, когда была совсем маленькой, там разбила колено, спеша поглядеть на ледоход, по этой лестнице счастливая и смущенная спускалась навстречу ожидающему внизу жениху, заехавшему за невестой перед весенним праздником равноденствия.

Смутная, тревожащая мысль мелькнула в уме при этом воспоминании, и Леа постаралась ее не упустить, запомнить, докопаться до истины и дать себе самой безмолвный ответ. А едва сообразив, почему в последние дни чувствует себя такой одинокой и неприятной, сердито нахмурилась. Правда не понравилась ей просто до отвращения, как выяснилось, ее чувства была сродни ощущениям брошенных возлюбленных, и это определенно сказывалась потеря браслета Кайора.

– Давайте посидим в этой гостиной, – окликнула герцогиню идущая следом Санди, но Леа упрямо мотнула головой.

– Лучше в кабинете отца, мне нужно взять там несколько книг.

Комнату на третьем этаже, недалеко от собственной спальни, отец выбрал когда-то очень придирчиво, в этом Леа давно убедилась. Сюда никогда не заглядывало полуденное солнце, зато было светло по утрам и прохладно вечерами. Она и убранством ничуть не походила на кабинет Кайора и те кабинеты, какие Леаттии довелось увидеть. Одновременно уютная и свободная, комната имела несколько зон, отлично сочетающихся между собой. Уголок с камином, глубокими креслами и мягкой шкурой под ногами окружали застекленные шкафы с книгами; стоящий у окна письменный стол соседствовал с чайным; а вдоль стен, сплошь увешанных картами, тянулся длинный диван, заваленный подушками и валиками.

Всевозможные карты привлекали внимание не сразу, но, обнаружив их, любой человек надолго терялся в очертаниях морей и гор, подробных и красочных изображениях всех столиц и схеме Югрета.

Санди с Миралиной оказались не исключением, и пока они бродили вдоль стен, Леаттия успела продумать первый вопрос:

– Так что тебе не понравилось в моем поведении?

– Я сказала не так, – не обиделась магиня, теряя интерес к карте, прошла к столу и села напротив хранительницы. – Я сказала – как видится со стороны. Хотя бы мне.

– А... подробнее?

– Изволь. Две декады назад мы везли по озеру жутко запуганную,

бледную и дрожащую девчонку, более всего походившую не на счастливую невесту герцога, а на забитую селянку. И чувства ты вызывала соответствующие – жалость, сострадание, желание защитить, прикрыть собой от врагов.

– Страшная смесь для сильного мужчины, – сочувственно кивнула ей присевшая к чайному столу Миралина, неспешно доставая из неведомо откуда взявшейся корзинки промасленные свертки со снедью.

– Вот именно, – уныло вздохнула Санди. – Я сразу поняла, чем это закончится. Но тут она неожиданно удивила меня в первый раз – открыла источник, потребовала учителя и толпу женихов. Ну а потом и вовсе начала командовать моим мужем и сильнейшими магистрами, как какими-то рыночными разносчиками... и вдруг оказалась герцогиней и самой завидной невестой всех стран нашего мира.

Леаттии очень хотелось спросить, что в этом плохого и при чем вообще ее титул. Но она сдержалась – наоборот, сильнее сжала побледневшие губы. Пусть выскажутся до конца, иначе она так ничего и не выяснит.

– Теперь женихи сами попрут отовсюду, – хмуро подвела итог целительница, жестом фокусника доставая из корзинки кувшинчик. – А стаканов я не взяла.

– Вон в том шкафчике внизу, – не желая отвлекаться от разговора, становившегося все более интересным, показала Леаттия и требовательно уставилась на наставницу. – Продолжай. Пока мне непонятно, к чему ты ведешь.

– Вот и я ничего не понимала, – помрачнела та. – Но об этом нужно рассказать особо. Это было года через три после того, как я поселилась в деревне. На вид мне было лет под сорок, и молодые парни в мою сторону не смотрели, зато повадился ходить булочник. Сами понимаете, человек он был небогатый, в деревне каждая хозяйка за полдня полный ларь булок напечет, но через деревушку вела дорога, и проезжих частенько привлекала вывеска с румяным кренделем. Ну и ребятня прибежала с медяшками, за сладкими рожками и обливными пряниками. А мне он булки носил в дар, ну и я в ответ травяные взвары заранее на меду настаивала. Не соображала, к чему могут привести такие дружеские чаепития. Но однажды, разломив булку и обнаружив внутри завернутое в пергамент обручальное колечко, все поняла. И сначала даже обещала подумать... а ночью, представив, как после свадьбы должна буду снимать перед ним платье и позволять к себе прикасаться, едва не ринулась бежать прочь из собственного домишки. Настолько все во мне противилось такой судьбе.

– Обиделся? – понимающе усмехнулась Миралина.

– Не без этого. Но я схитрила – сказала, будто у меня есть дар предвидения, хоть слабенький, но с помощью зелий можно заглянуть в свое будущее. И якобы пригрезилось мне, что вовсе не со мной ему суждено семью завести, светленькая женщина будет рядом. Слукавила я, конечно, была такая селяночка, из бедных, но он на нее никакого внимания не обращал. А после моего отказа прозрел, и через полгода гуляла я у них на свадьбе.

Санди усмехнулась и смолкла. Некоторое время они дружно пили чай, потом Леа решительно отодвинула надкусанный пирожок и заявила:

– Мне кажется, я не гожусь в правительницы. Вы обе уже что-то поняли, а я по-прежнему словно брожу в темноте по чужому замку, не понимая, где вход, где окно, куда можно ступить, куда нельзя.

– Можно я попробую? – вздохнув, мягко улыбнулась девушке Миралина. – Но сразу предупреждаю, ничего рассказывать подробно не буду. Просто не имею права нечаянно направить тебя по ложному пути. Как того булочника простая человеческая благодарность повернула к женщине, раз и навсегда выбравшей другого. Мне тоже известно немало случаев, когда девушки сами исковеркали свою судьбу, наслушавшись советов и наставлений родичей, подружек или гадалок. Ирсана правильно поступила, представив совместную жизнь с деревенским ухажером. Это вообще самый верный способ понять себя: попытаться вообразить будущее. Если не осознаешь отчетливо, кто из женихов дорог тебе по-настоящему, попробуй представить три случая: кому из них ты будешь искренне счастлива сказать «да», кому первому не задумываясь бросишь веревку, если несколько мужчин окажутся в проруби, и последний – чья измена вонзится в сердце острым ножом, если случайно узнаешь, что твои женихи тайком ночуют у смазливых придворных ветрениц.

Договорив, целительница в ожидании уставилась на задумчиво слушающую ее герцогиню, но та вдруг выдвинула ящик стола, выхватила лист бумаги и стило и принялась что-то торопливо писать.

– Можно узнать, – осторожно осведомилась Санди, – что ты делаешь?

– На всякий случай записываю совет Миралины, чтобы не забыть. Хотя два пункта в моем случае вряд ли подскажут верный совет, но, думаю, можно придумать другие.

– Какие именно тебе не подойдут? – бросив Ирсане предупреждающий взгляд, незлобиво поинтересовалась целительница.

– Насчет измены. Я давно знаю, что все мужчины до свадьбы спят с фрейлинами и служанками. Иначе им нельзя, организм так устроен. Если

долго воздерживаться, можно заболеть и даже остаться бесплодным.

– О-о!.. – Потрясенные магини дружно подавились невысказанным изумлением.

– Давно – это сколько же лет? – наконец сумела выдавить наставница.

– Мне объяснила это наставница по этикету примерно через полгода после помолвки, – спокойно ответила Леаттия. – А Кайор на приемах всегда сам следил, чтобы ко мне не приближались его любовницы, и сразу после ужина отправлял меня домой. Думаю, он просто боялся, что они попытаются меня «просветить» насчет его пристрастий, хотя я никогда бы им не поверила. Но во всех случаях ревности и душевных мук я счастливо избежала и не могу теперь этому не радоваться. Обидно было бы знать, что страдала из-за негодяя.

– Он еще бо́льшая сволочь, чем я думала раньше, – сердито буркнула Миралина, допила взвар и, успокоившись, спросила: – А второй случай?

– С веревкой. Меня таким вещам учил отец, поэтому я точно знаю, как нужно поступить. Бросить веревку самому сильному, он потом поможет вытянуть остальных. Но сначала привязать ее к какому-нибудь дереву, одной мне вообще никого не вытащить. И самое главное – прежде чем заниматься спасением, позвать на помощь. Ну а если никого поблизости нет и веревки тоже нет, можно активировать родовую защиту, прыгнуть в прорубь или речку и хватать за руку первого попавшего. Но перед этим обязательно крикнуть, чтобы держались за меня. Хранитель, защищенный амулетом Брафтортов, не тонет и не горит. И даже может спокойно спрыгнуть с высоты.

– Вот как, – потрясенно поглядела на нее Санди и вдруг нахмурилась. – Тогда почему в лодке ты была такой запуганной?

– Так ведь Джар сразу отобрал у меня все амулеты, – оскорбленно вытаращила глаза хранительница. – Сказал, где-то на них маячок. А без амулетов я себя чувствую как без платья... хотя платье он с меня тоже снял. Но я ему верила, моя мать не могла ошибиться. Хотя сомнения накатывали, ну и страх тоже. Я ведь в первый раз ушла из дома... с чужим человеком, через забор...

– Леа, – магиня ринулась к кривившей губы от обиды девушке, обхватила ее за плечи, – извини. Ты настолько отличаешься от других девушек, никак не могу понять тебя до конца.

– Мне тоже с вами трудно, – всхлипнула ей в живот герцогиня, – но я же пытаюсь, ищу пути. Но без помощи это так непросто, а учитель, вместо того чтобы поддержать, все время убегает. И вы тоже... говорите какими-то загадками, больше запутываете, чем объясняете. Нет, молчи! Я все

понимаю про законы гильдии и некоторые даже уважаю. Но мне нужно время привыкнуть, понять до конца, а приходится шарады решать. Еще и герцогство на голову так внезапно свалилось...

– С герцогством мы тебе поможем, – сочувственно вздохнула Миралина, – а вот с любовью придется разбираться самой. И другого пути нет. Могу дать полезный совет – не спеши! Времени у тебя теперь сколько угодно. Спокойно присматривайся к окружающим мужчинам, мысленно примеряй их к себе, к трону, к обязанностям хранителя. И позволь им проявить себя, показать, кто на что способен.

– Почти все, что ты сказала, – для меня древний язык узелков, – печально призналась Леаттия. – К тому же никаких мужчин я вокруг себя не вижу. Хотя помню, что скоро приедут послы и повалят принцы, но отлично знаю, что для них важнее всего мой трон. А чем я вас так рассмешила?

– Извини. Но рядом с тобой только две женщины, – согнав с губ улыбку, Ирсана заботливо поправила прическу подопечной и отерла платочком с ее щек следы слез, – и двое... нет, трое женатых мужчин. Все остальные холосты, молоды и вполне достойны внимания.

– Да? Как интересно, – задумалась правительница. – Ну, одного женатого я знаю, это Эгрис, второй – Джар, он сам мне сказал. Да они и немолоды. А кто третий?

– Вообще-то от Арвиса жена давно сама отказалась, – ошеломленно пробормотала Санди, – и он старше меня всего на год. Кайору столько было пять лет назад.

– Не может быть... – озадаченно нахмурилась герцогиня, что-то подсчитывая в уме. – Мне помнится, он сказал – были жена и сын. Я тогда даже подумала, что они погибли.

– Для него нет никакой разницы, – послав Ирсане огорченный взгляд, сумрачно вздохнула Миралина. – Это вообще печальная история, и раз он сам тебе сказал, я могу немного добавить для ясности картины. Тем более что ни для кого из магов это не секрет. Белые живут в замке дружной семьей, и так уж у них повелось, что чаще женщины выбирают себе мужчин. Когда его выбрала в свои мужчины женщина, она была почти на два десятка лет старше, а Джар едва достиг второго совершеннолетия. Разумеется, спорить он не мог, а потом привык. И даже радовался, когда родился сын. А потом его выгнали из гильдии, не дав даже попрощаться с семьей. Он ушел в соседний городок, год работал как сумасшедший, учился жить в одиночку и торговаться за свой труд. А по ночам строил дом, мечтая забрать семью. И когда все наконец было готово, вернулся и попросил

одного из друзей передать жене письмо. Вот тогда и узнал, что она не ждала его ни дня, сразу нашла нового парнишку. И теперь его сын зовет того папой, а о родном отце и не вспоминает. Слишком маленький был.

– Но ведь... – потрясенно смотрела на нее хранительница, – это же... А кто позволил ей расторгнуть союз?

– Никто, – печально усмехнулась Санди. – Белые никаких союзов не заключают. Считают, что важнее всего любовь и желание жить вместе. А как только нежные чувства исчезли – нужно без сомнений расставаться и искать новую пару.

– Но любовь – действительно самое главное, – опешила Леаттия и смолкла, не находя слов.

– Ну что же ты растерялась? – мягко подбодрила ее Миралина. – Ведь вывод так прост. Значит, не было там уже любви, вот она и поспешила устроиться понадежнее.

– Да... – снова задумалась о своем герцогиня, а потом, припомнив невыясненные вопросы, оглянулась на Санди. – А кто тогда еще женат, ты сказала – трое?

– Генерал Рабольд и граф Боттино.

– И они тоже считаются молодыми мужчинами? – подозрительно уставилась на нее герцогиня.

– Сравнительно, – уверенно кивнула Миралина. – Очень многие знатные господа не спешат связывать себе руки семьей, предпочитая в юности получить образование и завести полезные знакомства. Среди них самым лучшим возрастом для женитьбы считается сорок пять лет. Юношеский ветер в голове уже поутих, приключения надоели, а положение обязывает принимать гостей под руку с очаровательной хозяйкой дома.

– Замок Брафорт не вместит столько графов, герцогов и принцев, – расстроилась Леа. – И кроме того, они будут мешать мне заниматься делами герцогства. Как я сглупила! Нужно было намекнуть королям, что месяца три-четыре мне будет не до женихов.

– Зря огорчаешься, – усмехнулась Ирсана. – Они бы не пожелали понять твой намек. Ну, раз все вопросы решили, идем осмотрим дом. Наверняка тут остались вещи, которые тебе захочется забрать в Брафорт.

– Это не срочно, – отмахнулась Леа, направляясь к двери. – Все самое ценное лежит в тайнике, остальное я взяла с собой, когда уходила. Можно перевезти портреты прадедов, книги и карты из отцовского кабинета, но сейчас я с этим возиться не буду. Потом пришлю слуг.

– А платья?

– Отдайте кому-нибудь. Я никогда это не надену, – приняла

окончательное решение герцогиня, припомнив подаренные Кайором роскошные наряды.

Почти два часа Леа с наставницами бродили по дому, который был раз в десять меньше родового дворца Брафтортов, прикидывая, сколько кроватей, одеял и подушек нужно будет закупить. И сколько мастеров нанять, чтобы переделали гостиные в спальни, а залы – в классные кабинеты. Утомленные ходьбой по лестницам, женщины направлялись к выходу, когда Леаттия вдруг невпопад осведомилась:

– Санди, я так и не поняла, Джар прячется от меня, чтобы я случайно в него не влюбилась?

– О боги! – Услыхав этот вопрос, магини застыли изумленными статуями. – Конечно нет!

– Тогда я ничего не понимаю. И сегодня же вызову его на откровенный разговор, пусть сам объяснит мне все честно, как подобает учителям и зрелым мужчинам. – Герцогиня обошла несчастно сопящих наставниц и решительно направилась к выходу.

– Стой! – отчаянно крикнула ей вслед Санди. – Дай мне одну минуту, Элайна!

Леаттия остановилась, глядя на мрачную, как ночь, знахарку, торопливо спускающуюся вниз.

– Я все испортила... – Остановившись рядом, магиня минуты две тяжело вздыхала, глядя в выходящее на крыльцо запыленное окошко, затем с отчаянием пробормотала: – Теперь он выкинет меня из напарников. Но ведь думала сделать как лучше, не хотелось, чтобы ты испытала хоть каплю той горькой боли, какая выпала на мою долю.

Леаттия страдальчески кривила губы, но упорно молчала, не желая спугнуть бесконечно ускользающую истину.

– Все наоборот, только, прошу, не суди строго, – выдохнула Ирсана. – Арвис – не трус... просто слишком много боли ему пришлось вынести. И он не хочет еще раз все потерять. Кто знает, как это мучительно, тот не пожелает и врагу.

– Санди, ты меня пугаешь, – тихо произнесла герцогиня. – И если бы на твоём месте был кто-нибудь другой, все равно, кто, я бы заподозрила попытку поймать меня в сеть. Но тебя, к счастью, успела изучить, поэтому ты была первой, для кого я попросила у духа увеличения способностей. И теперь верю, что это просто женская забота о счастье друга, ведь вы столько перенесли вместе. Я видела ваше взаимопонимание, когда достаточно даже не слова, а жеста или взгляда. Еще хочу ответить на твои слова про женихов... Да, я совсем не понимала в тот момент, как дальше

жить. Чувствовала себя невыносимо одинокой и абсолютно никому не нужной впервые за двадцать лет жизни. Не важно как, но Кайор постоянным вниманием и заботой сумел за пять лет стать для меня надежной скалой, под которой можно пережить любой шторм. Уйдя из дома, я почувствовала себя утлой лодкой в бушующем море и от страха перед незнакомой и враждебной жизнью искала замену той скале. Потому и просила найти женихов, но сейчас точно знаю – это был глупый детский порыв. Теперь я намерена принять совет Миралины и никуда не спешить. Спокойно и вдумчиво изучу всех женихов, посоветуюсь с вами и только тогда буду решать.

Глава восьмая

В замок Брафорт Леаттия с Ирсаной возвращались вдвоем, целительница осталась в своем новом доме, встречать вызванных ею помощниц и учениц. Ехали молча, разговор не клеился, да и о чем было говорить, если все доводы уже исчерпаны, а в глубине души все равно таится чувство недосказанности.

Только при подъезде к крыльцу, разглядев бродивших по мраморным плитам разряженных придворных, Леа вдруг сообразила, что совершенно не представляет, как себя с ними вести и о чем говорить. Или ей вообще следует молча пройти мимо?

– Санди, – встревоженно обернулась она к наставнице, но та и сама уже разглядела заволновавшуюся толпу и поспешила успокоить подопечную:

– Не переживай, ты же знаешь этикет? Из кареты сами не вылезаем, нас должны встретить дворецкий и охрана из магов. С придворными не говори, смотри прямо перед собой с прохладной приветливостью. Если начнут совать прошения, возьму я. И помни: Эгри всех их проверил, и самые надежные из придворных господ и фрейлин уже сидят во дворце. А здесь стоят те, кого временно пустили в ворота. Сама думай, нужны они или нет.

– Я дам им шанс, – тотчас приняла решение Леа. – Может, благодарность сделает их верными подданными. Хотя пока до конца не понимаю, чем они занимаются во дворце.

– Это твоя свита, в основном они развлекают герцога, важных гостей и послов, ну и исполняют различные неофициальные поручения своего правителя.

– А заодно шпионят за всеми, за кем сумеют, доносят и плетут интриги, пьют вино и флиртуют, а также всячески пытаются попасть в фавориты, – негромко, но веско произнес распахнувший дверцу коляски Эгрис. – Ваша светлость, позвольте помочь вам выйти из кареты?

– Лучше помоги с ними разобраться, если считаешь шпионами. – Леаттия мгновенно признала его правоту и начала раскаиваться, что заранее пожалела толпу праздных бездельников.

– Предложенный вами способ – самый надежный. Подарите им возможность стать лучше... потом посмотрим, кто на что способен.

Глава гильдии очень ловко передал герцогиню подоспевшему

Вельтону и легко, как пушинку, выхватил из кареты жену.

– Я обижен, любимая, – пользуюсь тем, что их не видно из-за идущей впереди пары, мягко выговаривал он Ирсане, – ты сбежала, даже не предупредив. И ее светлость подбила на неподобающий поступок. А правителям не положено тайком уходить из дворца и разъезжать по городу в самой облезлой коляске.

– Не знаю, кто, где и когда изобрел эти глупые правила, – неожиданно для себя самой вспыхнула Леаттия, – а я им следовать не намерена! Мои предки своими руками таскали камни на постройку этого дворца и не стыдились потных рубах, и мне будет совестно смотреть им в глаза, если я начну выполнять чьи-то высокомерные поучения, куда мне можно ездить и в каких каретах.

Окончание этой гневной тирады она выпалила, уже взбежав на крыльцо, недобро оглядела притихших и даже съжившихся придворных, пришедших сюда в надежде на прежние места, и холодно осведомилась:

– Чего вы тут ждете?

– Ваша светлость... – несмело шагнула вперед Жалойна, статс-дама, обучавшая когда-то Леаттию этикету и искренне считавшая ее наивной и доверчивой куклой, – нам стало известно, что скоро начнут съезжаться гости... вы теперь завидная невеста. Но вам будет нелегко обойтись без придворных, готовых развлекать гостей.

– И вы предлагаете себя на роль шутов и комедьянтов, – суховато усмехнулась Леаттия. – Хорошо, я дам вам шанс. Но учтите! Меня воспитали в строгости, и никаких интриг, дебошей, дуэлей, шашней и пьянства я не переношу. И каждый, кто будет замечен в чем-то подобном, навсегда покинет не только мой замок, но и Югрет. А злостные нарушители отправятся копать соль, потому что телесные наказания в герцогстве отныне запрещены.

Резко развернулась и, не отпуская рукав Вельтона, гордо прошествовала в распахнутые двери.

– И не думайте, что хитрецу, знающему во дворце укромные местечки, удастся остаться незамеченным, – спокойно произнес Эгрис, проводя загадочно усмехающуюся жену мимо озадаченных придворных.

Вельтон с самым невозмутимым видом довел Леаттию до рабочего герцогского кабинета на первом этаже, где Кайор имел обыкновение выслушивать донесения тайного советника, выносил приговоры и решал повседневные дела.

– Я приказал тут убрать, – сообщил он, заметив, как Леа замедлила шаг, – но, если вашей светлости будет неудобен этот кабинет, подыщу

другой.

– Лучше сразу другой, – строптиво буркнула она, но в комнату все же вошла.

– В другом нужно будет сначала делать ремонт и перестановку, – плотно закрыв за собой дверь, мягко заметил Эгрис, – а здесь очень удобно. За шкафом незаметная дверь в соседнюю комнатку и умывальню, а также выход на отдельную лестницу на второй этаж. И это не нововведение, замок изначально так строился, чтобы герцог мог попасть в свой кабинет, минуя толпы гуляющих по нижним залам придворных.

– Кстати, – насмешливо фыркнул Вель, искоса поглядывая на бдительно озирающуюся хранительницу, – они никак не ожидали от тебя таких шпилек.

– Я и сама не думала, что способна на такое, – с досадой выдохнула Леа. – Но Эгрис открыто сказал, что я собираюсь пустить в свой дом шпионов и интриганов, которые наверняка постараются отравить мне жизнь и будут с наслаждением обсуждать каждый мой промах.

– Пусть попробуют, – хитро ухмыльнулся Вельтон. – Мы уже везде разместили следящие камни, а в соседней комнатке и наших кабинетах поставили шары. Не забывай, теперь у тебя намного больше возможностей знать все, что происходит во дворце, чем было у любого твоего предка.

– Кроме самого Юлиара, – поправила герцогиня. – У него в магах был дракон.

– Дракон... – задумчиво пробормотал Эгрис. – За него я буду вечно тебя благодарить. Никогда и не надеялся, да даже мечтать не смел однажды поговорить с живым драконом! О них вообще очень мало правдивых свидетельств, в основном легенды сказителей да сочинения менестрелей. А уж эти стихоплеты измыслили столько невероятных вещей, которые здравомыслящему человеку и в голову не придут. Летающие монстры, изрыгающие огонь, пожирающие стада и деревни... редкий бред.

– Знаешь, сейчас ты натолкнул меня на мысль, – во взгляде хранительницы заблестело предвкушение. – Я с детства мечтала сделать одну вещь, но потом запретила себе даже думать о несбыточном и забыла напрочь. А сейчас ты напомнил, но мне хотелось бы взять с собой еще Бензора и Арвиса. Ну и, конечно, Миралину. Приглашаю всех на ужин, после него обещаю незабываемую прогулку.

– Ну и как теперь дожить до этого ужина бедному любопытному темному магу? – огорченно проворчал Вельтон. – Я же ничего делать не смогу, а у меня с десятков встреч намечено, и с ночными горничными нужно разобраться.

– С ними я сама разберусь, – решительно заявила Санди. – У меня есть опыт.

– Я тоже хотела бы послушать, – невозмутимо произнесла Леаттия. – Мне пришло в голову, что они могут знать очень много дворцовых тайн, и неразумно выпускать их, не взяв клятву.

– Вообще-то я хотел предложить им работать на тайную канцелярию или прокурорское следствие, такие женщины умеют вызывать доверие, – нехотя признался Вельтон.

– Вот поэтому я и намерена побеседовать с ними первой, – ответила ему печальным взглядом Ирсана, – и сначала пообещать приличную работу и поддержку. Далеко не все из них попали сюда по своей воле, и тех, кому противна такая жизнь, я никому не отдам.

– Тогда я поговорю с ними завтра, а сейчас пойду взгляну, закончили ли уборку моего кабинета, – поднялся с места прокурор. – Леаттия, посмотри план дворца, мы пытаемся возродить порядок, существовавший при твоём прапрадеде. Если что-то не понравится, говори сразу.

– Отложи все подобные вопросы до вечера, – загадочно улыбнулась герцогиня. – Может, тогда ты найдешь на них правильный ответ.

– Если мои догадки верны, – медленно пробормотал Эгрис, разглядывая хранительницу предвкушающим взглядом, – то и я буду минутки считать до этого ужина. Кстати, а во сколько он будет? Последний правитель садился за стол поздновато и редко вставал из-за него раньше полуночи. Думаю, нужно предупредить поваров, что этот порядок изменится.

– В семь часов вечера, – твердо объявила Леаттия. – А завтрак – в восемь утра. Обед – в час дня. Между ними все могут пить взвар в своих кабинетах или покоях когда пожелают.

– А герцогские полдники? – притворно ахнула Санди. – А второй завтрак на веранде или балконе? А вечерние десерты?

– Столько есть вредно, – развеселился Вельтон. – Ирсана, а ты не хотела бы приглядывать за кухней? Я надеялся на Миралину, но, боюсь, теперь мы ее здесь нечасто увидим. А у меня нет больше ни одной знакомой магини, которая хорошо разбирается в этом деле.

– Не будет моя жена лазить по котлам, – решительно запротестовал Эгрис. – Она на всю жизнь на них насмотрелась. Лучше я сам найду подходящего человека.

– Не нужно искать, – осторожно усаживаясь в принадлежащее теперь ей массивное, как трон, кресло, сообщила хозяйка кабинета. – Я уже нашла главного повара, который умеет отлично готовить и будет счастлив

подчиняться Вельтону.

– И кто же это? – заинтересованно уставился на нее главный прокурор.

– Прист.

– Но ведь его... – нахмурился Эгрис, бросил взор на задумавшегося Вельтона и смолк.

– Вот именно, – кивнул тот и с преувеличенным почтением склонил голову перед герцогиней. – Немногие женщины решились бы так откровенно дразнить высокомерных сплетниц.

– Разве это я дразню? – с таким же наигранным изумлением уставилась на него Леа. – Это же твой работник!

– А-а! – глубокомысленно протянул Вельтон. – Ну да. Чуть не забыл, это же я сам решил проверить, кто из толпившихся на крыльце бездельников собирается заняться изобретением жареных новостей и грязных слухов.

– Вот именно, – лукаво улыбнулась ему Леаттия. – Чтобы иметь причину выставить всех сплетников не только из дворца, но и из столицы. В этом году воздух у нас в провинции на удивление целебный.

– Тогда я иду его уговаривать, – довольно ухмыльнулся Вельтон и направился к выходу.

– Я тоже вас покидаю, – с сожалением заглянул в глаза жены Эгрис. – Сегодня прибудет несколько молодых магов, нужно их устроить. Позже они начнут следить за порядком через шары, а пока дверь в этот кабинет будет охранять один из мастеров. Сегодня дежурит Лаберт.

– Он весь день будет стоять там навтыжку, как солдат? – нахмурилась Леа.

– Конечно нет. Уже сидит на диване возле окна и грызет яблоки, можешь полюбоваться. Но без его разрешения сюда никто не войдет.

– А как же горничные? – Санди и хранительница смотрели на него с одинаковым недоумением.

– Не беспокойтесь, я сам приведу девушек под отводом глаз. Не стоит показывать их благородным сплетницам.

Когда маги ушли, Леаттия еще раз уже спокойнее и внимательнее оглядела комнаты и осознала, как прав был глава гильдии. Кабинет оказался действительно удобным и внушающим почтение. В правом переднем углу замер на львиных лапах массивный письменный стол, неподалеку от него за шкафом с указами и законами пряталась неприметная дверца в комнатку для отдыха и для важных свидетелей, как подсказывали проделанные в стенах потайные оконца. Между двумя широкими окнами удобно расположились старинные диван и кресла, обитые кожей и

украшенные золотыми заклепками. Слева от входа у стены стояли шкафы с книгами и еще один столик, для секретаря или писаря. Середину ничем не застеленной комнаты занимала клетка низкой трибуны, видимо, для докладчика или провинившегося, и вот она, несмотря на темное дерево в цвет остальной мебели, показалась Леаттии совершенно не вписывающейся в остальную обстановку. Вряд ли ее прадеды выслушивали доклады, важно восседая перед советниками, стоящими в этом, похожем на клетку, сооружении.

– Интересно, а как позвать дворецкого? – задумалась девушка.

– Думаю, нужно позвонить. – Ни секунды не сомневаясь в правильности своего предположения, Ирсана подошла к столу с другой стороны и небрежно дернула свисавшую с потолка цепочку.

Позади нее раздался тихий шорох. Не переносившая мышей магиня стремительно оглянулась и вскрикнула от неожиданности.

Посреди комнаты больше не было никакой трибуны. Лишь квадрат паркета, где она недавно стояла, выдавал тайну исчезновения громоздкой клетки легким налетом пыли. Значительно более тонким, чем мог бы быть, если бы Кайор никогда не пользовался этой ловушкой.

– Мерзавец, – с чувством пробормотала Ирсана, сообразившая это одновременно с хранительницей.

Поспешно достала откуда-то маленький пенальчик почтового вестника, нажала на один из камней и спокойнее сообщила:

– Это тревожный вызов. Сейчас Эгри прибежит.

Ответить Леаттия не успела – дверь резко распахнулась, и в комнату ворвался глава гильдии. Он несся так стремительно, что успел сделать несколько шагов, пока не замер в изумлении, остановленный отчаянным и дружным женским криком:

– Стой!

– Стою, – пробормотал он, успокаивающе подняв перед собой руки, словно призывая убедиться, что в них нет ни оружия, ни боевых амулетов.

И сразу же, состроив самое покорное выражение лица, попытался сделать маленький шаг, стремясь как можно скорее оказаться рядом с любимой и убедиться, что ей ничто не угрожает.

– Стой! – снова дружно вскрикнули девушки, но Эгрис только шире расплылся в притворно беспечной улыбке.

– Да стою, стою!

– Выслушай меня внимательно! – прикрикнула Леа повелительно, сообразив наконец, что Санди сейчас не под силу в чем-либо убедить встревоженного мужа. – Прежде чем сделать еще шаг, пристально

посмотри на пол и подумай, хочется ли тебе оказаться в подземном каземате. Причем на острых кольях или в пасти голодных зверей.

– Что за... – буркнул он недовольно, нехотя отводя взор от неврежденной на первый взгляд жены, хотя желание оказаться рядом с ней и проверить это собственными руками никуда не исчезло.

И озадаченно смолк, сразу разглядев четко выделяющийся на натертом паркете пыльный квадрат.

– Ловушка, – слегка невнятно сообщил за его спиной Прист. – Вот теперь я понимаю, куда исчезали неугодные его светлости агенты.

Глава гильдии на миг обернулся, пристально оглядел бывшего шпиона и стоявшего рядом Вельтона и сухо осведомился:

– Как она открывается?

– Мы потянули вот за эту цепочку, – мягко пояснила Санди. – Думали, придет дворецкий. Но исчезла трибуна.

– Перевертыш, – зло хмыкнул Вельтон. – Любимая подлость черных магов. Никогда нельзя садиться в то кресло, которое не сдвигается с места.

– Но почему Швензл нас не предупредил? – нахмурившись, Эгрис осторожно обошел пыльный квадрат и добрался наконец до жены.

– Швензл мог и не знать, – прошепелявил Прист. – Ведь он занимает эту должность меньше трех лет. С тех пор, как исчез его шеф.

– Думаю, вашей светлости лучше на время перейти в соседнюю гостиную, – предложил Вельтон. – Нам нужно проверить этот кабинет на другие механические капканы. Все магические ловушки мы сняли и поставили защиту.

– Такой пакости от Кайора никто не ожидал, – мрачно буркнул глава гильдии. – И когда только успел? Вроде я все время за ним следил.

Он покосился на виновато прятавшую взор Санди и смолк, крепче прижимая к себе жену.

– Проверяйте, – согласилась хранительница, – и заодно уберите ту трибуну. Она мне не нравится. Застелем пол мягким ковром.

– Нельзя здесь ковром, – вдруг предостерегающе заявил Прист. – Он шаги заглушает. Тут специально было сделано несколько скрипучих дощечек.

– Мы поставим такие сигналки, – свирепо усмехнулся Эгрис, – что никто не войдет незамеченным. Но за предупреждение спасибо, теперь я верю, что ее светлость не ошибается, собираясь назначить тебя главным поваром.

Вскоре герцогиню со всевозможными предосторожностями

разместили в расположенных неподалеку уютных проходных комнатах. В первой из них посадили Лаберта, во второй устроились за чайным столиком Леаттия и Ирсана. Глава ушел за горничными, которых бросил где-то на полпути, и Вельтон поспешил покончить с неинтересным ему кухонным вопросом.

– Ваша светлость, – незаметно подмигнул он хранительнице, – Прист не против на вас работать, но не очень понимает, что от него требуется.

– Это я могу пояснить, – заявила Санди. – Герцогине нужен человек, который умеет готовить и знает, сколько нужно на разные блюда продуктов и где их лучше приобретать. А еще сможет держать поварят в строгости и точно исполнять указания ее светлости и пяти советников. Помощников разрешается набрать самому, сколько сочтешь нужным. Сегодня ее светлость постановила, что будет три основных трапезы и чаепития по желанию. Но самое главное – твое умение все замечать. Ты должен не только следить, чтобы в еду не попали испорченные продукты, но и проверять их на яды и разные зелья. Маги выдадут распознающие амулеты, и с ними такое задание особой мороки не составит. Ну и присматривать за всеми, кто будет крутиться возле кухни, и сразу докладывать. Если согласен, обговорим тонкости позже, когда осмотришь кухню.

– Где я буду жить?

– Во дворце, – сообщил Вельтон. – Мы освободили для замковых слуг весь третий этаж левого крыла. Пока там обосновались только дворецкий и старшая горничная, можешь выбрать покои по вкусу.

– Ходить в город можно одному или с охраной? – подозрительно всматривался в лицо главного прокурора бывший соглядатай.

– Как тебе самому спокойнее, – открыто улыбнулась ему Леаттия. – Ты свободный человек и никакого преступления не совершил. Просто служил, где умел. А теперь послужи поваром и жалованье получишь больше, чем имел раньше.

– Ваша светлость... – Прист вдруг встал на колени, – я бы и без жалованья служил... вы ведь меня спасли. Он ведь все равно добил бы... никого еще не выпустил.

– Тогда пойдем на кухню, – бесцеремонно поднял его за шиворот Вельтон. – Нечего женщин расстраивать. И не забудь, обед в час дня!

– Теперь я уверена в верности твоего выбора, – задумчиво произнесла Ирсана, подливая взвара. – А сначала сомневалась. И очень рада тому, как ты начинаешь править.

– Мне бы еще хоть с месяц спокойно посидеть в библиотеке, почитать,

как решали всевозможные вопросы мои прадеды, – невесело призналась Леа. – А то чувствую себя прожженной авантюристкой.

– Думаешь, мне это чувство незнакомо? – хмыкнула бывшая знахарка. – Я ведь отчасти из-за него отказывала Эгри в последние годы. Как представляю презрительные взгляды тех красавиц, которые метили на место его жены, так все внутри от обиды в узел скручивается. Даже простые селяне понимают, чего стоит любовь девушки, которая ушла от простого пастушка, а вернулась, когда он стал хозяином богатого хутора. А темные маги намного непримиримее к женщинам в таких вопросах. Да и к мужчинам.

Последние слова она произнесла с тяжелым вздохом и тут же, заслышав в соседней комнате голоса, схватила чашечку и поспешно припала к ней, не желая встревожить любимого минутной слабостью.

Глава девятая

– Ваша светлость, я привел служанок. – Окинув заботливым взглядом жену и герцогиню, Эгрис пропустил в распахнутую дверь вереницу одетых в одинаковые платья и кокетливые фартучки девушек и нехотя отправился по своим делам.

«Особые» горничные стояли покорными овечками, опустив взоры, но Леаттия успела припомнить, что раньше уже несколько раз встречала их в коридорах второго этажа. И взгляды, которые они тогда бросали на герцогскую невесту, трудно было назвать даже сочувствующими, не то что добрыми.

– Ее светлость поручила мне поговорить с вами от ее имени, – деловито объявила Ирсана, заметив, как резко посуровело лицо ее подопечной, – и разрешает вам сесть.

По-прежнему не поднимая взгляда, девушки покорно и быстро разместились на диванчиках и замерли в ожидании.

– Не буду спрашивать, чем вы занимались в этом дворце прежде, – помолчав, веско заявила магиня, – мне достаточно знать ваши планы на жизнь. И от имени ее светлости обещаю помощь всем, кто желает вернуться в родной дом или заняться тем делом, какое вам по душе.

Девушки некоторое время упрямо молчали, пауза затягивалась, но Леа, послав компаньонке предупреждающий взгляд, спокойно пила взвар и ждала.

– Я могла бы купить цветочный магазинчик, – несмело пробормотала наконец одна из горничных и подняла лицо.

В ее глазах смешались страх и отчаяние, но она упорно смотрела на Леаттию.

– Тебе нужны деньги? – догадалась Ирсана.

– Деньги мы заработали, – с горьким вызовом бросила горничная, видимо рассудив, что терять ей нечего, – но не знаем, как получить.

И достала из кармашка тугую пачку бумаг, аккуратно перевязанных ленточкой.

– Без Вельтона в этом не разобраться, – просмотрев несколько записок, постановила магиня и дернула шнурок.

– Звали? – появился в дверях Лаберт.

– Вызови, пожалуйста, главного прокурора, – скромно попросила Ирсана.

Ей почему-то не хотелось при этих девушках отправлять вестников братьям, и она надеялась позже объяснить это магам без свидетелей.

Вель появился через минуту, учтиво поклонился Леаттии, мельком глянул на горничных и внимательно изучил поданные Ирсаной бумаги.

– Здесь все?

– Это только мои, – возразила служанка и упрямо закусил губу.

– Тогда я вызову прежнего казначея. – Вельтон вернул служанке ее записки, искоса глянул на герцогиню и, взяв на себя принятие решения, скомандовал горничным: – Идите в соседнюю комнату и посидите там.

Подождал, пока дверь за девушками закроется, присел к столу и отправил куда-то вестника. Затем налил себе взвару и с минуту молча пил, пряча в чашке взгляд.

– Не знаю, – нехотя буркнул он наконец, – кто придумал эту подлую шутку, но девчонок грязно обманывали. Вместо золота и украшений расплачивались липовыми векселями несуществующего банка. Теперь мне понятно, почему они так терпеливо все сносили, – мечтали в один прекрасный день выйти отсюда богатыми дамами.

– Но они же... – охнула Леа и стиснула зубы, сообразив, что служанкам просто неоткуда было узнать правду.

Да они, скорее всего, даже не подозревали о подобном коварстве, да и откуда взяться сомнениям, если все окружающие дружно лгут?

– Интересно, – пробормотала Ирсана, – а имен там нет? Ну, тех, кто расплачивался.

– Бумажки одинаковые, – покачал головой маг, – и никаких подписей нету. Можно выяснить, где они их брали, но я не удивлюсь, если окажется, что это туалетная бумага из мужской умывальни.

В дверь стукнули, и появился Лаберт.

– Ваша светлость, прибыл герцогский казначей.

– Зови всех сюда, – велел Вельтон. – И найди кого-нибудь из слуг, не бегай сам.

– А может, мне приятно, – хитро ухмыльнулся маг, бросил Леаттии лукавый взгляд и, широко распахнув дверь, важно объявил: – Ее светлость вас ждет.

Первыми вернулись особые горничные, робко присели на краешек дивана. За ними уверенно вошел казначей. Он был уже немолод, слегка полноват и улыбался очень учтиво, но не стоило обманываться его внешностью. Леаттия знала, что Мергот уже больше двадцати лет держится на своем месте благодаря безупречной репутации и неподкупности, которую не удалось опровергнуть никаким интригам и проверкам.

– Ваша светлость, – склонился он в глубоком поклоне и медленно выпрямился с достоинством человека, не опасавшегося никаких неожиданностей, – вы желали дать мне поручение?

– Пока только получить консультацию. Вот эти девушки принесли кучу векселей, мне хотелось бы знать о них поподробнее.

– Увы, это просто бумага. – В черных глазах Мергота мелькнуло и погасло непонятное сожаление. – Такого банка никогда не существовало, а бумажки штамповал младший писарь и продавал по серебришке за штуку.

Девушки не издали ни звука, только сжались и побледнели.

– И куда шли эти деньги? – нахмурилась Леаттия, начиная подозревать, что ответ ей не понравится.

– В казну, – с едва заметным вздохом пояснил казначей. – Его светлость не пропускал ни одного медяка.

– Значит, – вслух размышляла герцогиня, – Кайор, по сути, продавал своих слуг?

– Они не слуги, – внешне спокойно пояснил Мергот, но на его лицо лег налет печали. – Их всех купили.

– В нашем герцогстве позволена работорговля? – В душе хранительницы начал вскипать гнев.

– По закону – нет, – тонко усмехнулся Вельтон. – Но есть хитрый ход. Красивых бедных или одиноких девушек похищали «неуловимые» грабители и требовали с герцога выкуп. Он «спасал» бедняжек, и с тех пор они считались его должницами.

– А потом он еще и продавал их за медяки, – с ненавистью процедила Леа и жестом остановила попытавшегося что-то добавить прокурора: – Не нужно подробностей, мне уже все ясно. Слушайте мое решение. Вельтон, вызывай того писаря, пусть составляет список покупателей. Если нет записей – найди способ ему напомнить.

– У меня есть заклинание, – ухмыльнулся маг, с интересом ожидая продолжения.

– Выясни, сколько девушки могли получать за свою работу, допустим, в Сорбейне. Или в Давре. Умножьте вдвое, все-таки работали они не в веселом доме и не в таверне. И выставьте всем выдававшим векселя господам счета через столичный банк. Девушки должны получить все до медяка.

– Некоторым покупателям, – с легкой иронией негромко пробормотал казначей, – штанов не хватит расплатиться.

– Меня не волнует, где они возьмут золото, – жестко усмехнулась герцогиня. Посмотрела на ошарашенных, пока ничему не верящих девушек

и поняла, что оставлять их во дворце будет неправильно. – А горничных отвезите к Миралине, пусть поживут там, пока не получат свои деньги. Заодно она проверит их здоровье.

– Знати не понравится твое решение, – отметила Ирсана, когда они снова остались вдвоем.

– Если бы они сейчас узнали, сколько их лживых правил и поступков не нравится мне, – фыркнула еще не остывшая хранительница, – то уже бежали бы куда подальше. Я ведь только сейчас поняла, Санди, что все они об этом знали, не могли не знать! И зло высмеивали бедных рабынь, изощрялись в измышлении прозвищ и оскорблений. Этим напыщенным снобам ведь невдомек, каково это – в одночасье из свободного человека превратиться в раба и не иметь никакой возможности изменить жестокую судьбу. Поверь, теперь мне ни грана не жаль никого из знатных сластолюбцев. Пусть продадут дома, поместья, титулы – но за декаду должны расплатиться сполна. А мы пока постараемся понадежнее защитить девчонок.

– Я об этом уже думаю, – кивнула Ирсана. – Дадим им амулеты, дома закроем щитами. Но если девушки все же будут опасаться выходить, на время увезем в другие города или королевства. А сейчас пора переодеваться к обеду.

– Ты можешь наряжаться хоть пять раз, – улыбнулась наставнице Леа, – а я просто умоюсь и поправлю прическу. За последние дни во мне окрепла уверенность, что правило каждые три часа менять платье, если не испачкался и не был ничем занят, придумали те, кто просто больше ничего не умеет делать.

Обед подали в малой столовой, как полагалось в те дни, когда не было празднеств или посольств. Леаттия сидела за стоящим на возвышении столом, оглядывала необычно чопорных придворных и знатных дам, решившихся приехать с поздравлениями, и пыталась сообразить, как бы в будущем отвертеться от этой обязанности – жевать под прицелом трех десятков пар глаз.

И ладно бы ей были нужны или чем-то интересны все эти люди, так нет. Все они точно так же пили тут вино и ели фаршированных рябчиков при Кайоре, посматривая на нее как на пустое место. А те, кто искренне сочувствовал ее родителям, за пять лет постепенно покинули столицу и теперь сидят где-то в своих усадьбах или провинциальных городках.

– Эгрис, – отложив вилку, герцогиня обернулась к главе гильдии, – я припомнила один наш разговор. Ты говорил, были люди, которые хотели

попрощаться с моей матерью. Еще мне вспомнились те, кто приходил в наш дом до моей помолвки с Кайором. Мне хотелось бы всех их пригласить на обед.

– Тебе нужен секретарь, – дожевав мясо, спокойно сообщил магистр, – записывать твои пожелания. Потом он будет передавать их мне, а я буду искать тех, кто все исполнит.

– Писать я и сама умею, – мысль о секретаре почему-то вызывала у хранительницы неприятие, – просто дайте мне записную книжку и стило. А ты пока подумай над другим вопросом: каким способом мне приличнее всего отказаться от обеда с толпой бездельников?

– С таким настроением ты очень быстро придешь к мысли – зачем нужно каждый день кормить всех этих сплетников, – хмыкнул глава гильдии.

– Я к ней уже пришла, – мрачно фыркнула Леа. – Но, к сожалению, отлично понимаю, что нельзя так резко менять старые традиции. Однако и тратить каждый день кучу времени на церемонию поглощения супа тоже не желаю.

– Вот для этого и нужен секретарь. Он сообщит дворецкому, что у ее светлости мигрень. Или пропал аппетит. И все будут тебе сочувствовать.

– И дружно уничтожать изысканные блюда за твое здоровье, – тихо съязвила Санди и со вздохом добавила: – А меня больше тяготит обычай кушать десерты и пить сладкие взвары отдельно от мужчин.

– Я ничего о таком не знаю, – насторожилась Леаттия. – В те немногие разы, когда я обедала здесь, сладости и мороженое мы ели вместе с Кайором в беседке или на балконе. А потом меня отправляли домой.

– А все остальные в это время расходились по разным гостиным, где дамам подавали сладости и мороженое с ликером, а мужчинам – пунши с ромом и сыры, – просветил ее Эгрис. – И Кайор, выпроводив тебя, немедленно присоединялся к друзьям.

– Скотина он был, – с ненавистью прошипела Санди.

– Разумеется, – равнодушно кивнула Леа, сообразив, почему злится знахарка. – Но я от этого ровно ничего не потеряла. Есть мороженое в обществе завистливых змеек намного противнее, чем догадываться, какие грязные мысли бродят в их злобных умах. И я даже благодарна Кайору за хорошую идею и не намерена менять традицию. Эгрис, если ты не желаешь есть мороженое вдали от жены, прикажи поварам, чтобы подали нам десерт на южном балконе. Оттуда чудесный вид на озеро.

– Я же говорил, что нужен секретарь, – назидательно проворчал магистр, доставая пенал с вестниками.

– А нельзя просто отправить лакея? – Ирсана оглянулась на слуг, которых они специально отослали подальше, чтобы говорить свободно.

– Не успеют. Пока объясним, пока повара приготовят и подадут, – отправив записку, пояснил Эгрис. – А еще нужно организовать охрану. В следующий раз выбирайте место для десерта заранее.

Ответное письмо пришло через четверть часа.

– Все готово, – сообщил глава, и Леа немедленно поднялась из-за стола.

Небрежно бросила салфетку, сошла по ступеням и неторопливо направилась к выходу.

– Ваша светлость, – мгновенно догнала ее статс-дама, – обед был великолепен. Главный повар превзошел сам себя.

– Я рада, что вам понравилось, госпожа Жалойна, – скупой улыбнулась Леаттия, – но повара я сменила.

– Вот как, – не растерялась та. – Не знала, что в Югрете можно найти такого превосходного мастера.

– И тем не менее он местный. – Разговор начинал Леаттию забавлять, но она решительно свернула к лестнице.

– Ваша светлость, осмелюсь напомнить – дамам напитки и сладости обычно подают в сиреневой гостиной.

– Приятного аппетита. Мне и моим советникам подали на втором этаже, – суховато отозвалась герцогиня и положила руку на локоть подоспевшего Бензора.

– Вы очень много времени проводите с темными магами, – очень тихо, словно себе под нос, пробормотала Жалойна. – Это может навредить вашей репутации.

– Никто, кроме этих магов, не отважился помочь моей матери в трудную минуту. – Вот теперь в голосе правительницы звенели злые льдинки. – И отныне я ценю людей по их делам, а не по знатности или богатству. И запомните все, – поднявшись на пару ступеней, встав вполборота и оглядев замершую публику, звонко заявила она, – сплетни и злословие в моем дворце отныне запрещены, как и непрошенные советы. Все нарушившие это правило будут строго наказаны.

– Но ведь порка теперь запрещена? – задумчиво пропел чей-то ехидный голосок.

– Мы умеем наказывать так, что порка покажется благодатью, – ласково пообещал Эгрис и кровожадно усмехнулся.

Робкие усмешки вмиг стекли с лиц придворных дам.

Устроившись на балконе, маги в первые минуты, пока слуги разливали взвары и подавали десерт, дружно молчали.

Молчала и Леаттия, глядя на кроны старых дубов и кипарисов, посаженных еще ее предками, и с каждой секундой все сильнее коря себя за несдержанность. Ведь отлично знала, как любят пускать ядовитые шпильки эти приторно-улыбчивые дамы и как много в них спеси и зависти. Но что досаднее всего, давно ведь научилась пропускать мимо ушей кроткие с виду, но желчные по сути намеки, не слышать лживых рассуждений и не видеть кривых ухмылок.

Так почему же сейчас, когда ей так необходима натренированная годами выдержка, она отказывает все чаще? Или раньше обиду и гнев смирял браслет Кайора?

– В Югрет срочно вернулись графы Хиртон и Гресли, – словно невзначай сообщил Вельтон. – Мне прислал известие Швензл. Его агенты – довольно шустрые парни. Я взял на себя смелость послать им приглашение от имени вашей светлости.

– Можете идти. – Нетерпеливым жестом отправив прочь слуг, Леаттия задумчиво уставилась на мага. – К моему великому сожалению, их имена ничего мне не говорят. Отец вспоминал графа Редорна и барона Изле, а еще промышленника Сертиса. Они держались возле нашей семьи до последнего, пока отец Манреха не нашел за ними каких-то провинностей.

– Им всем, вернее, тем, кто еще жив, мы уже написали, – пояснил Эгрис. – По сведениям, которые предоставил Швензл, граф Редорн уже давно погиб, потом умерли жена и старший сын. Остальные потомки перебрались в Банлею. Граф Изле безвыездно сидит в своем поместье почти под горами, а Сертис все распродал и купил заводик и мельницу в Харказе, но там у него дело не пошло, и сейчас он живет довольно скромно.

– У Кайора обнаружилось довольно много поместий и домов в Югрете, – недобро усмехнулся Вельтон. – Даже я был поражен его оборотистостью. Хотя по свидетельству казначея и Швензла, в этом деле большое рвение проявил Транис. Именно он требовал, чтобы наказанных за какие-либо провинности подданных лишали собственности и изгоняли из города.

– Они друг друга стоили, – с сочувствием покосившись на подопечную, вздохнула Ирсана. – А нам теперь необходимо проверить каждый случай. Народ должен поверить в справедливость своей правительницы.

Минут пять герцогиня отстраненно черпала ложечкой мороженое,

затем вдруг произнесла:

– Эгрис, отец всегда говорил, что народ охотнее верит тому, что видит собственными глазами. Я думаю, мне пора подобрать себе несколько советников из числа тех, кого уважают жители города. Необязательно знатных и именитых, главное, всем известных честностью и рассудительностью. Вельтон, передай Швензлу, чтобы написал мне список. Я собираюсь пригласить их завтра отобедать. И еще... пожалуйста, поговори с придворными дамами. Мне не нужны их советы, и все, кому это не нравится, могут спокойно обедать дома.

– Мне нетрудно выполнить эту просьбу, – ухмыльнулся Вельтон, – но после за твоим столом не останется ни одной дамы, кроме Ирсаны и Миралины. Если хочешь их просто вразумить, то лучше поручить это Арвису.

– Ты стал бы им угрожать? – изумилась Леаттия.

– Да нет. И разговариваю я с такими вежливо. – Услыхав это утверждение, маги дружно заулыбались. – Они сами придумывают себе разные страсти.

– Он просто не видел со стороны, каким бывает в такие моменты, – фыркнул Эгрис. – Это следствие обучения у черного мага. Они не любят тратить время на уговоры и разъяснения, а прибегают к довольно простому, но впечатляющему заклятию устрашения. Внешность начинает быстро меняться, глаза полыхают отблесками пламени, из носа идет дым, лицо темнеет и покрывается змеиной чешуей. Если он еще и широко улыбается, показывая заострившиеся клыки, все понимают его доводы с первого раза. Но мало кто исполняет, большинство стараются больше с ним не встречаться.

– Хорошо, – нехотя согласилась Леаттия. – Вот придет Арвис на ужин, я его попрошу.

Глава десятая

Однако ее учитель на ужин не явился. Герцогиня не стала никого спрашивать, где он потерялся, просто окинула сотрапезников быстрым взглядом, словно что-то проверяя, и спокойно села на свое место.

Но позже, устроившись в уютной гостиной, где был накрыт десертный стол, на вопрос Эгриса про загадочный сюрприз с огорченной улыбкой развела руками:

– Увы, раскрытие секрета откладывается. Но не по моей вине. Пока не соберутся все приглашенные, я ничего вам сказать не могу.

– Даже если он очень занят? – задумчиво осведомился Вельтон.

– Тем более. Важные занятия нужно уважать, – твердо заверила ее светлость.

Трапезу они заканчивали неторопливо, изредка отпуская ничего не значащие замечания.

– Мирной ночи, – первой поднялась Леаттия, когда дольше сидеть за столом стало невмоготу. – Встретимся за завтраком.

– Тебя проводить? – встал с места Вельтон и получил вежливый, но категоричный отказ:

– Не волнуйся, я отлично дойду и сама.

Несколько минут все сидели молча, поглядывая на амулеты, в которых по мере удаления герцогини бледнели светлые точки.

– Я против таких методов, – хмуро проворчала Миралина, когда стало ясно, что хранительница не вернется.

– Я тоже, – удрученно вздохнула Ирсана и укоризненно уставилась на мужа. – И учти, тебя ждет первая семейная ссора, если Лайна начнет меня избегать. И дело не в том, что девочка – хранительница и герцогиня, я привязалась к ней раньше, за искренность и доброту.

– Любимая, а я-то тут при чем? – взмолился глава гильдии, придвигаясь к ней ближе. – Ты же знаешь, это вообще не наш способ! И даже не белых магов!

– Ну да, это я ему предложил, – и не подумал отказываться Вельтон. – У белых и темных не принято соваться с помощью к друзьям и близким, когда дело касается сердечных страданий. Это считается вмешательством в глубоко интимные дела и называется «не лезть в чужую душу». Хотя все отлично понимают, как непросто найти истину тому, кто еще плохо разбирается в жизни и не догадывается о тайных причинах, управляющих

подчас стремлениями людей. И тем более тяжело, почти невозможно, понять себя тем, кто не имеет никакого представления о собственных желаниях. А меня учили черные. Хотя все они убежденные одиночки, но, если в ком-то заинтересованы всерьез, никогда не будут ждать, пока человек совершит все возможные ошибки и испытает всю глубину отчаяния. Если бы я знал раньше, из-за кого Эгрис порой ходит чернее ночи и куда он временами исчезает, я давно бы нашел Ирсану и украл.

– А я бы нашел тебя и убил, – с несвойственной ему жесткостью процедил глава гильдии.

– Не успел бы. Сначала тебе пришлось бы искать ее, затем спасать, а потом было бы уже не до меня, – уверенно огрызнулся Вель. – И ты сам знаешь, что я прав. И с Леаттией тоже.

– А если она выберет тебя? – насмешливо прищурился помалкивающий Бензор. – Ну, просто назло ему. Такие случаи ведь нередки.

– Так поступают только наивные провинциальные девчонки да безрассудные ветреницы, – отрезал Вельтон, – которым не хватает ума сообразить, что нельзя играть собственной судьбой, как раскрашенной куклой. Тем более такой фокус не пройдет со мной. Я никогда и никому не позволю себя просто выбрать, мне нужна девушка, которая искренне полюбит меня таким, какой я есть.

– А если она тебя полюбит, а ты останешься равнодушен? – заинтересовалась Ирсана.

– Вот тогда и буду думать, – хитро ухмыльнулся Вель. – Но можешь не волноваться, есть несколько надежных способов решения этой задачки.

– Вы о чем? – ворвался в гостиную Арвилес. – А где моя ученица?

– Ушла, – привычно отчиталась Ирсана. – Сказала, без тебя никакого секрета нам не откроет. Не могли же мы ей объяснить, что ты исполняешь тайные советы Вельтона.

– Правильно сделали. – Подсев к столику, маг жадно поглощал пирожные, запивая подтаявшим мороженым. – Я никогда не следовал в таких вопросах никаким планам и не собираюсь. Все должно идти естественным образом. Иногда это кажется неверным, хочется немедленно все остановить и повернуть, но по прошествии времени начинаешь понимать, как верно вела тебя судьба. И как многого ты не понимал прежде, ослепленный сиюминутными желаниями.

– Ты мне камень с души снял, – призналась Миралина. – Тогда открой нам, где ты был?

– А разве Эгрис не сообщил? – мельком глянув на главу гильдии,

нежно обнимавшего жену, удивился Арвис. – Вместе с помощниками проверял место для канала. Провести его прямо не получится, в нескольких местах скальный массив перемежается глубокими расщелинами, настоящими пропастями, занесенными песком и заросшими лесом. В этих местах придется выкладывать каналы из тесаного камня и скреплять расплавленным песком, иначе до города не дойдет ни одной капли.

Он бросил в рот сразу два маленьких пирожных, мигом прожевал и, понимая интерес коллег, продолжил рассказ:

– Я собирался прийти к ужину, даже уже выдал все указания своей команде, очищающей от травы и леса проверенный участок. И тут оказалось, что мы не заметили незначительную, но довольно коварную трещинку. Ну я и решил быстренько ее закрыть, времени как раз хватало, энергии тоже. Вычистил небольшим вихрем почву и мусор, расплавил края камня, залил дно и стенки, а резерв еще оставался, и неплохой. Ну и не удержался, нарастил стенки потолще, пролил поглубже все трещинки, заровнял будущие берега. Вы не представляете, как замечательно работается, когда имеешь почти нескончаемый запас магии. Ощущаешь себя кем-то очень могущественным, почти драконом.

– Это его подарок, – тихо буркнул Вельтон, – нам шестерым. Мне тоже хочется что-нибудь построить, завтра после обеда сбегу к вам. Ты правильно делаешь, мне тоже пора начинать давать помощникам задания, а потом их проверять. Привык у черных в важных делах полагаться только на себя.

– Ваши милости, – коротко постучав, появился в дверях дворецкий, – ее светлость герцогиня Брафортская ждет вас всех. Позвольте проводить.

Развернулся и неспешно пошел прочь, ни секунды не сомневаясь, что маги последуют за ним.

– Она же ушла отдыхать, – тихо пробормотал Бензор, вместе со всеми шагая вниз по лестнице.

– Ее светлость дала указание немедленно доложить, как только появится главный советник, – невозмутимо возвестил услышавший эти слова дворецкий.

Маги молча переглянулись: до сих пор им не приходилось видеть, чтобы приказы выполнялись так быстро и неукоснительно без всякой помощи магии.

Леаттия ждала магов в примыкавшей к тронному залу галерее, и едва они подошли, отпустила дворецкого. А потом развернулась и так же молча и уверенно направилась к ведущей вниз, к погребам, узкой лесенке для прислуги.

Санди смерила напарника укоризненным взглядом и поспешила за ней, остальные постарались не отставать. Несколько минут они спускались в полумраке, разбавленном лишь редкими и бледными светильниками, пока не добрались до сводчатого помещения, откуда в разные стороны вело несколько дверей. Судя по пустым бочкам, пахнущим рыбой и соленьями, за ними были подвалы, но Леа прошла мимо и замерла у дальней стены, плотно заставленной дубовыми шкафами.

– Нужно отодвинуть подальше вот эти два. – Выдав указание, герцогиня отступила, давая место магам.

Участок гранитной стены, скрывавшийся за шкафами, на вид существенно отличался от остальной части. Его словно кто-то упорно долбил ломами и кирками и взрывал огненными шарами.

– А шкафы-то стояли тут далеко неспроста, – ухмыльнулся Вельтон и подвинулся ближе к хранильнице. – Но я не ощущаю за этой стеной никакого помещения, и защиты тоже.

– Я тебе верю, – кивнула Леаттия, – но дух не мог ошибиться. Посмотрите на пол. Видите сточный желобок для воды? Встаньте потеснее, нужно оказаться внутри очерченного квадрата.

Маги сбились плотной кучкой, и герцогиня прижала руку к исковырянной стене, стараясь накрыть ладонью осколок крупного кристалла. Несколько мгновений ничего не происходило, затем вдруг потемнело и стало еще тесней.

Маги с интересом озирались, приглядываясь к выросшей вокруг них гладкой, как зеркало, стене, и только намертво заученные правила помогали им сдерживать желание коснуться странного материала хоть кончиком пальца. А через секунду появилось ощущение падения, и все поспешно вцепились друг в друга. Леаттию ухватили за предплечья сразу с двух сторон, но она не позволила себе оглянуться и проверить, кто именно так о ней волнуется. Не стала даже глядеть на пальцы, сжавшие темную ткань платья, – молча стояла, гордо вскинув голову с видом человека, которому ничто не может угрожать.

Вскоре в стене перед носками ее туфель появилась светлая щель, которая все росла, пока не стала широкой дверью в просторный круглый зал.

Это, несомненно, было хранилище источника, но оно абсолютно не походило на все остальные, одинаковые, как близнецы.

Здесь источник располагался не возле стены, а посередине. Из глянцево-черной каменной округлой тумбы исходило нежное сияние, поднималось вверх и таяло в воронке высокого свода.

– Потому они там и долбили, – сообразил Эгрис, обходя зал по кругу, – что ощущали над этим местом источник. Но не могу понять, почему никто из нас до сих пор его не почувствовал? Я вообще прежде считал, что упоминания о нем – просто легенда.

– Лет двести назад, когда прадед Кайора не позволил моим предкам провести здесь свадебный ритуал, – тихо произнесла Леаттия, – им пришлось идти потайным путем. Но для этого потребовалось закрыть главный вход. Узнав о том, что вход закрылся, прадед Манреха рассвирепел и велел сломать стену. Однако все, кто пытался ее рубить, тотчас засыпали. Когда спящие лежали во всех ближайших помещениях, на складах, в коридорах и даже в тронном зале, воины начали прозревать и отказывались брать в руки кирки и молоты. Тогда он приказал привести к нему хранителя и объявил, что вся его семья будет казнена, если не откроется вход в источник.

Она помолчала, нежно проводя ладонью по гладкому камню, и печально усмехнулась:

– Мой прадед отказался, и герцог повелел привести его жену и детей. Позже все упоминания о том событии, даже случайные, были уничтожены, народ знает лишь, что правителя свалила внезапная тяжкая болезнь и к власти пришел его старший сын. А еще в тот день иссяк этот источник.

– А твои предки? – с сочувствием посмотрела на Леатию целительница.

– Они вернулись домой в герцогской карете, и почти двести лет Кайоры старались нас не замечать.

– И никто не знает, что произошло?

– Знают. Всех свидетелей ведь молчать не заставишь. – По губам герцогини скользнула бледная усмешка и тотчас исчезла. – И вот эту тайну я хочу вам открыть... вместе с источником.

Хранительница положила обе руки на мрамор тумбы и задумалась, глядя в никуда. Маги следили за ней затаив дыхание и все же не поняли, в какой миг из узкой чаши вырвался и устремился вверх мощный, переливающийся серебристой синевой, поток энергии.

Резервы у всех начали стремительно пополняться, принося ни с чем не сравнимое ощущение легкости и свободы.

– Какие же они дураки, – пробормотала Ирсана. – Ведь за эти столетия из Брафорта разбежались почти все сильные маги и знахари. Силы еле хватало только самым слабым, мне кристаллы приносил Джар.

– Попробуй догадаться, – усмехнулся ее напарник, – где я их брал.

– Все знают – Эгрис давал, – нетерпеливо отмахнулся Вельтон. – Мне

сейчас интереснее всего, каким образом Брафорт смог наказать прадеда Кайора? Ведь герцогские покои всегда надежно защищены.

– Все очень просто, – улыбнулась Леа, отступая от источника. – В самом крайнем случае можно попросить духа открыть отсюда ненадолго проход в любую комнату герцогского дворца. Прадед всего лишь объявил Кайору приговор и условие, при котором ему оставляется жизнь. А теперь взгляните на стены. Видите ниши?

Маги дружно уставились на череду похожих на стрельчатые окна ниш, вырезанных в идеально гладкой стене круглого зала.

– Их ровно тридцать семь, – пояснила она, направляясь в сторону, противоположную входу. – И каждая ведет к источнику. Кроме вот этой – она открывает проход к тайнику. Я не стану раскрывать вам всех его секретов, кроме одного, который вы и сами вскоре разгадали бы.

– Леаттия, – озадаченно пробормотал Эгрис, медленно продвигаясь мимо одинаковых ниш, – а ты можешь... точнее, знаешь, окна ведут к определенным источникам?

– Да, ты верно догадался, – серьезно кивнула она. – Отсюда можно открыть или закрыть любой из них. Но ни один хранитель не сделает ничего подобного без веских оснований, из мести или со злости. У нас есть свои законы, и нарушать их мы никогда не станем.

– А где наш?

– Третий от входа с левой стороны, – остановившись перед нишей, пояснила хранительница. – Но сперва зайдем сюда.

Уже привычно прижала ладони к камню ниши, и тот растаял, открывая вход в узкий тоннель. Леаттия вошла первой, и маги невольно заторопились, опасаясь, что этот странный проход исчезнет так же мгновенно, как появился.

Однако приведший их в подземный тайник тоннель не пропал и не закрылся, и маги принялись с любопытством осматривать довольно свободное помещение. Впрочем, ничего загадочного и таинственного они здесь не увидели, кроме расставленных вдоль стен дубовых сундуков и развешенных над ними таких же внушительных полок, закрытых надежными дверцами. На каждой светился серебряный номер, яркий, словно недавно отполированный. И вообще тут было на удивление свежо и чисто, нигде ни пылинки, ни паутинки.

Единственное, что выделялось из однообразия шкафов и сундуков, – расположенный посередине стол, на котором стоял небольшой, очень необычный ящичек. Его стенки были прозрачны, как лед, верх открыт, и с одной стороны виднелась металлическая дверца. Внутри ящичка небрежно

валялись какие-то бумаги, вокруг теснились толстые фолианты, и все они тоже были пронумерованы подозрительно знакомыми цифрами.

– Что это такое? – первым не выдержал Эгрис, не решаясь прикоснуться к книге.

– Многие знают, что жрецы Брафортского фамильного алтаря, на котором вчера меня возвели в герцогини, каждый день бросают в огонь записи. – Леа обвела магов неожиданно лукавым взором и добавила: – Но только вам довелось увидеть эти бесценные документы. Вот последние, слушайте: «Сегодня первый день правления герцогини Леаттии. С утра объявили новые указы. На многие значимые должности назначены маги темной гильдии, народ на рынке насторожен, спорят, чем это обернется. Одна из магинь, всем известная целительница Миралина Лайренс, получила пост главного лекаря герцогства и замок Гардез с указанием открыть там лазарет и приют для бездомных детей. Ремесленники и торговцы спешат усыновить своих учеников и посыльных, боясь остаться без дармовых работников. Главный советник правительницы, магистр Арвилес, с утра бродит с толпой магов в верховьях Терсны, люди видели там столбы пыли и бегущих прочь испуганных животных и птиц. Идет слух, что правительница намерена построить большую водную мельницу. Мельники ветряных мельниц резко снизили цену помола, двое спешно продают свои мельницы. В верхней части города появились скупщики особняков, за день продано больше полусотни старых домов. Говорят, это новый главный прокурор решил там построить себе замок. Девушек для развлечений из дворца убрали, придворные господа недовольны, но предпочитают помалкивать. Жрецам вернули все прежние помещения, спальни и трапезную. Благодарим, великий дух! Более нам ничего не надобно, пропитание добываем своим трудом».

Она смолкла, обвела ошарашенных магов смеющимся взглядом и вздохнула.

– Драконы считали, что каждый правитель должен знать, что говорят о его делах простые люди, а не придворные льстецы, и создали маленький портал с призрачным пламенем. Все записи попадают сюда, все подшиты и сложены в сундуки с первого дня правления Юлиара Брафорта. И поэтому я должна вас предупредить: никто не имеет права вмешиваться в дела жрецов и пытаться изменить их мнение. Все семеро защищены амулетами, и все каждый день выходят на улицы, на рынки, на пристань и в харчевни. Им разрешено зарабатывать составлением писем и жалоб, продажей мелких оберегов и талисманов. Раньше они получали и еду, и деньги на содержание, но Кайоры постепенно урезали эти небольшие суммы. Нужно

дать указание казначею, чтобы подсчитал и выплатил все недоданное. И впредь отдавал без напоминаний. То же самое и с едой.

– С этим я сам с утра разберусь, – пообещал Эгрис и усмехнулся. – И с детьми, работающими на торговцев, тоже. Но тебе все-таки нужен секретарь, и к завтраку я приведу несколько кандидатов, выберешь сама.

– Я уже подумала, – кивнула хранительница, – и мне интересно: Лаберт есть в твоём списке?

– Могу его спросить, – пообещал глава гильдии и решился взять со стола один талмуд.

Раскрыл наугад и притих, стремительно скользя взором по строчкам.

Остальные последовали его примеру.

– Как любопытно, – покачал головой Бензор, перелистнув очередной лист, – оказывается, в каждом томе собраны записи за год. Я бы посидел тут несколько дней, очень хочется взглянуть на некоторые события глазами очевидца. И еще у меня вопрос – а они не могли писать... ну, не совсем ложь, а правду, но с учетом собственного отношения к происходящему?

– Все они дают клятву писать в посланиях к духу только о случившихся событиях и о самых главных слухах, – пояснила Леа, направившись к выходу. – А о том, как прочесть, поговорим потом, когда откроется вход в зал источника. На этот раз дракон решил сделать его в тронном зале, и завтра утром жрецов ждет неожиданный сюрприз.

– Начинаю думать, – дерзко хмыкнул Вельтон, – что всем нам предстоит стать свидетелями еще не одного важного и никем не предсказанного события. Как вовремя я решил слетать в Давр! Ну а где тут наш источник? И почему он третий?

– Ниши расположены так, чтобы к каждому источнику вела прямая линия, – мягко произнесла хранительница, касаясь ладонью темного камня.

Он тотчас словно осветился изнутри, начал терять цвет, плотность и через полминуты стал так прозрачен, словно и не существовало сотен миль расстояния, гор, лесов и стен. И все маги безошибочно узнали помещение по знакомым фигурам Гвелоса и Тирнеза. Магистры ловко расставляли по висящим у источника полкам пирамидки и кристаллы и негромко переговаривались.

– ...зато теперь в Гайртоне только раз в две декады будет появляться, – сердито бурчал старый маг. – А народ как с ума сошел, прошения кипами тащат. Откуда они взяли, что скоро война?

– Кто-то из нас проболтался или сами придумали. Ведь усилившийся источник не только мы чувствуем? Полгорода учеников и подмастерьев. Вот и начали проповедовать всякие кликуши, что это к войне, – вздохнул

Тирнез. – Но нам пока выгодно, пусть порастрясут кошель. А ему я собираюсь послать письмо – это всех нас касается.

– Ну и глупо поступишь, – язвительно скривился Гвелос. – Темные маги никогда не суют нос туда, куда их не звали.

– Меня и в Гайртон никто не приглашал, – спокойно ответил его собеседник. – Но когда приехал, место для дома выделили и в расписание на усиление включили. И поверь, мне плевать, как называется гильдия, темные или в полоску, важно только одно – как в ней относятся к собратьям. Как люди или как шакалы. Вон черные даже объединяться не пытаются, каждый сам за себя и против всех.

Леа отняла от камня ладони, и он вмиг потемнел, став просто стеной.

– Ты понял, – оглянулась она на Эгриса, – чего вдруг испугались жители вашего города?

– Нападения черных магов, мы зовем их колдунами за дикие ритуалы. Всем понятно, что мощный источник сразу привлечет к себе их завистливые взгляды. Как и этот, едва они о нем узнают, – хмуро ответил Эгрис и жестко усмехнулся: – Только черным неизвестен главный секрет верховного совета. Мы не сомневались, что когда-нибудь они не выдержат, может, даже объединятся ради жирного куска, и приготовили для них очень горячую встречу.

– Дух это тоже предусмотрел, – кивнула хранительница. – Он сделал выводы из прошлых ошибок и защитил все хранилища источников. Пока еще эта защита не вступила в полную силу, но скоро далеко не каждый сможет туда войти, а амулеты, открывающие двери, будет выдавать темная гильдия. Не знаю, кому вы доверите это право, время на размышления еще есть.

Оглядела задумчиво притихших магов, тяжело вздохнула и тихо выговорила:

– А теперь самая неприятная новость. Все эти дни, с того момента как я пробудила ваш источник, дух изучал запасы энергии и ее расход. И сделал неутешительные выводы: маги всех цветов тратят все больше, но народу пользы от этого все меньше. В Банлее придворные маги накрыли мощным куполом королевский сад, и там всю зиму зеленеют деревья и цветут сады, а у селян суховеи пятый год подряд отбирают львиную долю урожая. В Давре один за другим пышные праздники, море энергии выбрасывается на фейерверки и огромные облачные картины, а флакон усиленного лекарства дороже коровы. Во всех ближних и дальних странах бродят по городам и селам нищие и беспризорные дети, а знать пирует во дворцах, защищенных мощными амулетами, и ходит в гости порталами. Хуже всего

живется людям в Харказе и Аларии, там правители сдирают с магов половину прибыли, а те в ответ поднимают цены на амулеты. А бедных ремесленников и селян все чаще продают в рабство, и, что страшнее всего, маги тоже не отказываются от покупки раба или рабыни. Немногим лучше обстоит в Дагоре, там маги объединились в кланы и собирают по всей стране одаренных детей якобы для обучения. На самом деле делают из них послушных работников, артефакторов, зельеваров и боевых магов для защиты клана. Ну и Гестон, где престарелым королем незримо правят белые маги, выдавая ему небольшими дозами молодящее зелье. Дух принял решение закрыть в этих странах источники наполовину, а в Лиме, столице Гестона, оставить лишь четверть. Это я должна сделать прямо сейчас. У вас пять минут, чтобы принять решение и объявить свое согласие или протест.

– Не нужны тут никакие слова, – печально глянула в побледневшее лицо герцогини Миралина. – Всё мы это знаем, и все давно мечтаем о других порядках. Большинство темных потому и сидит в Гайртоне, чтобы не видеть всех бесчинств, творящихся в мире. Однако у нас не было такой возможности, а тебе она дана. Хотя я не завидую – сейчас ты одним махом наживешь столько врагов, сколько не было ни у одного правителя. Но я все равно буду за тебя, и никаким колдунам меня не запугать.

– Ты сказала то, что я думаю, – поддержал целительницу Эгрис. – И теперь мне понятно, почему он увеличил мои способности едва не втрое. Значит, уже знал, к чему нужно готовиться.

– Я с вами, – искоса глянув на бледное лицо ученицы, твердо заявил Джар.

– Я тоже, – слились в одно голоса Бензора, Вельтона и Ирсаны.

– Вы не представляете, как я рада. – Губы хранительницы предательски дрогнули, и она почти бегом направилась к нишам. Брела вдоль них, на несколько мгновений прикладывая ладони, и едва слышно бормотала: – Пятая – Давр, шестая – Гизлим, девятая – Иль-Хозэд...

Лишь теперь маги заметили отличие между ведущими к источникам каменными окнами. Или привыкшее к неяркому освещению зрение наконец позволило разглядеть слабенькую разницу в окраске камня. Жгуче-черный в одних нишах, мрамор заметно бледнел в других и превращался в густо-малахитовый в третьих. И только в двух был изумрудным, но разного оттенка. Однако расспрашивать все медленнее шагавшую вдоль стены герцогиню не решился никто.

И весь обратный путь они проделали молча, не забыв поставить на место шкафы, хранившие секрет потайного прохода.

Глава одиннадцатая

Дойдя до своих покоев, Леа попыталась вырвать руку у поддерживающего ее учителя, но он этого словно не заметил. Одним взглядом распахнул дверь, еще одним – распрощался с коллегами и почти внес ученицу в просторную гостиную, ярко освещенную большой люстрой и десятком настенных подсвечников.

– У тебя есть служанки?

Вопрос еще не успел отзвучать, как раздвинулись тяжелые занавеси, и из спальни выплыла старшая статс-дама в сопровождении двух придворных прелестниц и толпы горничных.

– А это еще что за нашествие? – нехорошо усмехаясь, изумился маг и громче крикнул: – Эгрис!

– В чем дело? – мгновенно появился в дверном проеме глава гильдии.

В следующую секунду рядом с ним возникли все остальные маги.

– По этикету раздевать и одевать ее светлость обязаны самые знатные придворные дамы, – гордо задрав вверх нос, оскорбленно сообщила ревностная жрица этикета.

– Напомните мне, госпожа Жалойна, – едко прищурился Эгрис, – когда именно появился этот обычай?

– Почти триста лет назад, – нехотя буркнула она и, не желая сдаваться, упрямо поджала губы. – И за эти столетия стал старинной традицией!

– Кто их пропустил? – жестко поинтересовался Вельтон и выглянул в примыкающий к герцогским покоям зал.

– Они предъявили кольца горничных и сказали, что сопровождают служанок согласно этикету! – Побледневший молодой маг с ненавистью смотрел на обманувших его красавиц.

– Где горничные? – Эгрис с откровенным сожалением оглядел белых от ужаса служанок.

Дворецкий отбирал служанок для правительницы очень придирчиво и ошибиться не мог, значит, кто-то поставил их в безвыходное положение.

– Простите, господин, – упала на колени самая старшая, – нам все объяснили! Но госпожа Жалойна всегда имела особые права, и спорить с ней нельзя, это всем известно. Иначе пошлет девочек к гостям... помогать раздеваться.

– Жалойну в подвал, в отдельную камеру, – с тихой яростью процедил Вельтон, подавая знак появившимся в зале младшим магам. – Но сначала

снять с нее амулеты, все до единого. Сопротивляться она не будет.

Присутствующие это и так уже сообразили – слишком красноречивые молнии метали глаза замершей на месте статс-дамы, так и не произнесшей больше ни слова.

– Встань, – приказала старшей горничной Санди. – Ты будешь личной горничной ее светлости. Вторую я сама подберу. А вы запомните раз и навсегда: никаким гостям и господам ничего особого вы делать не должны. Кстати, этих придворных дам я бы тоже подержала ночку в камере, глядишь, и перестанут мечтать приручить ее светлость.

– Твое слово – закон, дорогая. – Глава гильдии взглядом указал магам на подруг Жалойны, и их мигом выставили из гостиной.

– Мирной ночи, ваша светлость, – тихо произнес Арвис, нехотя отпуская руку ученицы. – Завтра утром я постараюсь задержаться на церемонию.

– Светлых снов, – бледно улынулась друзьям ошеломленная наглостью знатных дам Леаттия и пошла впереди служанки в спальню, мечтая остаться наконец в одиночестве и спокойно разобраться в случившемся.

Однако ни на какие размышления у нее просто не хватило сил. Едва девушка оказалась в постели, утомленное непривычным напряжением тело без малейшего сопротивления сдалось сну. Зато утром она проснулась свежей и полной сил. Первым делом взглянула за окно, чтобы убедиться в правоте своих ощущений, утверждающих, что в ее стране сейчас властвует тот непередаваемо прелестный утренний час, когда солнце едва поднялось из-за озера, но еще не высушило росу на травах и не прогнало ночную прохладу.

Порадовалась приобретенной за последнее время привычке подниматься с рассветом и вскоре медленно продвигалась вдоль шеренги пузатых шкафов, теснившихся в соседней со спальней комнате. Половина были пустыми, но и надетых на манекены, стоящие за стеклянными дверцами, и висящих рядами нарядов хватило бы на полсотни самых переборчивых девушек.

Шелка и кашемир, муслин и кружево, парча и тафта всех цветов были изысканно подобраны и дополнены вышивками, сеточками, шнурочками, всевозможными оборочками и складками. И если бы Леаттия собиралась сейчас на праздник, то могла без сомнения надеть любой из них.

Однако ей требовалась одежда, в которой удобно будет заниматься делами, спускаться и подниматься по лестницам, разговаривать с советниками и слугами, завтракать и пить чай, не призывая на помощь

служанку каждый раз, как захочется взять кусочек пудинга.

Более-менее подходящих для этих целей платьев нашлось всего три, и Леа выбрала темно-зеленый наряд из плотного матового крепа, украшенный только строгой вышивкой шелковой гладью.

– Ваша светлость, простите. – Бледная от волнения горничная возникла на пороге будуара в тот миг, когда сидевшая перед зеркалом Леаттия пыталась расчесать волосы. – Вы не позвонили... а я не знала, во сколько вы встаете. Позвольте помочь? Какую прическу вы желаете?

– Последние слова – самые верные, – буркнула Леаттия.

После Берты, которая всегда делала на голове хозяйки только то, что нравилось ей самой, девушка вовсе не склонна была доверять свои волосы чужим рукам.

– Понятно, – тихо отозвалась та. – Сделаю точно так, как захотите. Вот альбом, тут самые модные прически.

– А вот эти слова забудь, – решив проверить таланты служанки, строго глянула на нее герцогиня. – Никакая мода меня не интересует. Прическа должна быть аккуратной и строгой. Не нужно прикалывать никаких бантиков, цветов или украшений. Лишь самую скромную тиару. Пудрить и красить меня тоже не нужно.

Это указание она произнесла, припомнив набеленных и наруганных придворных дам с непременными мушками над верхней губой и пышным букетом перевитых жемчугом шелковых цветов в волосах. Походив на них не хотелось до зубовного скрипа, особенно после того, как Леа четко осознала, с кого Берта брала пример, наряжая ее на встречу с женихом.

– Хорошо, – похвалила хранительница через пять минут, изучая свои изящно свернутые на затылке волосы, отражавшиеся в небольшом зеркальце, которое держала в руках служанка. – Как тебя зовут?

– Фина, ваша светлость, – учтиво склонила голову горничная. – Какие будут распоряжения насчет платья для обеда?

– Для ужина, – твердо заявила герцогиня, посмотрела в растерянное лицо служанки и сжалась: – У меня пока нет ни времени, ни желания переодеваться пять раз в день. А платье нужно выбрать похожее на это – простое, удобное, но достойное моего звания, от этого не уйти. Я нашла там еще только два таких, а куда девать остальные, тебе придется придумать самой.

Пару секунд разглядывала задумавшуюся служанку, гадая, найдет ли та выход из безвыходного положения, потом вспомнила про открывшийся вход в источник и поспешно покинула свои покои.

Учитель ожидал ее в ближайшем зале, увешанном портретами прежних правителей, и времени даром не терял. Ходил вдоль стен с огромным куском пирога в одной руке и кружкой отвара – в другой и, едва глянув на очередной портрет, движением брови снимал его с крючков.

Услышав стук каблучков, оглянулся, секунд пять рассматривал ученицу, потом махнул рукой в сторону стоящего возле высокого окна небольшого столика, за которым спокойно завтракал Лаберт:

– Доброе утро. Выпей кружку отвара, я как раз закончу.

– Светлого дня, – отозвалась Леа и направилась к магу, уже наливавшему для нее горячий напиток. – Ты согласился на должность секретаря?

– Как я мог отказаться? – трагично развел руками Лаберт, подал устройшейся напротив него герцогине кружку и весело подмигнул: – Какой же дурак не захочет целый день сидеть рядом с красивой девушкой и знать все ее тайны?

– А если научится помалкивать, то будет выглядеть еще и умным, – немедленно съязвил все расслышавший главный советник.

– Я вообще понятливый, – неизвестно на что намекнул Лаберт, подвигая Леаттии пироги. – Эти – с рыбой, эти – с яблоками. Был еще с мясом, но ваш советник счел, что ему полезнее.

– И правильно решил, – выбирая пирог с яблоками, тотчас встала на сторону учителя Леаттия, – ему нужно хорошо поесть. Арвилес делает сейчас очень важное дело – ведет в город воду.

– А я разве спорю? – тотчас сдался свежее испеченный секретарь, искоса поглядев в сторону закашлявшегося магистра. – Могу даже чуть попозже сбегать туда с корзинкой, пирожков отнести.

– Боюсь, – сняв последний портрет, решительно направился к ним Джар, – должность секретаря тебе не потянуть. Лайна, пора идти.

Хранительница мгновенно отставила огромную кружку, которую не осилила бы и за час, и оказалась возле него. Положила руку на локоть, и они направились к боковой лестнице, ведущей прямо в тронный зал. Главный вход туда был из большого приемного зала.

– Мне сказали, что с ее светлостью можно разговаривать попросту, когда рядом нет чужих. – Судя по голосу, маг на что-то обиделся.

– И это верно. – Придержав учителя, Леа остановилась и оглянулась на секретаря. – А сейчас вы оба шутили, я надеюсь.

– Разумеется, – совершенно спокойно улыбнулся Джар.

Остальной путь они проделали в молчании, и Леаттия не пыталась разговорить спутников. Слишком мало она пока знала темных магов,

и никакой уверенности в том, что правильно поняла их пикировку, не испытывала.

Спускаясь по лестнице, хранительница отлично рассмотрела находившихся в тронном зале людей. Все семеро жрецов, впервые за много лет изменив своим правилам, никуда не ушли и стояли толпой возле алтаря, неизвестно от чего защищая собственными телами драгоценную святыню. Все седые и простоволосые, все одеты так, словно собрались просить милостыню на пристани, где кормились самые нищие попрошайки. Почти добела вылинявшие просторные накидки местами заштопаны, на кем-то подаренных и давным-давно вышедших из моды штанах красуются заплатки, ветхая обувь явно доживает пятый срок. Маги, ожидавшие Леаттию у светлого проема в стене, которой вчера еще не было, по сравнению со жрецами выглядели непривычно роскошно, хотя все предпочли самые обыденные вещи темных расцветок.

Что-то дрогнуло в душе хранительницы, разгораясь огнем раскаяния, растопившим частицу еще таившейся где-то глубоко горькой обиды. Этим людям, изо дня в день исполнявшим свой долг, невзирая на холод, голод и нищету, вопреки насмешкам и издевательским выходкам скупающих бездельников, много лет жилось намного хуже, чем ей, и у них не было никакой надежды на лучшие времена.

Сойдя с последней ступени, Леа сначала направилась не к магам, а к жрецам, остановилась перед главным и мягко улыбнулась.

– Доброе утро. Я догадываюсь, что именно вас насторожило. Не беспокойтесь, не произошло ничего страшного. Сегодня ночью проснулся брафортский источник магии, спавший более двухсот лет. И поскольку старый вход туда замурован наглухо и восстановить его невозможно, дух источника построил новый. А стену возвел, чтобы скрыть его от посторонних взоров. Хотя после этого тронный зал и стал чуть меньше, он все же достаточно велик для любых церемоний.

– Благодарим за разъяснение, ваша светлость, – склонил голову старший жрец и смущенно добавил: – Но почему-то не открываются двери в приемный зал и в черный ход для прислуги, каким мы обычно пользуемся.

– Скоро откроются, – пообещал подошедший Эгрис. – Это я на время закрыл от любопытных. Еще хотел поговорить с вами, пока не разошлись. Сейчас дворецкий собирает в бывших герцогских покоях подходящую для вас одежду, потом купит все остальное. Сами скажете ему, что вам нужно, и не стесняйтесь. Герцогские жрецы не должны ходить оборванцами. Еще с этого дня слуги будут приносить вам еду. И не только суп и жаркое,

заказывайте все, чего захотите: пироги, взвар, фрукты и сласти. Казначей уже считает недоданные вам Кайором деньги и к вечеру все принесет, а потом каждую декаду будет выдавать содержание. Вы же платите в трактирах и харчевнях, когда собираете слухи.

– Благодарим, ваша светлость, – в глазах старца блеснули слезы, – но можно один вопрос?

– Конечно.

– Вы тоже считаете нас чужаками, тратящими жизнь на бессмысленное занятие?

– Нет, – глядя ему в глаза, твердо ответила Леаттия. – Я точно знаю – вы заняты очень важным делом. И все находящиеся здесь маги в этом не сомневаются. Большого мы, к сожалению, сказать вам не можем.

– И не нужно, для нас и этого довольно, – дрогнувшим голосом произнес жрец, и из его сияющих счастьем глаз выкатилась одинокая слезинка.

Леаттия порывисто отвернулась, пряча растроганный вздох, и торопливо направилась к слабо светящейся арке нового входа. Приветливо улыбнулась ожидающим ее советникам, шагнула вплотную к подернутому радужной дымкой проему и уверенно положила на него ладони.

Замерли жрецы, притихли маги, видевшие больше всех: и светлое зарево, вспыхнувшее под узкими ладонями, и странный, но явно не бессмысленный узор, зазмеившийся по всей площади прохода, и внезапно потемневшую поверхность несокрушимых даже на первый взгляд металлических створок, закрывших проход.

И напряженное лицо хранительницы, вслушивающейся в нечто, доступное только ей.

– Сегодня туда пройти нельзя. – Устало уронив руки, девушка повернулась к магам и виновато улыбнулась. – Лестница пока не готова.

Арвис уже стоял рядом, подставляя ученице локоть, и она неосознанно и привычно взялась за него, ища взглядом хранителя сокровищницы.

– Жрецам нужно выдать особые магические ключи от всех дверей тронного зала, отныне он будет открыт только для ритуалов. Здесь не место для прогулок любопытной публики, – объявила герцогиня Бензору, и он молча кивнул, понимая, чье это распоряжение. – А мы идем завтракать на балкон второго этажа. Там я расскажу вам все остальное.

Подробностей оказалось не так много, как ожидали от сегодняшнего дня маги. Всего лишь известие о том, что дракон решил кроме главного входа в зал источника, дополнительно соорудить потайную лестницу и к

вечеру вывести ее в герцогские покои. Еще из башни придворного мага провести закрытую от любопытных взоров галерею во внутренние помещения третьего этажа и чердака, прежде служившие различными чуланами и кладовыми. Теперь энергия возрожденного источника будет проходить через них, чтобы маги могли в любой момент зарядить камни или амулеты. Рядом с потоком этот процесс занимает в разы меньше времени.

Любой мастер заявил бы, что это невозможно, но магистры не сомневались в точности расчетов дракона. Вряд ли кто когда-нибудь заметит, что некоторые комнаты стали на локоть уже, а внушительные каменные стены истончились. Ведь при этом они не потеряют ни грана крепости, наоборот, станут несокрушимыми.

– Приятно, когда о твоём удобстве так заботятся, – вставая из-за стола, порадовался Эгрис, намекая на то, что большинство источников находится на скалах или холмах и никому не удастся построить вокруг них хотя бы навес.

Джар и Бензор ушли вместе с ним, а с магинями и хранительницей остался лишь Лаберт.

– Это тоже не случайно, – задумчиво произнесла Леа и взглянула на молодого мага. – У тебя есть бумага и стило? Сейчас напишешь пару указов, потом отвезем Миралину в Гардез и поедем проверить, чем занят градоначальник. Помнится мне, он всегда слишком преданно смотрел Кайору в рот.

– Если не дурак, то уже продал все дома и поместья и скачет из герцогства на самом быстром жеребце, – ехидно пробурчал маг, доставая из висящей через плечо сумки все необходимое. – А если еще сидит в кресле – мне его не жаль. А указы лучше писать в кабинете.

– Ты прав, – согласилась девушка и невесело вздохнула: – Но если сейчас выйти в зал, там обязательно окажется с десяток придворных, и придется потратить не менее пяти минут, чтобы выслушать их приветствия, пожелания, просьбы и намеки. Я начинаю очень хорошо понимать магов Гайртона, строящих себе дома подальше друг от друга.

Глава двенадцатая

Карета с гербами и развевающимися над крышей вымпелами вырвалась из ворот на центральную площадь. С любопытством рассматривая столицу через прикрытое лишь заклинанием окно, Леа отметила и чисто выметенные плиты, и политые клумбы возле выложенного драгоценным лазуритом бассейна, по праву считавшегося одним из главных чудес Югрета. Затем шел источник магии, мраморная набережная со светильниками из солнечного камня и занимающие целый квартал термы, куда поступала горячая вода из подземного родника.

В лазуритовом бассейне тоже бил ключ, но уже ледяной, приносящий из неведомых глубин вместе с обжигающей свежестью мириады колючих пузырьков, острыми иголочками впивающихся в язык и горло. Вкус вода имела чуть кисловатый и солоноватый, и главная ее ценность была в способности исцелять многие болезни. Гостей и купцов Брафорта раздражала лишь одна особенность этого чуда – целебные свойства эликсира действовали всего несколько минут после того, как он покидал бассейн. Никому и никакими ухищрениями не удавалось унести воду за пределы столицы – к этому моменту она превращалась в малопривлекательную мутную жидкость.

Однако здесь, на площади, можно было пить сколько угодно, и страждущих ожидали сотни прикованных цепочками кружек.

Кайоры попытались было навести здесь свои порядки и потерпели поражение. Как только прозвучал указ, что за воду нужно будет платить, родник иссяк, и через пару дней бассейн опустел. Не помогли ни знахарилосоходцы, ни маги, ни кузнецы, умевшие делать глубинные насосы. Вода ушла так далеко, что добраться до нее не было никакой возможности, зря только мостовую рядом с бассейном разобрали и выбили в скалистом основании глубокие шурфы.

– Это заклятие, – заявил прибывший по приглашению белый магистр, – и наложено оно древним мастером, в сотни раз более могущественным, чем мы. Он сделал все, чтобы горожане пили бесплатную воду, и изменить его волю не под силу никому. Если не хотите лишиться целебной воды – верните все на место и отмените указ.

Уступить неизвестному строителю бассейна обозленный правитель не пожелал, и несколько декад площадь украшали горы выломанного камня, пока не грянула беда. Вместе с жарой и перезрелыми фруктами в город

пришла эпидемия, и жители, привыкшие лечить подобные недуги чудесной водой, взбунтовались. Собрались на площади и, не обращая внимания на оцетинившихся копьями стражников, засыпали ямы и уложили плиты. Впрочем, воины махали оружием лишь для виду, от отсутствия целебного источника страдали и они сами, и их семьи.

До заката толпа стояла под воротами, изредка выкрикивая обращения и просьбы, и, судя по приготовленным узлам с провизией и разожженным кострам, расходиться не собиралась. А едва стемнело, на стену вышел младший писарь и скороговоркой протараторил новый указ, отменяющий плату за воду.

Никто не считал, сколько невыносимо долгих секунд или минут огромная толпа, сжимавшая в руках лопаты, молча стояла вокруг бассейна, с истовой верой всматриваясь в пыльное отверстие, откуда прежде была неиссякаемая струйка. И все же дождалась: шевельнулся вдруг сухой листок, поплыл по незаметной пока глазу воде.

Они так и стояли до глубокой ночи, с факелами и кирками, пока целительной влаги не набралось достаточно, чтобы можно было зачерпнуть. А потом, благоговейно набрав первую кружку, подали старенькому целителю, и он, осторожно и вдумчиво попробовав, уверенно подтвердил – да, это она. Сначала набирали в принесенные с собой в безумной надежде посудыны те, кого дома ждали страждущие, потом выпили и остальные.

А на рассвете рядом с воротами замка приоткрылась маленькая дверца, и оттуда выскользнул придворный лекарь с серебряным кубком в руках. Как выяснилось позже, холера не обошла и герцога, вынудив подписать ненавистный указ.

Больше никто из его потомков не пытался отменять старинных правил, зато научились издавать свои, каверзные и жестокие, год от года постепенно все более меняя жизнь свободной страны далеко не в лучшую сторону.

– Запиши, – обернулась герцогиня к секретарю. – «Возвести неподалеку от бассейна удобные беседки и скамьи». Сюда приходят больные и немощные, и им от клумб никакой пользы.

– Пожалуй, я поеду с вами в городскую управу, – решила вдруг Миралина. – У меня появилась пара вопросов к чиновникам.

Леаттия была только рада этому решению, и вскоре они оказались перед внушительным особняком, стоящим на центральной улице недалеко от главной площади.

Он был обнесен ажурной чугунной изгородью, а возле кованых ворот,

где из черного металлического кружева глядели на посетителей оскаленные пасти львов, стояли на карауле герцогские гвардейцы.

– Открывайте, – скомандовал им один из сидевших на облучке магов.

Выпустить хранительницу из дворца без усиленной охраны Эгрис отказался категорически.

– Управа еще закрыта, – узнав герцогскую карету, сообщил отчаянно побледневший воин.

– Ты не забыл, кому присягал? – выглянув из окна, с интересом осведомился Лаберт. – Или уже надоела гвардейская форма?

– Да мы ее теперь так и так лишимся, – убито пробурчал второй гвардеец, доставая из кармана ключи.

– С каких пор градоначальник командует армией? – прищурился секретарь.

– Мы из особого взвода, прикрепленного к управе и банку, – хмуро объяснил охранник, распахивая ворота. – И подписывали обязательство слушать только градоначальника.

– Как любопытно, – задумчиво произнесла Санди. – А мне поначалу показалось, мы зря тратим время и ничего интересного тут не увидим. Я вызываю мужа и Вельтона. Думаю, они тоже захотят ближе познакомиться с чиновниками.

– И пусть прихватят Рабольда, – решила Леаттия. – Мне не нравятся такие особые взводы.

– А мне не нравится защитная сеть, висящая на здании, – тихо буркнул Лаберт и неожиданно строго приказал: – Сидите в карете, пока я не разрешу выйти.

Распахнул дверцу и выпрыгнул на выложенную четким узором гранитную дорожку.

– Начинаю думать, не поторопилась ли, выбирая в секретари мага? Тем более мужчину, – с легкой усмешкой спросила сама у себя Леаттия.

– А я наоборот, – засмеялась вдруг Миралина, – удивляюсь, как точно ты угадала с этим назначением.

– Может быть, наконец начинают проявляться обещанные драконом черты характера? – подумав, неуверенно произнесла герцогиня и невесело вздохнула: – Не хотелось бы всю жизнь прожить доверчивой и наивной простушкой.

– С темными магами в советниках? – скептически фыркнула Санди. – Это просто невозможно.

Выглянула в окно, понаблюдала за Лабертом и вдруг решительно распахнула дверцу.

– Я теперь не слабее его.

– Еще Эгрису это скажи... – попыталась остановить ее Миралина, но магиня уже не слышала.

Стояла чуть позади секретаря и мягко водила руками, словно разматывала невидимую пряжу.

– Хотелось бы знать, – пробормотала Леаттия, – что они видят?

– Грязно-зеленую паутину, в которой висят бурые и черно-фиолетовые ягоды ловушек, – доложила целительница и задумчиво добавила: – И это не наши цвета и не белых. Да и метод не наш. Мы не вешаем в защитные плетения смертельные и ядовитые заклятия. На всякий случай, чтобы нечаянно не пострадал какой-нибудь любопытный подросток с недавно проснувшимся даром. Но сюда такие и близко подойти не могут, значит, сеть сразу ставилась не на них, а на тех же гвардейцев. Вдруг найдется кто-то любознательный, хотя не могу даже предположить, что можно отыскать в таком месте? Золота тут быть не должно, запаса амулетов – тоже. Отчеты и жалобы... хотя, насколько мне помнится, градоначальники очень не любят, когда возле их кабинетов толпится простой люд. Чаще всего назначают для приема жалоб особые дни, и сажают чиновников где-нибудь в шатре возле рынка или выкупают для них зал харчевни.

– А этот дом тогда для чего? – Леа с интересом рассматривала внушительный двухэтажный особняк, сверкающий стрельчатыми окнами, до половины забранными изящными решетками.

– Тут они работают, – с невольным ехидством усмехнулась целительница. – Устраивают собрания, совещания, торжественные открытия памятников и прочее. Но, думаю, ты и сама все поймешь, когда попадешь внутрь.

– Боюсь, это будет не так скоро, как мне казалось, – едва успела выговорить герцогиня, как неподалеку раздался возмущенный вопль:

– Это еще что такое? Охрана! Измена! Финг! Взять их всех! В подвал!

Герцогиня рванулась к дверце, но выйти не успела.

– Тсс, – едва слышно зашипела целительница, схватив ее за руку. – Молчи, девочка! Он нас не видит, я отвод глаз держу! Сейчас Эгрис прибудет... а вот и он.

Однако отпустить Леаттию она пока не собиралась, да та и сама раздумала. Смотрела в окно на развертывающееся действие и с огорчением думала, как глубоко, оказывается, пустила корни гниль, посеянная самовлюбленной властью Кайоров.

– Лейтенант Финглер Поттес, – холодно скомандовал четкий голос генерала Рабольда, – доложите, что происходит.

– Известные злоумышленники проникли на охраняемый моими гвардейцами объект, – уверенно сообщил рослый и упитанный офицер, – а охранники не предприняли мер по задержанию. Они будут немедленно отправлены в карцер.

– Стоять! – рыкнул Эгрис. – Сначала поясните, кого вы называете неизвестными злоумышленниками?

– Нас, господин главный придворный магистр, – распахивая дверцу, кротко пропела Миралина, – ее светлость герцогиню Леаттию Брафорт и сопровождающую ее свиту.

– Где тут герцогиня? – пренебрежительно фыркнул, нехотя оглянувшись, дородный мужчина в роскошном модном костюме и осекся, разглядев, как из кареты, опираясь на руку Вельтона, выходит так хорошо знакомая ему невеста бывшего правителя, в одночасье ставшая правительницей.

– Вижу, вы меня узнали, господин Бертоме, – холодно обронила Леа. – Тогда ответьте на один вопрос – почему городская управа до сих пор не работает?

– У нас расписание, – быстро сориентировался он, склоняясь в преувеличенно подобострастном поклоне. – Чиновники откроют в одиннадцать, мои заместители – в два часа.

– А если у горожан раньше появятся вопросы?

– Для жалоб и прошений назначен приемный день, – широким жестом приглашая правительницу пройти в здание, учтиво пояснял градоначальник. – В харчевне «Южный ветер». Там простолюдинам привычнее.

– Как часто? – поинтересовался Вельтон.

– Раз в декаду, так для всех лучше, – неохотно просветил его Бертоме и снова засиял приветливой улыбкой. – Но почему мы тут стоим? Прошу вас, ваша светлость, у меня в кабинете поговорить будет удобнее.

– Сначала мы закончим, – предупредил Леаттию вставший рядом с женой глава гильдии.

– Простите, не понял?

– Снимут напутанную черным магом защиту, – с усмешкой пояснил Вельтон, словно не замечая, как резко побледнел градоначальник, – тогда и пойдем в дом.

– Так мы же раньше ходили... – еще пытался выпутаться Бертоме, но дрожащие руки и забегавшие глаза выдали его с потрохами.

– Значит, на вас были надеты амулеты или кто-то входил первым и отключал защиту, – продолжал просвещать герцогиню главный прокурор,

лениво рассматривая градоначальника. – Да вот они!

Глухо звякнув, сам расстегнулся пояс застывшего статуей чиновника, выскользнули змеей из-за пазухи связки оберегов, ключей и амулетов. И послушно, как ручные птички, перелетели в руки Вельтона.

– Чтоб вас всех разорвало, прокля... – Договорить Бертоме не успел, Вель пренебрежительным взглядом запечатал ему рот.

– А вот это уже отягчающее обстоятельство – угрозы и оскорбление законной правительницы и ее советников при исполнении ими служебного долга, – сообщил прокурор, пряча свои трофеи в серую суму, какие всегда имели при себе темные маги.

– Мы закончили, ваша светлость, – оглянулся Эгрис.

Вельтон немедленно оказался рядом с хранительницей, учтиво подал руку и повел к особняку, радушно распахнувшему все двери.

– Не могу понять, – огорченно бормотала она, поднимаясь по ступеням, – зачем ему все это было нужно? Какая-то неправильная защита, это странное поведение...

– А вот мы сейчас его самого и спросим – ухмылка прокурора на миг стала острым кинжальным лезвием, – какие ценности и тайны он тут хранил и почему так боялся, что они откроются. Прошу!

Судя по убранству, комната, в которую маг распахнул двери, была залом для приема знатных гостей. Массивные кресла перемежались низкими столиками, посередине лежал толстый ковер, с потолка свисала люстра с магическими светильниками, большая ценность для герцогства, в котором много лет не было мощного источника. Хотя магия все же была: на северном берегу Галао, в Саройском герцогстве, бил слабый родник, и такой же находился в Харказских горах недалеко от стоящего почти на границе трех стран Рахарга. Вот там маги темной гильдии и заряжали камни и пирамидки, которые потом продавали в Югрете.

– Посади подозреваемого в том углу, – оглядевшись,скомандовал Вельтону глава гильдии и, устраивая жену рядом с герцогиней, буркнул: – В следующий раз, собираясь погулять, сразу берите всех нас с собой. Вы умеете очень ловко находить жирную добычу.

– Мы не нарочно, – огрызнулась Леаттия, поглядывая на Бертоме, втиснутого за конторку, предназначенную для писаря. – Хотя я и знала, что он мало заботится об удобстве горожан, но не могла и подумать, чем обернется проверка.

– Думаю, он нас еще удивит. – Поцеловав руку Ирсаны, Эгрис направился к градоначальнику и, встав перед ним, сделал неумовимое движение рукой. – А теперь ты расскажешь нам честно, как самому себе,

что прячешь в этом здании, какие дела обстряпывал, прикрываясь высоким чином, и какие законы нарушал ради своей выгоды. Говори по существу, не мямли и не увиливай.

Бертومه бледнел, краснел, скрипел зубами и кусал губы, пытаясь смолчать или хоть что-либо пропустить, но брошенное на него заклинание и точный приказ не позволяли городскому главе утаить ни малейшей подробности своих преступлений.

А их на его совести оказалось намного больше, чем известных Леаттии способов нечестно набивать карманы. Градоначальник нагло обманывал не только герцога, утаивая от казны значительную часть собранных налогов. Он еще и брал огромные взятки за самые различные услуги – от мошенничества с городской землей, по старинному закону принадлежавшей только герцогу, до пособничества контрабандистам и хозяевам игорных заведений и домов свиданий. Ему платили все, и за годы службы он накопил огромное богатство, лишь немногим уступавшее казне Кайора. И основные сокровища хранил в подвалах своего дома и управы, справедливо полагая, что в черный час взять из банка ничего не удастся. Потому и не поскупился, заплатил полновесным золотом черному магу за защиту, которая в крайнем случае могла мгновенно убить всех, кто окажется в особняке, давая ему возможность через тайный ход забрать награбленные богатства, переведенные в драгоценности и слитки.

Не скупился он и на щедрые подачки старшим чиновникам и командиру охраны, искренне надеясь, что в трудный момент они хоть ненадолго прикроют великодушного покровителя, позволив ему выгадать несколько минут для побега.

– В тюрьму их, – распорядился Эгрис и сам открыл магам портал.

Только для того, чтобы не спугнуть тех, чьи имена называл бывший глава города, рассказывая о примитивно наглых способах сбора взяток, которые Бертومه, не отличаясь от других мздоимцев оригинальностью, предпочитал плутовато называть подарками.

– Золото вы и без нас посчитаете, а мы едем обедать в Гардез, – решительно заявила Миралина после исчезновения преступников. – Женщинам вредно получать столько неприятных новостей. Мы все-таки существа нежные.

– У меня теперь голова пухнет, как представляю, сколько пакостей наворотил один ворюга, – поднимаясь с кресла, вздохнула Леаттия. – Хорошо хоть успели его поймать. Никто не придумал, как будем разбираться с его семьей?

– В Банлее в таких случаях поступают просто, – доложил мрачный

генерал, болезненно воспринявший продажность своего подчиненного. – Жене возвращают ее приданое и позволяют взять одежду и личные вещи, кроме драгоценностей. А детям дают возможность бесплатно учиться, если у матери не хватает приданого на безбедную жизнь. Но отпрыскам Бертоме это не грозит, он женился ради выгоды.

– Тогда и мы так поступим. Отправляйте отряды гвардейцев во все его поместья и дома и прихватите по парочке магов, – принял решение Эгрис и подал руку жене. – Проводим вас и начнем отправлять деньги. Я намерен перенести все порталом ради безопасности и спокойствия горожан. Кстати, не успел предупредить, получено сообщение: сегодня к ужину придут первые послы.

– Только их нам и не хватало, – вновь вздохнула Леаттия, подавая руку вызванному главой Бензору. – Я еще не успела изучить церемониал встречи.

– Для облегчения жизни могу посоветовать простой способ, – подмигнул казначей. – Не учить никаких ритуалов и вести себя как можно свободнее. Все равно найдутся ревнителю, которым что-то покажется неправильным, зато жить намного приятнее.

– В этом совете что-то есть, – улыбнулась герцогиня. – Думаю, я так и поступлю.

А уже сидя в карете, вдруг ойкнула и выглянула в окошко, с тревогой рассматривая вставший на горизонте столб то ли пыли, то ли дыма.

– Это еще что такое?

– Это Джар, – пояснила Ирсана. – Очищает смерчами дно будущего канала. Тогда расплавленный огненной магией песок намертво зальет даже малейшие трещинки, и вода дойдет до города, не потеряв ни капли.

– Вот у кого интересная работа, – позавидовала Леа. – А мы вынуждены допрашивать жуликов.

Знакомый двор родного замка показался девушке чужим, непривычно оживленным и немножко деревенским. По чисто выметенным плитам бегали одетые в новенькие штаны малыши, а присматривающая за ними женщина средних лет развешивала на длинной веревке нескончаемую вереницу маленьких рубашечек, подштанников и прочих детских одежек.

– Нужен указ, – выходя из кареты, заявила Миралина, – запрещающий усыновлять сирот, которые работают на приемных родителей целыми днями.

– Сделаем проще, – многообещающе усмехнулась герцогиня. – Завтра с утра соберем всех магов и возьмем у Рабольда гвардейцев. Я хочу

устроить проверку всем таким хитрецам. И тем, кто пытается меня обманывать, придется заплатить большой штраф и расстаться с бесплатными рабами.

– Боюсь, этот план невыполним, – фыркнула Санди. – С утра тебе придется занимать гостей, ведь они проделали такой путь вовсе не ради знакомства с придворными прелестницами. Миралина, я не могу понять, откуда у вас столько ношенных детских вещей? Обычно сироты и беспризорники попадают в приют без запасных рубашечек.

– Это я вчера разослала письма своим бывшим пациенткам, – отозвалась целительница, подхватывая на руки худенького малыша. – И сегодня начали поступать посылки с уже ненужными им вещичками. Мои помощники их споласкивают и сортируют, детям требуется много одежды, они быстро пачкаются. Но покупать новое накладно, еще быстрее они растут. Ты кушать хочешь, рыжик?

Последние слова относились к съезжившемуся у нее на руках мальчишке лет двух.

– Он не умеет говорить? – озабоченно заглянула в испуганное личико Леа. – Или болен?

– Просто забит, – негромко пояснила Миралина. – Его привела старшая сестра, у нее еще двое братьев. Заурядная история. Мать умерла, когда рожала этого рыжика, а через год отец привел в дом новую жену. Старших детей она отправляет работать, и они стараются под руку мачехе не попадаться, а на этом вымещает свое зло.

– Как можно ее наказать? – гневно стиснула губы герцогиня.

– Я собираюсь забрать сюда всех остальных его братьев и девочку, ничего хорошего детей там не ждет, – вздохнула целительница. – Но мне нужно обдумать, как написать указ. Могу, конечно, забрать и без указа, но не хочется потом тратить время на стряпчих и судей.

– Я выдам тебе несколько листов бумаги со своей подписью, – оглянувшись на деликатно отставшего Лаберта, постановила герцогиня. – Как придумаешь указ, напишешь сама. Так чтобы и в следующий раз можно было на него сослаться.

И решительно распахнула входную дверь дома, с которым всего луну назад распрощалась навсегда.

Здесь тоже всюду чувствовалось вмешательство чужих рук, переделывающих далеко не роскошный дворец под вкусы и нужды новых обитателей, но Леаттию это ничуть не задело и не обидело. Наоборот, приятно было видеть, что стены, столько лет служившие ей и ее предкам, не ветшают и не пылятся бесцельно, а согреты теплом и любовью щедрых

на сострадание душ.

По уже готовым комнатам бродили с тряпками и вениками дети постарше, взиравшие на каменные колонны и дубовые лестницы еще ошеломленно и недоверчиво, но уже без опаски.

– Когда к обеду звонить? – выскочила им навстречу шустрая девушка в светлой косынке, повязанной особым способом, с кокетливым бантиком на виске.

– Звони прямо сейчас, – скомандовала новая хозяйка замка. – Дети у нас изголодавшиеся, нужно кормить почаще. Но не перекармливать, старайся третий раз добавку не давать. Лучше через часок выдай по пирожку.

По залу поплыл задорный звон медного колокола, появившегося рядом с дверью в большую трапезную, отозвался эхом под сводами и перерос в нетерпеливый топот маленьких ног.

Дети оказались очень сообразительными, им хватило всего пары раз, чтобы понять – этот звон предвещает не беду, а, напротив, неведомое им до сих пор, прекрасное чудо. Добрых женщин в белых фартуках с половниками в руках, выдающих каждому миски с необыкновенно вкусным супом и кашей с мясом.

Леа постояла с полминуты в дверях столовой, наблюдая, какими сосредоточенными взглядами провожают детские глазенки каждую поварешку еды, и, резко отвернувшись, пошла умываться. Она вдруг с невероятной отчетливостью осознала, насколько невыполнимо было ее намерение пообедать с ними за одним столом. Да она даже ложку супа не смогла бы проглотить под этими откровенными, по-волчьи голодными взорами.

– Вот и я пока не могу есть рядом с ними, да и девочки тоже, – понимающе кивнула Миралина, когда Леаттия предложила перекусить в ее кабинете. – Надеюсь, это ненадолго. Дети быстро забудут плохое – и голод, и грязь, и побои. Особенно маленькие. Вот я тут подумала и решила пустить слух, что сюда берут на работу одиноких женщин с детьми. Конечно, можно бы и объявления написать, да многие из них читать не умеют. Даже не смотрят никогда в сторону всяких вывесок, знают – это не для них. Поэтому пошлю после обеда девчонок по лавкам и на рынок, да и в пару самых дешевых харчевен пусть заглянут. Ну и на пристань.

– Миралина, а не опасно им ходить без охраны на пристань? Там все-таки матросы и всякие темные личности отираются, я не успела Рабольду сказать, чтобы направил туда охрану. Можно поставить будку для гвардейцев... хотя ему виднее.

– Леа, – целительница мягко накрыла ее руку твердой ладонью, – не обидишься за совет? Ты идешь верным путем, но не нужно все делать самой. Иначе народ очень скоро начнет считать твоих советников никчемными неумехами, ни на что не способными без помощи женщины. И не важно, что эта женщина – хранительница и ей подсказывает правильные решения мудрый дракон. Всем ведь этого не объяснишь? Твои советники – умные, опытные и решительные мужчины, но почти все – темные маги. И хотя они отлично знают цену слухам и придворному злословию, но и им будет очень неприятно слышать о себе подобное мнение.

– Светлые духи! – огорченно охнула Леаттия, услышав в совете целительницы отзвук материнского предостережения. – Ты совершенно права... Жаль, я сразу не подумала об этом. Так хотелось побыстрее исправить ошибки Кайоров, помочь своему народу. Да и нельзя ведь все время сидеть в кабинете?

– Нельзя, – подтвердила Миралина. – Но вначале придется. Первые шаги любого правителя – всегда самые трудные, и именно по ним будут потом его судить. Понадобится много лет, чтобы забылись невинные ошибки и промахи, поэтому лучше постараться их не совершать. И почаще советуйся с Эгрисом и Арвилесом, ну и с нами на крайний случай. Просто поверь, мы желаем тебе только добра.

– Да я знаю, – благодарно улыбнулась хранительница, – не сомневайтесь. Но столько всего навалилось, еще и мошенники всякие... даже не представляю, сколько понадобится сил, чтобы всех выловить.

– Мне кажется, не так уж их много, – задумчиво проговорила Ирсана, отставляя пустую тарелку. – И кроме того, все очень ушлые и осторожные. Как только узнают, что ты сняла градоначальника, сами сбегут либо притаятся. Я о другом думаю – где найти честного чиновника на его место? Мага назначать не стоит, судя по записке жреца, народ и так беспокоится. Мне припомнилось, как находят старост в наших городках и деревнях. Собирают народ и пускают по кругу шапку, куда каждый бросает написанное на клочке бумаги имя. Народ редко ошибается, да и честных людей обычно все знают. Можно устроить над Бертоме открытый суд и сразу предложить горожанам выбрать своего человека.

– Во всех случаях стоит испытать этот способ, – поддержала ее Миралина. – И для верности дать выбранному главе в помощники молодого мага. Пусть горожане привыкают жить рядом с нами. Ведь Эгрис теперь отсюда не уйдет, как я понимаю.

– Не должен, – лукаво засмеялась герцогиня. – И могу сказать вам по

секрету, это не только его и мое желание.

– Все понятно, – пробормотала Ирсана, – дракон старается защитить тебя понадежнее. Но я только рада, от этого всем лишь выгода.

Глава тринадцатая

Первые послы прибыли за час до ужина, и Леаттия, успевшая проверить, как советует поступать в таких случаях этикет, встречать их не вышла. Отправила Лаберта, но не выдержала и проследила за приездом гостей с прикрытого густым плющом балкона.

Несмотря на дальнюю дорогу и скорость, с которой примчались в герцогство банлейцы, выглядели они довольно бодрыми и свежими. Сапоги сияли начищенными пряжками, да и одежда не была похожа на ту, в какой скакали не один десяток лиг.

– Наверняка пришли порталом в какое-нибудь загородное поместье, – просветила подопечную замершая рядом Ирсана. – Живет тут несколько знатных семей из Банлеи и Дагора. Из тех, кому когда-то дороги родины жгли пятки, а теперь внуки и сами возвращаться не хотят.

– А чем они у нас живут? – заинтересовалась Леа, опознав по цветам и вымпелам принца, хотя пока непонятно, какого именно.

У Густииана Тилиреда трое сыновей от законной жены и еще парочка бастардов, которых он поселил не при дворце, а в крепости поблизости от столицы. Леаттии было не важно, кого из них она встретит за ужином, но выбор короля говорил о его отношении к новоявленной герцогине.

– Все по-разному, но большинство – на проценты с золота, положенного в банк. Да и драгоценности банкиры брать не гнушаются, оценивают в монетах и тоже платят процент. Под залог камней банк любой страны дает ссуду беспрекословно. – Ирсана дождалась, пока Лаберт, с холодной учтивостью раскланявшийся с гостями, показывая дорогу, первым войдет во дворец, и настойчиво позвала: – Идем, у тебя мало времени. Нужно спуститься в гостиную хотя бы за четверть часа до ужина. Гости тоже придут пораньше и по этикету должны принести дары и грамоты.

– В такие минуты я жалею, что у меня нет сестры-близнеца, которая любезничала бы с гостями и отвечала на избитые шутки, – ворчала Леа по пути в свои покои.

– Я знаю, кто тебе так сильно испортил сегодня настроение, – вздохнула Санди. – Вор Бертоме. Но он уже в тюрьме, и о нем можно забыть, как о Кайоре. Теперь наступило время радоваться, встречать гостей, получать подарки и комплименты, цветы и приглашения на прогулку.

– И где я буду гулять? – мрачно поинтересовалась Леаттия, распахивая

двери будуара. – Вокруг фонтана? Или пойду в самую заросшую беседку на радость всем придворным сплетницам?

– Тут тебе позволено выбирать самой, – хитро усмехнулась бывшая травница. – Или вокруг фонтана вдвоем с принцем, или в беседку, но уже вместе со мной.

– Веселишься? – перебирая платье, обиженно вздохнула герцогиня. – А сама так и не научила меня, как быстро и точно определить, нужен мне этот принц или пусть гуляет по беседкам один!

– Этому научить невозможно, хотя я сомневаюсь, что такой способ вообще существует. Вот послушай меня, пока ты выбираешь платье, расскажу один случай. Жила в одной деревушке девушка, не особая красавица, но и не уродка, хорошая хозяйка и приданое неплохое. И познакомилась она на ярмарке с молодым столяром из соседнего городка. Вскоре он заслал сватов, и сладилась свадьба. Вот на этой самой свадьбе, уже обменявшись браслетами и получив все поздравления, сели они за стол, а рядом друг жениха и подружка невесты. Обычай такой. В общем, все ели, пили, веселились, и никто не заметил, когда та подружка ушла из-за стола. Чуть позже отправился проветриться и жених. И оба исчезли. Объявились только через месяц, прислали письмо из Югрета с просьбой простить и не искать. А потом жрец принес безутешной невесте ее браслет и известие, что союз расторгнут как несостоявшийся. Ну а я их случайно обнаружила, когда уже сама в Югрете жила, роды принимать позвали. И если до этого я ту подружку-разлучницу осуждала, то поглядев, как он с ней носит, словно с бесценным сокровищем, и с какой любовью она на него смотрит, поняла, как не права была. Она не чужого жениха увела, а свое случайно заплутавшее счастье отыскать и не потерять сумела.

Леаттия слушала ее молча и пыталась примерить к себе чужой поступок, понять, смогла бы она сама вот так уйти в никуда с мужчиной, только что клявшимся ее подруге и тут же забывшим свои собственные обещания. Или хотя бы отважиться с ним поговорить, выслушать крамольное предложение. И с огорчением понимала, что, скорее всего, отказалась бы, постеснявшись причинить невесте боль, расстроить гостей и родных.

– И знаешь, – понаблюдав за ней, с внезапной горечью добавила Ирсана, – я много об этом думала и очень жалела, что я не такая смелая. Иначе дерзнула бы сама пойти к Эгрису, поговорить начистоту. А когда он меня нашел, снова начала сомневаться, и только теперь отчетливо понимаю, что все это было неспроста. Это не коварная судьба нас сталкивала и снова разводила, не разлучница мешала быть счастливыми.

Это мы сами не сразу себя поняли, не поверили безоговорочно своему сердцу, всё сомневались и обижались, не решаясь первыми сделать шаг к любимому. Тогда как нужно было вцепиться в своего человека, как в последний обломок лодки, и не отпускать, не отдавать ни штормам, ни грозам. Увы, для этого нужно созреть, а это у всех по-разному.

– Санди, – пробормотала герцогиня, застегивая крючочки на поясе нежно-голубого платья, – ты меня совсем запутала. Хотя одно я знаю теперь наверняка: если вдруг начну сомневаться в своих чувствах или в чувствах принца, позову тебя и Миралину, и вы мне все объясните. Вам я верю.

– Ну, можно и так, – ошеломленно выдохнула магиня и лукаво предложила: – Хотя я знаю более надежный способ: пусть Эгрис кастует на твоего принца заклинание правды. Тот сам сразу расскажет, любит он тебя или просто хочет быть герцогом.

– Вот ты думаешь, будто шутишь, – Леаттия уселась перед зеркалом, позволив молчаливой горничной сделать прическу, – а мне эта мысль пришла в голову первой, как только я узнала про гостей. И глупой я ее вовсе не нахожу.

– Я тоже, – печально согласилась Ирсана. – Но к любви такой способ не имеет никакого отношения.

В дверь небрежно стукнули, и на пороге появился Лаберт.

Оглядел всех странно задумчивым взглядом, кивком головы выставил из комнаты служанку и сел к столу. Раскрыл принесенную с собой кожаную папку с золотыми пряжками, переложил несколько бумажек и объявил:

– К нам прибыл второй сын Тилиреда, Вимбольд. Ему двадцать восемь лет, был обручен с дагорской принцессой, но прошлой осенью она вернула браслет и вышла замуж за племянника гестонского короля.

– Почему? – осторожно осведомилась Ирсана.

– Слухи разные, а народу, как вы сами понимаете, объяснять ничего не стали, принцы перед чернью не отчитываются, – мимолетно ухмыльнулся Лаберт. – Но все сходятся на том, что невесте кто-то открыл глаза на бурные шалости Вимбольда.

– И из-за этого она отказалась от союза с Банлеей? – с сомнением глянула на наставницу герцогиня, зная, как мало значения придают подобным недостаткам завидных женихов из семей повелителей знатные невесты и главное – их родители.

Никто не склонен вспоминать каких-то любовниц, если речь идет о союзе двух сильных держав.

– Гизелла Деосвит славится не только миленьким личиком и золотыми

локонами, – внешне безразлично сообщил Лаберт, однако его губы дрогнули от едва сдерживаемой усмешки, – но и невероятным упорством. Выдать ее замуж против воли никто даже не пытался.

– Завидую ей, – сухо вато отозвалась Леаттия, – но я такой, определенно полезной, чертой характера не обладаю. И все пять лет, пока числилась невестой Кайора, знала про его фавориток. Поэтому и Вимбольду заранее прощаю его прежних нимф и судить о том, подходит ли он мне, буду по другим критериям.

– Тогда позвольте проводить вас в гостиную, – немедленно вскочил и подобострастно вытянулся секретарь.

– Лаберт? – растерялась Леаттия, глядя на отстраненное лицо мага, на его сузившиеся глаза и плотно сжатые губы. – Я тебя чем-то обидела? Почему ты вдруг начал разговаривать со мной таким тоном?

– Извините, ваша светлость, виноват. Постараюсь больше не огорчать.

Молодой маг был безукоризненно учтив, но Леа не умом, а каким-то неведомым чувством понимала, насколько сильно он зол и оскорблен.

– Садись, – приказала она, указывая на стул, – и объясняй, в чем дело. Пока я этого не узнаю, никто из нас никуда не пойдет.

– Ни в чем, – нехотя выдал секретарь. – Все хорошо.

– Я еще не слепая, – заявила в ответ герцогиня и упрямо поджала губы, – и прекрасно вижу, когда мне лгут. Причем с каждым днем все лучше.

– Я могу попытаться угадать, – задумчиво предложила Санди, но Лаберт глянул на нее так свирепо, что магиня мигом прикусила язык.

– Не нужно, – заметила этот взгляд Леаттия. – Не хочу, чтобы и ты стала ему врагом. Хватит и того, что я чем-то обидела своего секретаря. Хотя клянусь памятью родителей, даже в мыслях ничего подобного не держала. Но во всех случаях, думаю, мне лучше сразу попросить прощения, ведь не важно, было изначально намерение ударить или нет, если человеку стало больно. Извини меня, Лаберт, это произошло случайно.

– Я не за себя, – явно делая над собой усилие и глядя в сторону, проскрежетал маг. – Просто непонятно, чем этот распутный принц так очаровал вашу светлость.

– Пока ничем, – растерялась Леаттия, не понимая причины его злости. – Я ведь еще не знакома с Вимбольдом, даже на портретах его никогда не видела.

– Вот я и не понимаю, – мрачно усмехнулся маг, – как можно согласиться на помолвку, даже не познакомившись?

– Да с чего ты взял, что я с ним помолвлена? – поразилась она.

– Сам их встречал, – в голосе Лаберта слышался горький укор, – они прямо сказали – жених ее светлости.

– Тилиред подсуетился, – моментально сообразила Санди и сердито уставилась на секретаря. – А ты сначала этикет почитай, умник, потом обижайся. Их сейчас со всех стран толпы понаедут – принцев, герцогов да ханычей. И все будут представляться женихами. Закон такой. К королевам или герцогиням не приезжают просто познакомиться или присмотреться, о таких важных невестах все выясняют заранее и решение принимают еще дома. Потому-то сразу и объявляют о серьезности своих намерений, иначе можно остаться с носом.

– Я не знал, – на миг опешил маг, но тут же с досадой проворчал: – Но никогда не верю, будто они в чем-то лучше Сейна или Одерза. Или самого мастера Арвиса.

– Наверняка не лучше, – мягко улыбнулась ему Санди, считавшая точно так же, – но все дело в том, что ее светлость ищет не лучшего жениха, а любимого. А это далеко не всегда совпадает, к сожалению.

– Уже заметил, – буркнул Лаберт.

– На Кайора намекаешь? – искоса поглядывая на помрачневшую хранительницу, нахмурилась Санди. – Так я тебе открою тайну как личному секретарю, чтобы в следующий раз делал верные выводы. Леаттию за ту помолвку винить нельзя. Ей было пятнадцать, когда Манрех надел браслет покорности, зачарованный черным магом, и чем-то так припугнул ее родителей, что они и слова сказать не смели. И даже Эгрису не верили до конца, заключая контракт.

– Темная сила, – ошеломленно пробормотал секретарь и прикусил губу, – а мы-то гадали...

– Пусть они и дальше гадают! – строго прикрикнула магиня. – Тебе никто не давал права рассказывать чужие тайны.

– Мне иногда хочется, – с кривой гримаской выдохнула Леа, – объявить об этом на рыночной площади. Пусть меня все жалеют.

Помолчала, глядя мимо виновато прятывшего взгляд мага, потом хмуро усмехнулась и встала.

– Предложи мне руку, Лаберт, нам пора идти.

– Одну минуту, – остановила хранительницу Ирсана. – Без свиты тебе идти нельзя.

– И где ее взять?

– Сидят в гостиной, неподалеку, я велела ждать, – объяснила магиня и со вздохом пояснила: – Придется меня временно назначить главной статс-

дамой. Больше пока некого. Но сообщить им об этом ты должна лично.

– Спасибо, – догадавшись, что Эгрис наверняка не одобрит новую должность жены, благодарно улыбнулась ей Леаттия и оглянулась на Лаберта, уже сообразительно достававшего из своей неизменной сумки листы бумаги, украшенные фамильными вензелями.

А еще через пять минут дворецкий предупредительно распахнул перед герцогиней во всю ширь двери в просторную гостиную, где томились в ожидании полтора десятка придворных прелестниц.

– Ее светлость Леаттия Брафорт! – зычно объявил он, и дамы поспешно вскочили со своих мест, склонившись в глубоких реверансах.

– У меня для вас важное сообщение, – окинув их взглядом, заявила Леа, стараясь говорить как можно строже. – Бывшая статс-дама Жалойна за непочтительность и интриги лишена всех званий и привилегий и ожидает окончательного приговора. Главной статс-дамой назначена моя советница госпожа Ирсана, и исполнять ее указания вы обязаны неукоснительно. Если кто-то с этим не согласен или не чувствует себя готовой следовать строгим правилам, может немедленно покинуть дворец. А теперь внимательно выслушайте госпожу Ирсану.

– Вы должны запомнить главное, – выждав, не ринется ли кто прочь, с легкой угрозой произнесла магиня. – Во дворце произошли очень серьезные перемены, и больше ничего не будет как прежде. При Кайоре вы были лишь украшением вроде цветов в вазах, и никого не волновали ваши интриги и любовные похождения. Теперь хозяйка дворца – незамужняя герцогиня, и любая фривольность с вашей стороны, не важно, в наряде или в поведении, бросит тень на ее светлость. Поэтому все вы получите особые, неснимаемые амулеты и будете с позором выставлены из дворца за любое нарушение правил. А теперь поправьте прически, подтяните декольте и следуйте за нами, ее светлость ожидает принц Вимбольд.

Перед лестницей к растянувшейся процессии присоединились Эгрис и Бензор, решительно перехвативший у Лаберта руку хранительницы.

– Дверь к источнику еще заперта? – тихо осведомился он, учтиво спускаясь по лестнице на шаг впереди Леаттии.

– Должна открыться к ночи, – пообещала она. – После ужина соберемся в моем личном кабинете.

Маг понимающе кивнул и остановился, пропуская герцогиню вперед.

– Ее светлость Леаттия Брафорт, – гордо возвестил успевший опередить их дворецкий. Помолчал пару секунд и чуть тише представил: – Вимбольд Тилиред, принц Банлейский.

– Счастлив засвидетельствовать вашей светлости свое почтение, –

шатен среднего роста с породистым лицом и бледно-голубыми глазами лучился приветливой улыбкой, – и прошу в честь нашего знакомства принять эти скромные дары.

Из-за его спины выступили четверо стройных адъютантов, несущих подносы, уставленные шкатулками, изготовленными из различного материала. Самые маленькие были золотыми, усыпанными драгоценными камнями и жемчугом, средние – с невероятным мастерством вырезаны из ценного дерева либо из редких минералов, большие – серебряными, щедро украшенными затейливыми узорами, позолотой, чернью и финифтью.

Герцогиня прекрасно знала, что в таких случаях положено смотреть подарки сразу, но вовсе не желала стоять навтыяжку не менее получаса. И пока к ней чинно приближались щеголеватые банлейцы, Леа лихорадочно пыталась придумать, как этого избежать.

Однако ни одного подходящего способа так и не нашла и уже обреченно приготовилась разглядывать броши и диадемы, но рядом с принцем внезапно возник ее учитель.

– Ее светлость благодарит ваше высочество за прекрасные дары, – твердо провозгласил необычайно нарядный и тщательно причесанный Арвилес, – и приглашает всех к столу. После дороги вы, несомненно, не откажетесь выпить брафортских вин и утолить голод блюдами, приготовленными лучшими поварами. А подарки за это время разложат в приемном зале в специальные витрины, чтобы после ужина все могли ими полюбоваться.

– Благодарю, – мгновенно согласился Вимбольд, решительно шагнул к Леаттии и с чарующей улыбкой протянул руку. – Позвольте вас проводить, ваша светлость?

– Пожалуйста. – Любезно улыбаясь в ответ, Леа положила затянутые в перчатку пальцы на его ладонь.

А пока шла к столовой и занимала свое место, поглядывая, как напротив уверенно усаживается принц, пыталась представить себе ближайшее будущее, когда такие галантные красавцы в ее дворце будут встречаться на каждом шагу. И понемногу начинала понимать, о чем сегодня пытался сказать ей Лаберт.

Вимбольд оказался знатоком южной кухни и дорогих, выдержанных вин, любезным сотрапезником и прекрасным собеседником. Остроумным, неназойливым и осведомленным буквально обо всех последних новостях соседних стран. И не стеснялся над ними подтрунивать, причем весьма метко, но без явной злобы.

Леаттия смеялась над тонкими шутками, улыбались и старшие

магистры, даже не пытавшиеся вступить в разговор. Ну а придворные дамы, покрасневшие от внимания, которое принц умудрился уделить всем, смотрели на него откровенно влюбленными глазами и наверняка яро завидовали своей повелительнице.

Но она ничего не замечала, впервые за последние годы вдруг почувствовав себя окончательно свободной и имеющей полное право жить так, как ей заблагорассудится.

– Десерт подан, – оповестил дворецкий, и хранительнице показалось, что ужин закончился как-то слишком быстро.

Однако, помня об ожидающих ее делах, спорить не стала, первой поднялась из-за стола и направилась к двери, непонятно когда успевшей появиться позади ее кресла.

И лишь очутившись в небольшой гостиной, девушка обнаружила, что вместе с ней сюда пришла только Ирсана.

– А где все остальные?

– Отправились кушать десерт в обществе принца, – безмятежно сообщила магиня, устраиваясь возле стола. – Тебе холодный взвар или горячий?

– А почему они вдруг решили изменить своим правилам? – подозрительно уставилась на нее герцогиня, чувствуя подвох.

– Но ведь это правила на обычное время, а сейчас у нас особое положение. Не оставлять же его наедине с придворными господами? – рассудительно отметила Санди. – Во-первых, он может обидеться, а во-вторых, нужно разобраться, что за артефакт принц носит на груди. Даже я прониклась к нему горячей симпатией, хотя у темных магов осмотрительность и недоверчивость в крови. А уж про несчастных фрейлин и говорить нечего. Ты не заметила, как насторожился Эгри? Думаю, Вимбольд твердо решил стать герцогом Брафортским.

– Почему-то я ничего особого не заметила, – задумчиво буркнула Леаттия и наконец присела напротив советницы. – Просто веселый и остроумный мужчина. Давно я так не смеялась.

– Вот именно, – с сочувствием глянула на нее Санди, – и я очень рада, что ты немного развеялась, молодой девушке несвойственно все время думать о делах, ворах и интригах.

– А вы не могли ошибиться? – Хорошее настроение постепенно угасало, как костер под дождем, оставляя ощущение неприятной усталости и пустоты.

– Могли. Потому Эгри сейчас и проверяет. Хотя такие амулеты и не запрещены законом, но обычно они значительно слабее и пользуются ими,

как правило, лицедеи, шуты и некоторые трактирщики. Но в любом случае отбирать его у принца никто не будет, просто сделают для всех женщин дворца защиту помощнее. Кстати, ты и так защищена духом, поэтому и не почувствовала ничего странного.

– Ты меня просто убила, – тяжело вздохнула Леаттия, откладывая сразу ставшее невкусным пирожное. – Получается, всем нужно только герцогство, а не я?

– Ну да, – безжалостно подтвердила магиня. – За тем сюда и едут. Но у тебя есть шанс, что, познакомившись с тобой поближе, кто-то рассмотрит в тебе свою судьбу. Ну или ты кого-то полюбишь так сильно, что остальное станет неважным.

– Лишь до того момента, – хмуро поправила ее Леа, – пока я не приведу избранника в зал источника. Без одобрения духа вступить в священный союз не может ни один хранитель.

Глава четырнадцатая

После десерта Леа осмотрела подарки, внимательно слушая краткие, но занимательные, а порой и шутливые пояснения родовитого гостя. Кроме украшений, друз редчайших минералов, кораллов и раковин он привез вырезанные из целых кристаллов фиалы с ценнейшими маслами и пряностями, а также часы работы древних мастеров. Вимбольд, посмеиваясь, утверждал, что это были гномы, и маги вежливо усмехались в ответ.

– Слуги проводят вас в приготовленные покои, – поблагодарив, учтиво предложила Леаттия. – Отдохните после дороги.

Однако принц неожиданно отказался. С многочисленными извинениями сообщил, что не осмелится слишком надоедать ее светлости и потому остановился в посольстве Банлеи. Но если ему будет позволено, завтра с удовольствием навестит герцогиню.

Разумеется, приглашение он получил и, раскланявшись, удалился. Проводив принца взглядом, Леаттия с минуту молчала, обдумывая его странное поведение, потом в упор уставилась на Эгриса:

– Ну и что там с его амулетом?

– Простой усилитель хороших эмоций, – пожал плечами магистр. Потер ладонью шею и нехотя добавил: – Только несколько мощнее обычного. Мы поставим щиты, чтобы фрейлины не посходили с ума.

– А почему он не захотел жить во дворце?

– Мы ему пояснили, что он не один такой хитрый и все остальные женихи наверняка тоже явятся во всеоружии. Поэтому или он снимает и прячет подальше свой артефакт – тогда и все другие женихи должны будут последовать его примеру. Либо живет подальше от дворца, потому что нам вовсе не интересно ловить по ночам пытающихся пробраться в его комнаты фрейлин и служанок.

– Но тогда и другие женихи будут вынуждены искать себе пристанище в городе? – нахмурилась Леаттия.

– У тебя имеется несколько особняков, можно предложить их тем, кто не захочет выполнять наши правила. Хотя почти у всех соседних стран тут есть посольства, могут жить и там.

– Если захотят, – постановила герцогиня, убедившись, что процедура выбора жениха будет намного сложнее, чем ей представлялось прежде, и решительно направилась к двери. – А теперь пора проверить новый

проход. Но сначала я иду переодеваться. Жду вас в своих покоях через четверть часа.

Она торопливо отвернулась и помчалась прочь, огорченно вздыхая. Магам пришлось сказать неправду – к источнику она могла бы пойти и в этом платье. Хотя и не сильно солгала, лишь чуточку слукавила, истово желая на несколько минут остаться в одиночестве и разобраться в своих чувствах к первому мужчине, приехавшему к ней с вполне определенной целью. И к оставшимся позади магам, потому что оказалось очень неприятно кривить душой с людьми, бросившими ради нее свои дома, дела, учеников и друзей.

«Как-то слишком уж тихо и незаметно они вели себя сегодня», – кольнуло душу воспоминание, когда Леа добралась до своих покоев и заперла за собой дверь. Все были такими смиренными, молчаливыми, даже Вельтон, обычно не упускавший случая вставить острое словечко. Словно вежливо отступили в тень, позволяя чужаку показать себя во всей красе. «Хотя явно готовились к этому ужину», – с невеселым смешком припомнила она нарядную рубашку Джара и его аккуратно собранные в хвост ржаные волосы.

А ведь это впервые за все время их знакомства он так приоделся, словно собрался на большой праздник, растревожило ей сердце внезапное озарение. Непонятно, зачем... но уж конечно не для принца.

Тогда, значит, для нее?

Леаттии вдруг стало не хватать воздуха, и она, сбрасывая по дороге шуршащий шелком наряд, устремилась к окну, распахнула створки, вдохнула полной грудью вечернюю прохладу, пытаясь справиться с неожиданным волнением и не потерять не менее ошеломляющее подозрение. Сейчас ей как никогда не хватало материнского совета... хотя вряд ли она отважилась бы заговорить об этом с матерью. «Да и что можно было ей сказать? – расстроено фыркнула Леа. – Матушка, мне кажется, мой учитель нарядился ради меня»? Смешно. За столом было еще полтора десятка самых хорошеньких знатных девиц герцогства.

Мысль о фрейлинах почему-то вызвала острое неудовольствие, почти гнев, и Леаттия озадаченно замерла, не понимая, чем на этот раз расстроили ее фрейлины. Тем, что смотрели в рот разливавшемуся соловьем принцу? Так его все слушали, не сводя глаз, и сердиться на это просто глупо. Тогда чем?

Непонятно.

Хранительница нехотя отошла от окна и отправилась выбирать простое платье, в котором удобно будет ходить по ступенькам тайного

прохода. А переодевшись, привычно заглянула в зеркало, сняла диадему, тяжелые роскошные серьги и бездумно заправила в прическу кокетливый локон, становясь такой, какой видела себя в зеркале последние полтора года. Привычно бледно улыбнулась скромной, как монашка, девушке, появившейся в зеркале вместо гордой герцогини, и застыла на месте, пронзенная внезапной догадкой.

Выходит, он все-таки принарядился для нее, ведь трудно не сообразить, что на встречу с принцем Леаттия наденет лучшее платье. Потому и он постарался выглядеть достойным своего звания советника... или все-таки не хуже, чем Вимбольд? Значит, ему не безразлично, кого она выберет в женихи? Или он вовсе не желает, чтобы Леа выбирала какого-то принца?

Ей вдруг вспомнилась брошенная Ламбертом в запальчивости фраза: «...будто они в чем-то лучше Сейна или Одерза. Или самого мастера Арвиса».

«И ведь Санди в тот момент не запротестовала ни жестом, ни словом, стало быть, все они уже что-то такое заметили», – опалило щеки девушки жарким румянцем переходящее в уверенность подозрение. И только она одна по-детски наивно считает магистра просто учителем, абсолютно безразличным к ее внешности и чувствам.

Ну и как теперь с ним разговаривать? И главное, о чем? Но сначала неплохо бы разобраться, а нужно ли ей самой какое-то особое отношение или лучше вести себя с дагорцем по-дружески, как прежде, ничем не выдавая своих мыслей? Все-таки маги – не самый лучший вариант на должность хранителя.

Эти размышления почему-то вызывали неприятие, почти протест, и Леа снова замерла, пытаясь разобраться в мешанине эмоций и чувств, бушующих в душе. Но за короткие мгновения, оставшиеся до учтвого стука в дверь, сумела твердо решить для себя лишь одно: ей нужно немного времени, чтобы привыкнуть к неожиданному открытию и понять саму себя.

Маги вошли в гостиную чинно, не проявляя никакого нетерпения, но Леаттия отлично понимала, как нелегко дается им такое самообладание, и вовсе не собиралась никого долго мучить.

Поспешно повернулась в сторону резного панно, прикрывавшего появившийся за день потайной вход, но в последний момент заметила в просвете захлопывающихся створок сиротливую фигуру оставшегося в галерее секретаря.

– Подождите минутку, – сорвалось с губ герцогини еще не вполне осознанное приказание, пока она делала два шага к двери и снова ее

распахивала. – Лаберт?

– Я подожду, может, понадобится, – выпалил он заранее приготовленную фразу и с досадой сжал губы.

Получилось не очень правдоподобно.

– Входи, – велела Леа, отступая на шаг. – Смелость говорить правительнице правду в глаза заслуживает награды. А вот проверять, достоин ли ты стать избранным, буду не я, и если опасешься этой проверки, лучше оставайся здесь.

– Я пойду с вами, – дерзко блеснули карие глаза.

Леа только кивнула, подошла к панно и приложила к нему ладонь. Дух объяснил, что для хранителей в собственном дворце не должно быть закрытых комнат, и отныне все замки в доме подчиняются этому правилу. Запереть любую дверь она тоже могла одним прикосновением, но по привычке все равно задвигала защелку.

Панно поднялось вверх, открыв махонькую комнатку, и одновременно над ухом хранительницы раздался голос духа, объясняющего, как пользоваться новым проходом.

– Это опускающаяся площадка, – оглянувшись на магистров, сообщила Леа. – Если тесно, разделитесь на две группы.

– Уместимся, – оглядев комнатку, решил Эгрис и подал руку Ирсане.

За ними вошла Миралина, и Леа оказалась в уголке, зажатая между наставницами. Стояла лицом к входу и из-за плеча Санди смотрела, как входит учитель, сменивший шелковую рубашку на простую, василькового цвета, ярче выделившую синеву знакомых глаз. Арвис мельком скользнул по ее лицу взглядом и тут же его отвел. А едва устроившись возле стены, чуть обернулся и озадаченно нахмурился, обнаружив, что все это время Леа следила за ним.

– Все, – сообщил втиснувшийся последним Бензор, и хранительница тотчас прижала ладонь к стенке, учась отдавать приказания своему родовому замку.

Легкое ощущение падения длилось всего несколько секунд, и все, кто вначале отпрянул от стен, успокоенно выдохнули. Комнатка оказалась полностью закрытой клеткой, и ее стенки никакого вреда причинить не могли.

– Умеют драконы делать удобные вещи, – с легкой завистью вздохнул Бензор, и в этот миг спуск закончился.

Дверь открылась с той же стороны, и все увидели просторный проход, освещенный магическими светильниками. Выходили из подъемника поспешно, забыв о напускной сдержанности, на миг замешкался только

Арвис, зато оказался рядом с Леаттией и подал ей руку.

Хранительница безотчетно схватилась за нее и тут же ощутила, как мужская ладонь уверенно взяла в надежный плен ее пальцы. Леа даже не поверила сначала самой себе, осторожно попробовала освободиться и притихла, осознав безнадежность этой попытки. Крепко держа за руку, как несмышленного ребенка, Арвис вел ее вперед, словно ничего вокруг не замечая. Ни расступившихся магов, ни их неправдоподобного безразличия.

Зал источника оказался недалеко, всего в полусотне шагов, но пока они добрались до узкой двери потайного входа, Леа успела успокоиться и даже чуточку повеселеть. Хотя в первый момент не на шутку рассердилась на саму себя за безрассудство, с каким снова позволяла мужчине управлять собой. Ну и, разумеется, на Джара, внезапно сбросившего личину равнодушного советника, под которой прятался тот решительный и немногословный рыбак, что так ловко умыкнул ее из лап Кайора.

Это воспоминание как-то очень быстро растопило и непонятно откуда взявшуюся то ли обиду, то ли досаду и не менее странную невнятную тревогу. А взамен в душе теплым солнечным лучиком расцвела надежда на что-то прекрасное, и, неожиданно для себя уверовав в него, Леа робко улыбнулась оглянувшемуся Джару.

На неуловимый миг он замер, опасливо вглядываясь в синие глаза, затем нехотя отвернулся и повел ее дальше, еще крепче стиснув захваченную в плен ладошку.

В зале источника властвовал полумрак, зато светились сразу несколько ниш. И в одной из них явно происходило что-то неправильное. В свете чадящих факелов мелькали тени, слышались грубые окрики и чей-то тоненький, обреченный плач.

– Лайна! – ринулся к нише Эгрис. – Нужно открыть туда проход!

– Проход открывается только для хранительницы, – раздался драконий бас.

– Сколько магов я могу взять с собой? – осведомилась Леа, не глядя на обескураженных спутников.

Они должны были помнить, что дух помогает только ей.

– Сколько захочешь, – безразлично прозвучало в ответ. – Но советую подождать, еще не всех жертв привели. И магов близко нет, только зомби.

– Кто такие зомби? – насторожилась девушка, припомнив страшные сказки, которые когда-то рассказывали по вечерам слуги.

– Обычные люди, – хмуро пояснил Эгрис. – И, разумеется, живые. Чтобы заставить двигаться мертвое тело, требуется просто уйма энергии и постоянный контроль. Но пользы от этого никакой, передвигаться оно

будет лишь как обычное полено, ничего более сложного добиться невозможно. А жуткие небылицы придумали от невежества трусливые селяне, наслушавшись про людей, которые по приказу черных колдунов безропотно идут в огонь и ледяные реки. На самом деле все проще и страшнее: на раба или ученика кастуют сложное подчиняющее заклятие, и человек больше не принадлежит самому себе. В душе он может плакать, сопротивляться и ужасаться, но продолжит неукоснительно выполнять полученный приказ.

– Совершенно верно, – спокойно подтвердил невидимый дракон, расширяя нишу так, чтобы все могли рассмотреть происходящее в далеком хранилище. – Зомби привели тринадцать женщин и детей, а теперь готовят жертвенную чашу, изредка сбрызгивая источник своей кровью. Но магов поблизости не ощущается, следовательно, это просто ловушка.

– Где этот источник? – осведомился Арвис, снова оказавшийся рядом с ученицей.

– На западе Харказа, в заброшенном городе. Он закрыт уже больше ста лет, – ответила Леа, помнившая наизусть все тридцать семь источников.

– Выходит, кто-то собирается проверить, действительно ли помощь жертвам приходит из источника, – сообразил Вельтон. – И я не удивлюсь, если спасателей ожидает несколько очень мерзких ловушек. Черные маги просто звереют, когда находятся смельчаки, готовые нарушить их планы.

– Пойдем, как только зомби начнут ритуал, – постановил Эгрис. – Лайна, приведешь нас и оставайся в хранилище, мы закроем тебя щитами.

– Ей и моей защиты хватит, – рыкнул дух. – И зомби я сам усыплю. Вам нужно найти следящие амулеты или камни, но постарайтесь не отходить далеко, защитный купол не бесконечен. Новый соратник прошел проверку и получает тройное усиление.

– Поздравляю, Лаберт, – оглянулась на секретаря Леаттия.

– С чем? – недоверчиво буркнул маг и нахмурился, обнаружив, что старшие магистры улыбаются ему так счастливо, словно он оказался их родным братом.

– С новым званием, – веско сообщил Эгрис. – Ты теперь избранный, и вместе с тобой нас уже восемь. И, разумеется, с этого момента ты магистр.

– Избранный куда? – Секретарь смотрел на магов, как на особо дерзких шутников.

– В доверенные лица хранильницы, – по-свойски хлопнул его по плечу Вельтон. – Но постарайся ничего не кастовать, пока не потренируешься. Ты теперь втрое мощнее.

– Последних принесли, – громыхнул у них над головами дракон. – Девушка очень слаба.

– Поняла, – кратко отозвалась Миралина, подвязывая волосы явно заранее припасенной косынкой.

«Хорошо, что догадалась переодеться», – глядя на нее, думала Леаттия. Здесь не до красоты, и пышная длинная юбка – только помеха. И вообще нужно взять за правило надевать в хранилище лишь удобную одежду вроде той, в какой возил ее через озеро Джар. Она оглянулась на стоящего за плечом учителя, на секунду встретилась с его сосредоточенным взглядом и снова уставилась на нишу, где сквозь туман проступало изображение отвратительного спектакля, хладнокровно приготовленного кем-то из черных колдунов.

Но в душе осталось ощущение мимолетного прикосновения к чему-то теплому и надежному, как руки матери и ободряющая улыбка отца.

– Пора, – скомандовал дракон, и деловито снующие по далекому убежищу оборванцы вдруг замерли и начали оседать на пол рядом с разложенными у алтарной ниши жертвами.

В тот же миг стремительный портал поглотил команду спасателей и поставил тесной кучкой на единственное свободное местечко возле выхода.

– Мы – на улицу, – тихо скомандовал Эгрис, – женщины – тут. Лаберт, остаешься с ними охранником.

Он еще не успел договорить, а магистры уже исчезли в узком проходе. Санди и Миралина бросились проверять жертв, Лаберт мрачно оглядел кучу грязных босых тел, одетых в рваное тряпье, гневно процедил что-то сквозь зубы и встал возле прохода, держа наготове приподнятую как для броска ладонь.

И только Леа осталась на месте, лишь плотнее прижалась к стене и прикрыла глаза. Так было лучше наблюдать за происходящим, которое дракон показывал одной ей. Как бегут по скудной травке ее собратья по гильдии, расходясь в разные стороны, но стараясь не терять друг друга из виду, как вспыхивают перед ними сожженные сети и нити чужих плетений, как странными птицами слетают с кривых веток саксаула прикрученные простыми бечевками следящие амулеты, а из кустов сыпется оружие сидящих в засаде охранников.

– Лайна, – через несколько секунд не выдержал Лаберт, искоса поглядывая на сумрачное лицо девушки, – тебе плохо?

– Тсс! – пришикнула на него Санди. – Не мешай хранительнице! Она слушает духа, тут он не может говорить вслух.

– Сейчас откроется портал, вас перенесут в тронный зал, – оглянулась

на наставниц Леаттия. – Санди, лечить нужно всех, тут только жертвы, палачей нет. Пора!

Словно порыв ветерка пронесся по округлому помещению, и все исчезли: и магини, и их спящие пациенты. Лаберт неверяще моргнул и перевел взгляд на пол, покрытый смешанным с кровью и мусором песком.

– Может, сделать тебе стул? – само сорвалось с его губ нелепое предложение.

– Не нужно, – качнула головой хранительница. – Они должны скоро вернуться. Поблизости больше никого нет.

И, словно опровергая ее слова, снаружи раздался грохот и проход осветила яркая вспышка света.

– Ох боги, это что такое? – мгновенно побледнела девушка и бросилась к выходу, но перед ней словно выросла невидимая стена.

– Это ловушка черного, – сообщил ей на ухо дух. – А тебе выходить отсюда нельзя. Ничего страшного там не произошло, все накрыты щитом. Ну разве что немного прокоптытся и пропылятся, зато порадуют черного мага, который смотрит на них через шар.

– А ты не можешь до него добраться? – отступила назад Леа, присматривая за Лабертом, оказавшимся по ту сторону барьера.

– Не могу. И бесполезно это, там тоже только его помощники и ученики. Тот, кто придумал эту проверку, прячется где-то в другом месте, и отсюда его не достать. Но я постараюсь его разозлить.

– Зачем? – еще недоумевала герцогиня, но уже знала ответ.

Чтобы устроить ответную ловушку, выманить злодея из норы и поймать на живца. И нет никакого сомнения, что этим живцом будет она сама. Или ее друзья, какая разница?

Магистры ввалились в убежище всей толпой и привели с собой еще несколько пленников. Эти были обуты, да и одеты получше, чем зомби, но у каждого на лбу красовался грубый медный обруч. И все они пахли дымом, пылью и еще чем-то противным, похожим на паленые перья. Джар шел первым. Прежде всего нашел встревоженным взглядом ученицу и облегченно перевел дыхание. Но ближе не подошел, остался у стены, удерживая в путах склонившегося словно в полупоклоне довольно упитанного пленника, сверкавшего полным бессильной ярости взором.

В этот раз дух предупреждать никого не стал – мигом перенес всех в тронный зал. Едва Леа очутилась под его высокими, торжественными сводами, на нее обрушился водопад света, запахов и звуков. Со всех сторон раздавался гомон встревоженных голосов и топот множества ног, позвякивали флакончики, ложки и инструменты, тяжело пахло зельями и

давно не мытыми телами. Не слышно было только стонов, все жертвы крепко спали.

Последние зомби тоже свалились на пол, едва выйдя из портала, и этих пока оставили на месте. Эгрис мимоходом сообщил, что снимать обручи они будут не сразу, а только после того, как выслушают жертв и просмотрят захваченные следящие камни.

– Нашли все двенадцать, полный круг, – добавил он, пробираясь ближе к Ирсане.

Все остальные магистры тоже сразу занялись ранеными, и Лаберт удрал самым первым. Видимо, не терпелось проверить силу новых способностей.

А вот Леаттии делать тут было нечего, но уходить она пока не собиралась, напоследок дух шепнул ей на ушко, что ждет их чуть позже, когда захваченные пленники будут устроены.

Девушка потихоньку отошла в сторонку, села на стоящий у стены свободный диванчик и задумалась, пытаясь сообразить, с чего это черные маги так обнаглели. Или они и раньше проводили свои ритуалы, просто она ничего об этом не знала? И как с ними бороться, если даже у духа не хватает сил их достать?

– Можно спросить, ваша светлость? – почтительно замер рядом главный жрец, и Леа утвердительно кивнула.

– Спрашивайте, святой отец.

– Откуда появились тут эти несчастные люди?

– Маги перенесли порталом, – слегка слукавила хранительница. – Мне стало известно, что в одном из дальних магических источников черные колдуны готовят кровавый ритуал.

– Зачем им это? – Старец спрашивал скорее себя, чем ее, но Леа ответила:

– Тот источник больше не действует, а колдунам нужна сила. Вот и пытаются добыть ее любым способом. Пока – кровавыми ритуалами, а вот на что решатся позже, когда убедятся, что это не помогает, я даже представить не могу.

– Может, нужно было оставить им силу, – осторожно осведомился жрец, – чтобы не страдали невинные?

– Всех жертв мы постараемся спасти и дальше, – бледно улыбнулась герцогиня, – а вот давать в недобрые руки силу нельзя. Мне с детства разъяснили, что зло можно остановить только одним способом – вырвать с корнем, как ядовитый плющ. Иначе будет расти и расти, пока не задушит все, до чего дотянется.

Старец довольно долго изучал ее с задумчивым видом, но ни одного вопроса больше не задал, вежливо поблагодарил и удалился.

Глава пятнадцатая

Проводив его понимающей улыбкой, Леа огляделась и облегченно вздохнула – зал больше не напоминал поле боя. Молодые маги уносили куда-то последних спасенных, тихие, как мышки, служанки торопливо мыли пол и убирали всяческие следы спонтанного лазарета. Магистры, уже успевшие почистить заклинаниями одежду, терпеливо ожидали герцогиню у дверей источника, только Арвис стоял неподалеку, бдительно присматривая за прислугой. Однако Леа была почти уверена, что на самом деле он ждет ее.

И почему-то находила это правильным, лишь искренне изумлялась, что не чувствует, как при знакомстве с магами или принцем, сомнений, настороженности и досады. Наоборот, ее разум и сердце почему-то приняли неожиданный поворот событий с поразительной быстротой и доверием как самый естественный и верный. И сопротивляться этому ощущению у нее не было ни сил, ни желания. Да и невозможно спорить с самой собой.

Девушка решительно поднялась с дивана, и главный советник тотчас оказался рядом, подхватил под руку, заботливо заглянул в глаза.

– Устала? Может, сначала отвара выпьешь?

– Нас накормят, – намекнула она, ответив признательной улыбкой, и внезапно пожалела, что ее жизнь складывается так несуразно.

Им бы сейчас не в хранилище спускаться, а отправиться погулять по розовым аллеям, любоваться закатом... или уже звездами? Не важно. Главное – хоть на день забыть о черных колдунах и источниках, каналах и вороватых чиновниках, пожив простой жизнью обычной девушки.

И тотчас с досадой припомнила, что все это у нее уже было: размеренная беззаботная жизнь, свидания раз или два в декаду, роскошные букеты, дорогие платья и драгоценности в подарочных ларцах. Даже прогулки на яхте или в открытой коляске, напоказ всему городу. Вот только счастья ей все это не принесло – лишь горе и разочарование.

Леа не сдержала вдоха, и учитель сразу это заметил, встревоженно заглянул ей в лицо, сжал губы, сминая робкую улыбку.

– Думаю, – тотчас слукавила она, испугавшись, что Джар снова станет чужим и холодным, – всех этих подростков придется отправить к Миралине. А у нее помощниц маловато.

– Найдем, – сглотнув вдруг вставший в горле комок, уверенно

пообещал учитель и крепче сжал ее локоть.

– Может, отложим на завтра? – делая вид, будто ничего не замечает, осторожно осведомилась Санди, когда хранительница прижала к новой двери ладошку.

– Нас ждут, – тихо ответила Леа, и все вмиг подтянулись, посерьезнели, словно им снова предстояло оказаться в полной ловушек Южной степи.

Парадный вход в источник был освещен вмурованными в стены солнечными камнями, и от него вели вниз удобные ступени белого мрамора. Как только маги вступили на них следом за Леаттией, металлические сворки за их спинами тихо сомкнулись, ясно давая всем понять, что сегодня дух больше никого не желает сюда впускать.

Лестница сделала два крутых поворота, прежде чем вывести гостей к знакомому магам центральному проходу, ставшему за два дня значительно короче. В зале источника было светло, свежо и чисто, и ни одна из ниш больше не светилась. Зато открылась ведущая к сокровищнице дверца, и Бензор предсказуемо оказался перед ней раньше всех.

И опять испытал разочарование. На этот раз проход вел их мимо закрытых дверей в самый конец коридора, где ждала очередная камера для спуска вниз. Эта оказалась более просторной, с узкими сиденьями вдоль стен.

Но долго посидеть не удалось, уже через полминуты спуск прекратился, и перед ними появился уже знакомый сиреневый хрустальный зал. Стоящий посреди стол был накрыт к ужину, а в кресле у дальнего торца сидел дракон.

– Проходите, садитесь. Если хотите умыться – знаете, куда идти, – рыкнул он и усмехнулся, глядя на ошеломленного Лаберта. – И новичка прихватите, ему интересно.

Умыться захотели все, даже Леаттия, помнившая мягкость и легкость пронизанной пузырьками воды. А в спальне, которую выбрала в прошлый раз, девушку ждал сюрприз. Абсолютно непривычного фасона бирюзовый шелковый наряд из свободных, сильно расширенных внизу штанов, доходящих до щиколотки, и такого же свободного платья, но на две ладони короче обычного. К платью прилагался пояс на шнуровке, напоминающий корсаж. Изготовлен он был из плотного шелка и богато вышит серебряным бисером и драгоценными камнями синих оттенков.

– Красиво, – оценила костюм Леа и тут же огорченно вздохнула: – Но придворные дамы с ума сойдут, если увидят меня в этом одеянии.

– Им же нужно о чем-то сплетничать? – насмешливо пророкотал над

ухом дракон. – Так почему бы не дать вескую причину? Тогда они меньше будут совать любопытные носы в другие, более важные для тебя дела.

– Надеюсь, твой совет окажется полезным, – не стала спорить Леаттия, аккуратно вешая наряд на место. – Завтра с утра и опробую.

– Я изготовил тебе еще с десяток похожих, – спокойно сообщил дух. – Найдешь их в своем шкафу. И постарайся не надевать другой одежды, в камни я вложил свою защиту.

– Так бы сразу и сказал, – тихо пробурчала герцогиня, спускаясь по узким ступенькам в женскую часть озерца, отгороженную от мужской непрозрачной глыбой розового хрусталя, – что решил меня защитить. Еще бы знать заранее от чего.

Но на этот вопрос ответа не последовало. Дракон его либо не знал, либо был занят другими делами.

Менее чем через полчаса маги уже сидели за столом и с аппетитом поедали знакомые и совершенно неизвестные блюда, пили холодный, странно зеленый шипучий квас и различные взвары, искоса поглядывая на пустующее место хозяина хрустальной обители.

И все же прозевали, когда он снова появился. Тихо рыкнул, привлекая внимание, повел огненным взором, гася светильники, и создал над столом призрачную карту мира.

Зелеными звездами зажглись на ней столицы, желтенькими – крупные города, сиреневыми – тройной круг источников с брафортским посередине.

– Это все наши источники, – пояснил дракон. – Но вы же маги и сами понимаете – загнать в хранилища всю магию до последней капли не под силу никому. Поэтому не удивитесь, узнав, что имеется несколько маленьких источников, находящихся либо глубоко под водой, либо в толще скал и в других труднодоступных местах. Вот на таком источнике и сидит где-то черный маг. Сидел бы и дальше, но явно задумал большую гадость. Какую точно, понять пока нельзя, разум у них у всех извращенный. Это может быть сумасшедший эксперимент по превращению в дракона или эльфа, а может – просто постройка самой высокой башни или самой глубокой пещеры. Главное – ему понадобилось много энергии, и он решил добыть ее любым путем. И вот это самое страшное, потому что черные никогда не отступают от своих безумных планов и никого не жалеют на пути к своей цели. А теперь он знает, что источники кем-то охраняются и управляются, и, разумеется, скоро сделает правильный вывод – способов добывать информацию у черных предостаточно. И начнет охотиться на хранильницу, решив, что она может по своему желанию открыть источник там, где нужно ему.

Карта исчезла, и снова разгорелись светильники. Маги хмурились, но молчали, ожидая продолжения речи.

– Я уже защитил ее так, что даже взорвавшийся над головой огненный фаербол не причинит никакого вреда, – устало пояснил дух, – но этого мало. Всем вам известно, как можно обойти подобную защиту. Загнать человека в ловушку и заставить сдаться, когда кончится резерв в камнях амулетов, купить на сострадание и многое другое. Поэтому выход один – выманить колдуна из норы и наказать так, чтобы остальные навсегда запомнили.

– А пробудить в ней способности к магии можно? – не выдержал Лаберт.

– Нельзя. Тогда мне очень трудно будет издали отличать хранителя от прочих магов и обычных людей.

– Значит, нужно приставить к ней охрану посильнее, – не сдавался секретарь.

– Молодец, – похвалил дракон и, прищурившись, хитро спросил: – Ну а зачем же, как по-твоему, я добавил всем вам способностей?

– Закрывать дворец щитами и никуда не выпускать! – Лаберту явно не хотелось делать из герцогини подсадную утку.

– Закрыл, можешь не сомневаться, – серьезно отчитался золотоглазый. – И все стены опутал щитами, и через ворота чужой не пройдет. Только те, у кого есть моя метка. Я уже несколько дней проверяю всех, и те, кто не прошел проверку, просто не хотят попадать во дворец. Но сидеть всю жизнь во дворце Леаттия не сможет, она же не пленница. Да и народу такое покажется подозрительным.

– Темные маги никогда и никому не позволяют делать из женщин наживку. Нужно искать черных гадов и ловить, – упорствовал секретарь. – А пока на всякие там собрания и народные гулянья ходить буду я, под личиной.

– Лаберт, – не выдержав, засмеялся Эгрис, – ты совершенно прав! Но дух не может все время бодрствовать и заниматься нашими делами. Ему нельзя так часто создавать себе материальное тело, оно становится настоящим и сопротивляется... ну... возвращению в духовную энергию.

– Поздно, – буркнул дракон. – Это мне больше не удастся.

– Светлые боги! – дружно охнули магини.

– И как же ты теперь? – сочувственно вздохнула Миралина.

– Помогу вам, создам нового духа и пойду искать своих, – пожал могучими плечами дракон. – Сейчас уйти отсюда не могу, привязан к источникам, а как только передам их новому духу, они перестанут меня

слушать. Так уж было задумано мудрецами моего племени.

– Наверное, правильно, – сам себе кивнул Эгрис. – Мало ли как отразится на духе тысячелетнее заключение.

– Ты плохо знаешь драконов, – раскатисто хохотнул бывший дух, – если думаешь, что я мог бы захотеть стать вашим богом. Никогда. Скорее новый дух пожелает стать материальным, собрать всю энергию и открыть нам портал в дальние миры. Вблизи не нашлось подходящего для драконов места. А теперь идите смотреть амулеты, а то у меня от эмоций Бензора голова чешется. Встретимся утром. Кстати, можете звать меня Порном.

Дракон чему-то усмехнулся, мановением руки открыл портал, осмотрел опустевшую пещеру и взглядом подвинул к себе блюдо с почти нетронутым поросенком. Новое тело, все больше обретавшее привычки живого существа, требовало для стабильности просто прорву животной пищи.

– Сегодня ничего обсуждать не будем, – категорично заявил Эгрис, окинув властным взором магов, оказавшихся в одной из гостиных второго этажа, – все идем отдыхать. Спокойной ночи.

Подхватил под руку Ирсану и увел, не дав и слова сказать. Следом ушла Миралина, и как подозревала Леа, вовсе не в приготовленные ей комнаты. Наверняка помчится в Гардез, хотя туда уже отправились все, кто имел целительские способности.

– Проводить тебя? – негромко спросил ученицу Арвис, и она послушно подала ему руку.

Остальные разбрелись молча, но Леаттии казалось, что она чувствует спиной их любопытные взгляды.

В гостиную герцогини магистр вошел вместе с ней, и по тому, как тщательно прикрыл дверь, девушка начала догадываться, что ее ждет серьезный разговор. Она невольно встревожилась, больше всего опасаясь, как бы Джар не стал просить прощения... или рассказывать о своей любви к бывшей жене.

– Лайна, – усадив ее на диван, маг присел рядом вполоборота к ней, чтобы видеть лицо, – я понимаю, что ты устала, но нам нужно поговорить.

Девушка обреченно кивнула и крепче стиснула губы, боясь выдать себя невольным вздохом. Она смутно хотела и одновременно до дрожи боялась этого объяснения, совершенно не представляя, к чему оно может привести.

– Не знаю, с чего начать, – хмуро признался Джар и попытался привычно пятерней откинуть назад и так идеально причесанные волосы. –

Никогда не был в такой ситуации. Понимаешь, я всегда относился к тебе с симпатией, еще когда приходил под личиной Белгосто. Но тогда ты казалась мне ветреной глупышкой, и только позже, в Лахте и Гайртоне, открылась с другой стороны, и я понял, как ошибался. Но в тот момент уже был твоим учителем, а по нашим правилам наставники не должны заводить с учениками никаких особых отношений. И я старался ни на грань не переступить этих рамок. В Давре даже сам привел тебя знакомиться с женихами... и не знаю, как сдержался, не забросил их охлаждаться подальше в море. Но сегодня понял – мое терпение кончается, и однажды я невзначай сожгу какого-нибудь принца. Поэтому или отпусти меня... Леа? Почему ты плачешь? Я тебя обидел? Тебе так нравится этот павлин? Ну, я постараюсь ничего с ним не делать, просто не буду приходить во дворец... Леа! Вот, выпей... и прости... я не думал...

– Никогда... никогда не прощу! – вскакивая с дивана, яростно выкрикнула она и в порыве непонятной обиды и горького отчаяния выплеснула ему в лицо взвар. И тут же, противореча самой себе, горько всхлипнула: – Как ты мог подумать, что я тебя отпущу? Как ты мог мне такое сказать?

– Просто я не успел договорить. – Маг незаметно высушил себя заклинанием и, поймав девушку, крепко прижал ее к груди. – Хотел сказать: «Или отпусти, или возьми мой браслет». Но теперь понимаю, что нужно было начинать с браслета. Леа... ну почему ты снова плачешь?

– Я облила тебя взваром... как последняя кухарка... боги... как стыдно!

– Разве? Я ничего такого не заметил, – отказался Джар и, бережно приподняв ее лицо, осторожно прильнул к губам любимой первым поцелуем.

И только через несколько минут, вспомнив главный вопрос, с сожалением оторвался от этого сладостного занятия.

– Леа... ты возьмешь мой браслет?

– А разве нужны еще слова? – смущенно пряча счастливый взгляд, буркнула она, помолчала и сдалась: – Да.

– Леа... – еще крепче прижимая ее к себе, задохнулся он незнакомым прежде восторгом, смешанным с недоверчивым изумлением – она и правда сказала «да»?

Ему, обычному темному магу, не принцу и не герцогу, да еще и дважды преданному родными людьми изгоя. Самая необыкновенная, честная и гордая девушка во всех городах и столицах, где он бывал. Самая красивая и желанная, сейчас покорно подставляет губы и ласково

перебирает пальчиками его волосы, потерявшие где-то шелковый шнурок. И, похоже, даже не догадывается, что этой дерзостью и доверчивостью сводит бывшего учителя с ума.

– Леа, – собрав всю силу воли, Джар мягко отодвинулся от невесты, – тебе нужно отдохнуть. А мне – слетать в Гайртон, у меня в тайнике спрятан браслет, который я мечтаю надеть на твою руку. Я делал его сам... просто так... не веря, что он когда-нибудь понадобится.

– Джар, – тихонько позвала хранительница, поднимая на него виноватый взгляд, – я только хочу предупредить...

– О чем? – Сердце дагорца словно обдало ледяным шквалом, разом остудившим обнаглевшие мечты. – Ну? Ты чего-то боишься?

– Да. Тебя должен одобрить дух, – упавшим голосом пролепетала она, неведомо каким образом ощущая, как он отдаляется. – Хранители не заключают союзов без его одобрения.

– А ты? – Маг испытующе смотрел в любимые синие глаза, а в сердце словно поворачивался ржавый, зазубренный кинжал. – Как поступишь ты, если он откажет?

– Буду просить... требовать... – неуверенно произнесла Леаттия и смолкла, потом задумалась, нахмурилась и вдруг глянула на него с пронзительной горечью. – Но если и тогда откажет – подчинюсь. Потому что мне он ничего плохого не сделает, а вот тебя может наказать... и как мне тогда жить?

Ее губы вдруг горестно скривились, из глаз медленно покатались слезинки, и Джар, мгновенно сжав любимую в объятиях, спрятал ее от всего мира у себя на груди.

– Любовь моя, – шептал он жарко, забыв и про дракона, и про его проклятые проверки, – моя ясная, светлая звездочка... если он откажет, я снова тебя украду. И утащу туда, где нет ни источников, ни черных колдунов, ни вороватых чиновников. Пусть сам с ними разбирается, тело у него теперь есть.

– Вот твой тайник, – раздался откуда-то из-под потолка свирепый драконий бас, и на стол с грохотом свалился кованый сундук. – Я нашел и принес, а откроешь сам. Доставай свой браслет и иди наконец спать, мне тоже нужно отдыхать!

– Ох боги! – залилась жарким румянцем Леа. – Он же слышит мои эмоции!

– Не красней, звездочка моя, тебе стесняться нечего, – нежно шепнул ей Арвис и громче добавил, сердито глянув на потолок: – Стыдно должно быть тысячелетним драконам, подслушивающим такие личные разговоры.

Магистр снова притиснул к себе любимую, внезапно с сокрушительной отчетливостью осознав, как трудно будет исполнить приказ Рорна. Просто нет сил уйти в свою одинокую комнату от девушки, которая вдруг стала неизмеримо важнее всего остального, пробудив запретные мечты о взаимной любви, семье и детях.

– Он меня защищает, – смущенно шепнула она в ответ. – Ты пока многого не знаешь, а я все объяснить смогу только после ритуала. Надеюсь, мы не будем откладывать его надолго?

Скажи эти слова любая другая девушка, и Джар вмиг насторожился бы, начал искать причины, по которым она так спешит. А сейчас только расцвел блаженной улыбкой и осыпал горячими поцелуями свою звездочку, точно зная: она не ищет в их союзе никакой тайной выгоды, а хочет лишь того же, чего и он, – тепла, доверия и надежности.

– Сначала я надену тебе свой браслет, а потом мы подумаем. – Нехотя отстранив любимую, Джар принялся снимать щиты с сундука, еще недавно намертво вмурованного в стену его подвала.

Привычно собрал энергию, распахнул крышку и почти сразу нашел заветную шкатулку, хотя обычно убирал ее подальше. Торопливо распахнул и саркастически ухмыльнулся, обнаружив парные браслеты вместо созданного им ритуального украшения. Впрочем, меньший таким и остался: по красноватому золоту изящного ободка вились древние руны, искусно вплетенные в замысловатую вязь виноградных лоз и гроздей алых алмазов. Второй был шире, чуть массивнее женского и не так щедро украшен камнями. Но эту скромность с лихвой перекрывала величина редких бриллиантов, и магистр не мог даже приблизительно представить цену дара, сделанного ему драконом.

– Какие красивые! – не сдержала восторга хранительница, когда оба браслета легли на стол.

– Я сделал только маленький, – честно признался дагорец. – Второй подложил Рорн.

– Но ты же не откажешься? – забеспокоилась она, помня о том, как щепетильно относятся к таким вещам бедные, но гордые и честные люди.

– Еще недавно обязательно отказался бы, – со вздохом буркнул маг и успокаивающе улыбнулся невесте. – А теперь стал умнее и понимаю, что зря такие мудрые существа ничего не делают.

Осторожно взял руку любимой и бережно надел ей свой браслет, с огорчением отмечая, что ни одного из защитных заклинаний, на которые он потратил столько сил, в украшении больше нет. Зато в том браслете, который герцогиня поспешила в ответ надеть на его руку, были все ему

известные, и все раза в три мощнее, чем смог бы кастовать он сам.

– Я так счастлива, – прошептала Леаттия, снова оказавшись в его объятиях. – У меня такое ощущение, будто я вернулась домой. Никогда раньше не представляла, что так может быть, думала, мне придется долго привыкать к жениху, заставляя себя ему улыбаться и говорить какие-то слова...

– Звездочка моя, – потрясенно смотрел Джар в ее глаза, – ты говоришь то, что я чувствую. И я тоже невероятно счастлив... но мне пора уходить, а то, боюсь, снова заявится дракон. Он прав, нужно отдохнуть, утром совет. Я буду тебя ждать, а сейчас проводи меня до двери.

Разумеется, сразу уйти он не смог, и прощался тоже не единожды, но, когда все же вышел за дверь и вспомнил, что забыл сказать невесте еще одно словечко, створка даже не шелохнулась, несмотря на все усилия.

– Злой ты все-таки дух, – тихо пробурчал магистр, нехотя направляясь в свою спальню. – У нас, можно сказать, первое свидание, а ты поговорить в досталь не даешь.

– Вот завтра женишься и беседуйте хоть ночи напролет, – закрывая туманное зеркало, ехидно фыркнул дракон. – А сегодня должен понимать, что за ее покоями следит толпа очень заинтересованных особ, и всем им тоже пора отдыхать.

Глава шестнадцатая

Утро наступило как-то очень быстро. Вот только Леаттия прилегла, собираясь еще раз медленно посмаковать неожиданный сюрприз, который судьба преподнесла ей этим вечером. Припомнить все до тонкости: и неведомое ей до этого дня тепло слов и взглядов, поцелуев и объятий, и необъяснимое чувство узнавания, словно она наконец встретилась с хорошо знакомым и любимым, но надолго уезжавшим человеком...

Исполнить свои намерения герцогиня не сумела. Едва положив голову на подушку, утонула в сновидениях и теперь догадывалась, кто ее усыпил. Однако обижаться на дракона и не подумала, зная – он никогда не стал бы злоупотреблять своей властью в таких вопросах. Тем более она и так все отлично помнила, намереваясь наслаждаться этими воспоминаниями целый день, пока Арвис копает свой канал.

Торопливо надев подаренный духом наряд, герцогиня поправила волосы и, в последний раз глянув в зеркало, побежала открывать дверь, мечтая обнаружить за ней любимого.

И он не обманул ее надежд – стоял с еще влажным от росы букетом снежно-белых лилий в руках и смотрел нежно и чуть смятенно, словно боялся, что за ночь она переменила свое решение.

Они шагнули навстречу друг другу одновременно, столкнулись, оказавшись разделенными лишь цветами, и замерли, вглядываясь глаза в глаза, не замечая ни остановившейся в конце зала Ирсаны, ни горничной, мышкой шмыгнувшей мимо.

– Ты сам рвал цветы? – счастливо засмеялась Леа, заметив на лбу и щеках любимого желтые пятна пыльцы.

– Разумеется, – кивнул он и, гордо улыбаясь, пошутил: – Приказать садовнику, чтобы принес букет, может каждый принц. Сотворить цветы может каждый темный маг. И только безумно влюбленный темный маг может лазить по мокрым клумбам, выбирая самые лучшие цветки для самой прекрасной девушки.

Леа разругалась от удовольствия и тотчас смутилась: такой откровенный и чуточку легкомысленный, Джар, несомненно, был еще лучше прежнего, но слегка незнаком. А маг, загородив ее спиной от любопытных взглядов, сорвал благодарный поцелуй и постарался скрыть досадливый вздох. Отпускать любимую из объятий с каждым мигмом становилось все труднее, но он никак не мог придумать предлог побыть

наедине еще хоть пять минут.

– Их нужно поставить в воду, – нашла этот повод хранительница, и мужчина согласно кивнул.

Потянув невесту за собой, шагнул к двери, распахнул ее и тотчас нахмурился, не веря своим глазам. Не понимая, почему он медлит, Леа заглянула в проем и обмерла от ужаса. Ее нарядная, светлая гостиная была опутана черной, неопрятной паутиной, а посередине ковра на огромном, масляно поблескивающем коконе сидел гигантский паук. Но смотрела герцогиня вовсе не на чудовище, а на женские ноги и край подола форменного платья горничных, торчавшие из путаницы жирных нитей.

Оглушительный визг раздался, казалось, под сводами галереи, разносясь по всему вмиг замершему дворцу, и, лишь когда он стих, Леа поняла, что кричала она сама.

В этот момент она уже стояла в десятке шагов от дверей, накрытая радужным куполом, и, трясясь от страха и тревоги за любимого, следила, как он молча и зло швыряет в комнату ослепительные молнии и языки пламени.

– А как же... – вспомнив про горничную, ахнула герцогиня и тут же закрыла рот руками, начиная понимать, что служанку Джар бросился бы спасти в первую очередь, если бы за ее спасение был хоть один белый камень из тысячи.

– Уноси ее вниз, тут я сам справлюсь. – Ниоткуда возник дракон, сунул Леатию в руки жениху и ринулся в полную дым и огненных всполохов гостиную. – И никому ни слова!

Джар успел сделать всего несколько шагов, как на него налетела примчавшаяся на крик Санди.

– Что с ней? – вцепилась она в хранительницу.

– Все в порядке, – успела сказать Леа, но жених ее перебил:

– Все вниз! Где Эгрис?

– Уже в малой столовой, посылает вестников... – Магиня почти бежала за широко шагавшим напарником. – А почему ты ее несешь?

– Обещал, – несмотря на тревогу, не удержался от шутки Арвис, – всю жизнь носить на руках.

– Мне Эгрис тоже обещал, – притворно пожаловалась она в ответ, – но каждый день забывает.

– Я не забуду. – Украдкой чмокнув невесту в висок, маг прошел в столовую мимо предупредительно распахнувшего дверь дворецкого.

– Прикажете позвать лекаря? – учтиво осведомился тот, с беспокойством поглядывая на правительницу.

– Спасибо, Памтсон, – из-за плеча жениха улыбнулась она, – но все темные маги – сильные лекари. Кстати, а кто во дворце лекарь? Я почему-то не помню.

– Манрех никому не доверял, – с удовольствием наблюдая, как бережно высокий дагорец усаживает на диванчик его госпожу и уверенно усаживается рядом, доложил дворецкий. – Его целителем был придворный маг или секретарь. А где лечатся все остальные, его не интересовало.

– И кто же вас лечил? – поддержал разговор Арвис, желая отвлечь Леаттию от произошедшего. Хотя у него и самого до сих пор стояла перед глазами жуткая картина.

– Городские лекари, кому на какого денег хватало. Но служанки бегали за зельями к старичку-травнику, у него милосердные цены.

– Листикор, – буркнула Санди, – известный хитрец. Служанкам и поварятам продавал настойки почти задаром, а они за это нахваливали его всем гостям.

– Госпожа хорошо разбирается в этом вопросе, – пятясь к двери, польстил магине дворецкий. – Позвольте уйти?

– Нет, погоди, – остановила его Леаттия. – У меня еще вопрос – а комнатка для лекаря есть?

– Можно устроить... – растерялся Памтсон. – А зачем?

– Чтобы каждый мог получить помощь и зелья, не выходя из замка, – пояснил внимательно следивший за этим разговором Арвис. – А сидеть там будут по очереди маги.

– Тогда проще сделать комнатку для дежурных магов, и пусть слуги обращаются к ним, – оторвался от бумаг Эгрис, устроившийся в сторонке за маленьким столом.

– Не проще, – возразила его жена. – Девушки к молодым магам не пойдут. Так и быть, взвалите на меня и это, а я тогда выпрошу у Миралины в помощницы ту девчушку с бантиком.

– Идите, Памтсон, – отпустила дворецкого Леаттия. – Прикажете обставить неподалеку от кухни комнатку для помощницы лекаря.

– Вот как нужно править! – поднял вверх палец Эгрис. – Всех выслушала и приняла свое решение. А теперь намекните нам по дружбе, пора уже за вас радоваться или мы зря надеялись?

– Пора, – ответил Арвис, спросив взглядом невесту. – Но радоваться сейчас неуместно. На нас напали... Рорн сейчас сам в этом разбирается.

– Я слышал женский крик, – нахмурился глава гильдии, – но тревожного сигнала не было. Думал, служанкам мышка почудилась.

– Паучок, – пробормотала Леаттия и передернулась всем телом, как от

озноба.

– Леа! – вмиг сгреб ее в объятия жених. – Забудь, не думай про него, звездочка моя. Рорн его уже сжег, все уже хорошо.

– Нам... – захлебнулась она наконец-то прорвавшимися рыданиями и горько забормотала: – А ей? Никак не вспомню, кто у меня убирал... Вроде молодая такая... была...

– Такая и осталась, – появился у стола Рорн, резко поддергал шнур колокольчика и сердито рыкнул: – Где там завтрак? И пусть несут побольше.

– Сейчас, – поспешно черкнул пару слов Эгрис и отправил дежурившему на кухне магу. Потом осторожно глянул на дракона. – Собираешься испугать поварят?

– Кинь на меня отвод глаз, – подтащив к себе вазу с фруктами, Рорн торопливо швырял в рот сразу по горсти винограда, – я почти сухой.

И только через полчаса, опустошив несколько блюд с пирогами, колбасами и ветчиной, спокойно пояснил старавшимся не глядеть на него магам:

– Девчонке нужно полежать денек, она уже здорова. Но произошедшее забыла – и не напоминайте.

– А нам узнать нельзя? – не выдержал сгоравший от любопытства Вельтон.

Они с Бензором и Лабертом пришли в столовую позже всех и о неприятностях могли только догадываться по хмурым лицам сотрапезников.

– Вам – нужно. Черный маг передал нам привет, мерзкое заклинание, называется «черная вдова». Сюда его пронесла сама служанка, но в чем именно – выяснить не удалось. Его можно вложить во что угодно, в яблочко, конфетку, пирожок или украшение. В первые минуты, пробудившись, оно требует очень мало магии, но по мере того как растет, жрет все больше. А кроме магии нужна жизненная энергия, проще – кровь. И замок для него – самое подходящее место, людей много и источник рядом. К вечеру тут был бы один огромный кокон.

– Но ведь заклинание должен был кто-то, как ты говоришь, пробудить, – недоумевающе смотрела на духа Леаттия.

– Ты быстро постигаешь тонкости магических законов, – одобрительно глянул Рорн, – и драконий дух начинает проявляться. Но не все заклинания срабатывают сразу. Изворотливые умы магов всех цветов изобрели десятки разных ловушек, от крохотных до целых катастроф. И способов пробуждения тоже много. Некоторые могут спать годами у

человека на полу или в горшке с цветком, пока не наступит их час. Иногда они пробуждаются голосом, или звоном колокольчика, стуком, свистом. Или просто пролитой водой. А «черная вдова» обычно пробуждается с первыми солнечными лучами. Следовательно, девчонка получила подарок или письмо поздно вечером либо рано утром. Сейчас я посмотрю свои следящие камни и скажу, когда она выходила за ворота, потому что вчера днем этого сюрприза тут еще не могло быть. Но я думаю, все же утром, потому что черный колдун убедился в существовании хранильницы только ночью. Значит, в то время как вы спасали жертв, он сидел где-то здесь, в Югрете.

Дракон смолк, испытующе поглядывая на магов, но они не спешили выкладывать свои догадки, хмуро ковыряясь в тарелках и неспешно допивая взвар.

– Раз он неподалеку и знает, что во дворце полно магов, то вряд ли всерьез надеялся, что одноразовая ловушка сожрет нас всех, – презрительно усмехнулся наконец Вельтон. – Черные маги самонадеянными глупцами не бывают. Такие до магистров просто не доживают. Значит, хотел припугнуть, вынудить вести переговоры, а там либо заманить в новую, более сложную ловушку, чтобы добить, либо получить источник. Но скорее первое, черные не любят оставлять за спиной врагов.

– Ты прав, – вздохнул Эгрис. – Он объявил нам войну и рассчитывает, что мы бросимся в бой. Но мы-то знаем, что черные никогда не начнут схватку, если не уверены в победе на всю тысячу белых камней. Следовательно, он основательно подготовился, и вряд ли начал заниматься этим в последние дни. Наверняка плетет паутину уже несколько лет и, раз решил бросить вызов, значит, просчитал все варианты.

– Воевать с ним сейчас нельзя, – поддержал главу Арвис. – Мы слишком мало о нем знаем. Я сейчас жалею, что мы отпустили Траниса, а не посадили в какую-нибудь надежную башню. Раз ему давно было известно о хранителях, негодяй, скорее всего, действовал заодно с колдуном.

– Он действительно был его преданным слугой и шпионом, – нехотя буркнул дракон. – Но куда я его не отпускал, на нем стоит особое клеймо. Таких давно уже не ставят в этом мире, вот вы ничего и не заметили. А мне еще тогда стало ясно, что черный нашел где-то старинную книгу заклятий и сумел в ней разобраться. И не прийти за ценным помощником он не мог, ведь тот знает намного больше простых горожан. Я отправил Траниса на необитаемый остров и поставил вокруг сторожевую

сеть. К сожалению, мой план провалился, колдун оказался очень осмотрительным и недоверчивым. Не стал спасать ученика, а попытался убить, но не своими руками – подослал мощных големов. Транис сумел их сжечь, но и сам сильно пострадал. Когда пришел в сознание и понял, что хозяин его все равно добьет, отправил мне зов. Предложил себя в рабы в обмен на жизнь. Это тоже старинный, давно не действующий здесь закон – если человек не видит выхода, он отдает себя тому, кто сможет защитить. Я забрал его.

Дракон произнес последние слова самым обыденным тоном, но, когда смолк, никто и не подумал возражать. Всем было предельно ясно – Рорн сейчас с ними не советуется и не ждет похвалы или попреков. Просто ставит в известность, и то лишь потому, что счел это необходимым.

– Он что-нибудь рассказал? – осторожно спросила Леа.

– Я сам влез в его память. Он служил невидимке – черному магистру, никогда не показывающему лица. Траниса продал ему учитель, Даггер, и маг почти ничего не знает о новом хозяине, но очень его боится. Я поставил ловушки везде, где они хоть раз встречались, но пока безуспешно. Давно мне не приходилось сталкиваться с такими хитрыми и бдительными врагами. Поэтому я усилил защиту, теперь в замок не залетит даже муха, если в ней будет пылинка магии. Но все равно будьте бдительнее. Арвис, канал я закончу сам. Ты отныне тоже хранитель и для черного мага – такой же лакомый кусочек, как твоя жена.

– Невеста, – озадаченно поправил его дагорец.

– Как только жених и невеста надевают зачарованные духом источника браслеты, союз считается заключенным, – невозмутимо пояснил дракон. – А торжественный ритуал можно провести когда угодно. Но лучше поспешите, это совет.

– Я один все проспал, – обиженно буркнул Бензор, – или это для всех новость?

– Доподлинно никто ничего не знал, – успокоил его Эгрис, – мы могли только надеяться.

– И я очень за вас рада! – весело подмигнула ошеломленным хранителям Санди и насмешливо добавила: – Придворных дам ожидает огромное разочарование, меня уже вчера пытали, есть ли у главного советника невеста.

– А тут есть придворные дамы? Никогда не замечал, – изумленно изогнул бровь Арвис и нежно поцеловал руку вспыхнувшей от такой откровенной ласки Леаттии. – Так пусть и дальше остаются незаметными – целее будут.

– Принцев я уже спасла, – притворно вздохнула герцогиня, – неужели теперь придется спасать своих фрейлин?

– Ого, – усмехнулся Вельтон. – Вот даже как! Но я тоже очень за вас рад, с первого дня понимал, что мне рассчитывать не на что.

– А мы как дураки надеялись, – буркнул Лаберт, вызвав этим признанием искренний смех магистров.

– Тогда я уйду, – предупредил дракон. – Кстати, по дворцу теперь бегает три десятка ласок. Разумеется, непростых, они могут учуять даже самую маленькую и хорошо спрятанную ловушку. Предупредите слуг и охрану. Дежурным магам я оставил на столе записку.

Он исчез по обыкновению моментально, а маги еще сидели, переваривая ворох свалившихся на них неприятностей и новостей, среди которых как-то терялось сообщение о свадьбе хранительницы.

Леа, притихшая у плеча приобнявшего ее теперь уже мужа, думала не о ритуале и наряде, в котором предстанет перед зачарованным огнем, а о горожанах, на которых вполне может напасть следующий паук или еще какая-нибудь гадость.

– Джарвис, – вдруг почти с вызовом проговорила Ирсана, и ее лицо побледнело от волнения, – ты можешь на меня обижаться, но я против. И Элайне не позволю сделать такой ошибки.

– Ты о чем? – нахмурился Арвилес, отметив, как напарница выделила их условные имена, явно давая понять, что сейчас они прежде всего – собратья по гильдии.

– О ритуале и свадьбе. Лайна – не бедная селянка и не белая сестра, чтобы выйти замуж мимоходом, между завтраком и обедом. У дракона свои интересы, а ей потом всю жизнь жить и править в герцогстве, и каждый раз, когда какой-нибудь никчемный купец или знатный сноб будет устраивать своей дочери роскошную свадьбу и приглашать на нее герцогиню, Леа будет вспоминать, что ее собственная свадьба была куцей, как у запертой в каземате преступницы.

– Санди! – дружно вскрикнули Леаттия и Эгрис.

Но пока хранительница, желая успокоить наставницу, искала достаточно учтивые и убедительные слова, глава гильдии уже оказался возле жены, подхватил ее на руки и исчез в неизвестном направлении.

– Мне очень не хочется вас огорчать, – медленно проговорил Вельтон и открыто глянул другу в глаза, – но сейчас Санди права. И Эгри это сразу сообразил, он ведь тоже поспешил жениться. Возможно, она сама отказалась от большого празднества, но это тот случай, когда надо не радоваться, что невеста такая неприятная, а волноваться, почему она

считает себя хуже других девушек?

– Я тебя понял, – коротко кивнул Арвис. – Тогда скажите мне, когда нужно устроить этот праздник?

– В начале новой луны, – подумав, предложил Бензор. – Как раз начнется лето, законное время свадеб, весной их устраивают только те, у кого особые причины. А вот объявить о помолвке и дате лучше уже сегодня, к такому значимому событию все дамы захотят сшить новые платья. Ну и важные гости успеют собраться, повара заготовят продукты, а мы придумаем и приготовим развлечения и церемонию.

– А дракон разрешит? – засомневалась герцогиня, безрезультатно пытавшаяся понять, кого послушать.

Если думать о том, как воспримут скоропалительную и скупую свадьбу соседние правители и подданные, то Санди, безусловно, права. А если вспомнить, как ей не хотелось вчера вечером расставаться с мужчиной, которого сердце как-то внезапно признало самым нужным на свете, то лучше провести официальный ритуал сегодня. Ведь если верить объяснению дракона, браслеты уже соединили их судьбы.

– Рорн нас поймет, – твердо объявил Арвис. – Ты больше всех достойна самого прекрасного праздника, и никто не вправе его у тебя отнять.

– У нас, – кротко поправила Леа, сделав окончательный выбор.

Раз внезапно обретенный любимый желает ее порадовать, пусть будет, как он хочет. Матушка всегда говорила, что от подарка радость двоим, получающему и дарящему. Разумеется, если дают и берут от чистого сердца.

Всего через час на всех площадях столицы и остальных городов и сел герцогства глашатаи важно выкрикивали слова ошеломившего жителей указа, подписанного новой правительницей. О всенародном празднике по случаю вступления герцогини Леаттии Брафортской в священный союз с главным советником Арвилесом Легерро, который состоится в первых числах летнего периода.

Ничто за последние годы так не взбудораживало страну. Все сразу сообразили, что до назначенного празднества осталось менее двух декад.

Ринулись проверять свои запасы купцы и ремесленники, хозяева дорогих харчевен, трактиров, булочных, чайных и мелких лавок. Срочно отложили пошив недорогой обыденной одежды и белья все портнихи и белошвейки, спешно закрыли магазинчики ювелиры, шляпницы и кружевницы, снимая с витрин дешевые товары и выставляя самые

изысканные и дорогие. Но больше всех встревожились торговцы мясом, сырами и разными винами, ожидавшие с приходом лета обычного падения интереса к своим товарам. Ведь ни для кого не секрет: как только начинают поспевать овощи и фрукты, жители почти поголовно переходят на более легкую пищу и разные морсы, соки и взвары из свежих яблок и вишен. И потому подвалы с мясом, колбасами и ветчинами к лету стоят полупустые. Но какой же праздник без румяного поросенка или нежного окорока? Значит, нужно срочно завозить все это, и в двойном размере, в указе четко сказано – столы на площадях накроют для всех жителей, а бесплатно каждый старается съесть втрое, а то и вчетверо больше обычного.

Глава семнадцатая

Ко второму завтраку Вимбольд во дворец не явился. Не прибыл он и к обеду, зато прислал вежливое послание с извинениями. Принц якобы почувствовал себя нехорошо, и лекарь запретил ему вставать с постели.

Вельтон едко заметил, что оставшийся с носом жених наверняка ждет от батюшки послания с инструкцией, следует ли ему оскорбиться и потребовать назад подарки или все же попытаться извлечь из неудачного сватовства хоть какую-нибудь выгоду в виде сделок и договоров.

Необычайно благодушный и умиротворенный Арвилес, впервые за последние годы не занятый ничем, кроме собственной личной жизни, ответил на это неожиданно резко:

– Решать, выгодны эти договоры или нет, отныне будем только мы. За триста лет все вокруг привыкли считать Брафортское герцогство обычной страной, причем весьма небольшой, и все чаще разговаривают с ним свысока, намекая на свою силу и неприятности, какие могут доставить, если не выполнить их требований. Но теперь все мы знаем, что это не так, и значит, герцогине пора показать зубы. Не угрожать и не интриговать, а четко и открыто поставить всех на место.

– Ты прав, – кратко согласилась Леа и лукаво глянула на жениха, – и потому отныне все переговоры такого рода будешь вести сам. Начиная привыкать, через две декады все это станет твоими обязанностями.

– А чем тогда будешь заниматься ты? – осведомился Бензор.

Пользуясь тем, что в маленькой столовой не было никого постороннего, маги общались попросту, без титулов и расшаркиваний.

– Отдохнет, – рявкнул мгновенно ошетилившийся Арвис. – Может она хоть несколько лун пожить спокойно? Погулять по садам, покататься на яхте?

– Развлекаться, безусловно, приятно, – мягко согласилась Леа, – но я собираюсь сначала досконально разобраться в налогах и навести в них порядок. Как выяснилось, по указке Кайора чиновники накрутили столько сложностей в этом простом деле, что постепенно вся тяжесть бремени легла на плечи простых людей, селян, ремесленников и промысловиков. И получается – чем больше человек работает, тем больше он должен платить. Тогда как богатые бездельники, наследники имений и дворцов платят намного меньше, зачастую лишь налог на дороги, которые проходят через их земли. И потому стараются никаких дорог не строить и мостов не

возводить.

– Так я и думал, – усмехнулся Вельтон. – Небось дракон подбросил идею?

– И не одну. – Спорить у Леаттии не было никакого желания.

Арвис весь день был рядом, и хотя они занимались серьезными делами, писали указы и изучали начавшие поступать от советников отчеты, в перерывах успевали поцеловаться и пошептаться о сугубо личном.

– Кстати, как он там? – с деланным равнодушием осведомился Арвис.

– Работает как сумасшедший, – доложил Эгрис, за утро все маги, знающие, кто сегодня прокладывает канал, исхитрились побывать на стройке и своими глазами посмотреть на спрятанного под личиной дагорца дракона. – Но ты не расстраивайся, это не последняя стройка в нашей стране. И кроме того, самое главное там сделал ты. Придумать и начать любое дело всегда труднее, чем завершить почти готовое.

– Мне понравилось, как ты сказал, – ответила магистру Леа, незаметно ободряюще пожав руку любимого мужчины, – про нашу страну. Ты еще не думал, как перевести темную гильдию в герцогство?

– Думал, – всего на миг изумился глава темных магов, – и даже намерен на днях собрать по этому поводу совет. Но сначала хотел спросить, где мы будем строить дома? Ты же знаешь, как любят жить темные.

– Возьмем каменистый пустырь на западной окраине, – уверенно ответил Арвис, и всем стало ясно, что он тоже размышлял над этим вопросом, – весь, до самого берега озера. У нас хватит сил собрать камни и выложить из них роскошную набережную, расчистить от камышей протоки и построить удобную, закрытую бухточку для яхт.

– Спасибо, заботливый наш, – ехидно ухмыльнулся Вельтон. – Удружил по-родственному.

– Мудрое решение, – задумчиво произнес Эгрис. – Нам на самом деле нельзя занимать лучшие земли. Сразу пойдут разговоры, что герцог старается только для своих. А вот если мы сделаем сад на неудобьях, прижмут хвосты даже рьяные противники гильдии. Но сейчас пока об этом рано думать, займемся после свадьбы.

Все согласно примолкли, отлично понимая, что, говоря о празднике, магистр имеет в виду черного колдуна, который притаился где-то неподалеку. И, уверенный в своем праве заставить хранительницу открыть ему вождеденный источник, ждет лишь удобного случая.

Вечер подкрался незаметно, Леа даже удивилась, обнаружив, что солнце уже скатилось к горизонту. Уже давно ее дни не пролетали так

стремительно и не были так наполнены жизнью и душевным теплом.

После обеда ее навестили с поздравлениями почти все знатные и влиятельные люди столицы. Хотя до посвященного помолвке официального приема было еще два дня и, следуя этикету, долго никто не задерживался, спонтанная аудиенция заняла почти три часа.

Разумеется, больше всего их интересовал Арвис, и почти каждый гость попытался осторожно выяснить, насколько повезло в этот раз их герцогству. Господа отходили от невозмутимого дагорца, придирчиво взиравшего на них синими глазами, с отчетливым пониманием, что это не они изучали будущего правителя, а он их. А дамы, почти не таясь, завистливо вздыхали и опасливо шептали подружкам, что бывшей графине явно благоволит светлая Тэйлодита, богиня семьи и плодородия.

Приглашать на ужин Леа никого из них не стала, не было среди этих людей тех, кого она хотела бы видеть без особой на то причины. Те из друзей ее родителей, которые при Кайоре подвергались гонениям, пока не успели добраться до столицы, хотя по совету Бензора всем им были отправлены внушительные суммы в виде компенсации. А жившие неподалеку спешно шили и покупали одежду, явно не желая служить подушечками для острог придворных.

И все же без гостей обойтись не удалось. В тот миг, когда серебряный колокол позвал обитателей дворца на ужин, перед воротами открылся портал, и из него вышла толпа магов в белых одеждах. Пятеро мужчин и две женщины.

Спокойно и уверенно приблизились к воротам и сообщили, что желают видеть герцогиню Брафортскую, так как имеют для нее очень важное сообщение. Сидящие в привратницкой башне маги немедленно доложили Эгрису, и через пару минут новость знали все советники, успевшие собраться в столовой, но еще не приступившие к трапезе.

– Кажется, я догадываюсь, кто явился, – мрачней, процедил Джарвис и смолк, обнаружив напротив себя дракона.

– Они сочатся предвкушением и заранее торжествуют, – предупредил тот и, схватив со стола кувшин с холодным взваром, опустошил его в несколько глотков. – Если хотите совет...

– Рорн, – вежливо перебила его Леаттия, вздохнула и, как с моста в воду, ринулась в выяснение отношений: – С тех пор как ты перестал быть духом, я считаю тебя другом, самым надежным и мудрым. И потому беспрекословно последую любому совету.

– А ритуал сегодня проводить не пожелала, – хитро прищурился он.

– Да, – не смутилась герцогиня, – и ты сам понимаешь почему. А еще,

извини за прямоту, мне показалось, что тот совет был проверкой. Возможно, на здравомыслие или на умение выбирать между личным и государственным, а может, просто на честность.

– Почти верно, – одобрительно кивнул Рорн. – Но на самом деле я проверяю, как раскрываются в тебе духовные качества драконов. Вернее, та капля, которую ты получила по наследству. И все замеченное меня радует.

– А Арвис? – осторожно поинтересовался Бензор.

– И он, – подтвердил дракон. – Потому духи и имеют право одобрять избранников или избранниц хранителей. Но сейчас мы говорим о белых магах. Думаю, им очень не понравилось ослабление источника, и они намерены убедить хранительницу вернуть им магию. Поэтому советую Леаттии их принять и выслушать, но ничего не обещать, а мне выдать приказ действовать по обстоятельствам. И не открывайте им секреты хранителей.

– Ну конечно не откроем! – мгновенно согласилась Леа и предупредила: – Но, возможно, у меня появится особое желание, когда они выскажут свои доводы.

Дракон насмешливо фыркнул, подмигнул ей и исчез, а Эгрис передал охране приказ пропустить незваных гостей, но не давать им никаких поблажек. И как в воду глядел. Услыхав предложение оставить на входе все амулеты и накопители, белые маги уставились на темных, как на злейших врагов. Шипели и сверкали оскорбленными взорами, но в конце концов смирились, хотя своих вещей чужакам не доверили. Сдали все одному из спутников, оставшемуся ждать на скамейке за воротами, и важно двинулись к дворцу.

Арвилес наблюдал за ними с балкона, прикрывшись отводом глаз, и едва не скрежетал зубами, одного за другим узнавая хорошо известных ему людей. Старших магистров, правивших в цитадели, где он когда-то жил, свою бывшую жену и ее младшую сестру, по уши влюбленную в него в те годы.

– Похоже, – мрачней, пробормотал Эгрис, – вся эта шайка прибыла по твою душу. Сделать они, разумеется, ничего не смогут, но грязными ногами потопчутся всласть. Может, посидишь где-нибудь в другой комнате, посмотришь через шар?

– Если я буду смотреть через шар, – с ненавистью процедил Джар, – они не увидят моего презрительного взгляда. И не услышат всех слов, какие мне хочется им сказать.

– Арвис, – крепче прижалась к нему невеста, нежно погладила крепко стиснутый кулак, – можешь говорить им все, что вздумается. Но не

забывай, я верю только тебе и отлично знаю, какой ты человек, поэтому какие бы они спектакли ни разыгрывали, меня этим не пронять.

– Спасибо, любимая, – с чувством выдохнул маг. – Только на это я и надеялся. Но очень горько осознавать, что люди, которым служил не за страх, а за совесть, собираются выкупать тебя в навозе ради собственной выгоды. Это в юности, когда еще был наивным и доверчивым, я считал, будто у старших магистров тоже ничего нет, кроме комнатенки в цитадели. А позднее узнал, что все они обзавелись замками и титулами, на случай если их дети или внуки окажутся бездарными. Разумеется, родители всегда мечтают сделать все возможное, чтобы дети не бедствовали, но у простых белых магов, каким тогда был я, даже монетки в карманах никогда не водятся. В те годы я верил, будто все пожертвования и деньги за амулеты и зелья идут в общий котел, но лишь много позже узнал, как сильно ошибался. Туда попадает лишь сотая часть.

– Пора идти, – деликатно напомнил Эгрис и первым ушел с балкона, давая влюбленным минутку побыть наедине.

Белые маги стояли посреди приемного зала, кося взорами на резные панели драгоценного розового дерева, столетиями сохраняющего нежный аромат, на роскошные занавеси харказского шелка, расшитые диковинными растениями и зверями, на широкий круг свисающих с высокого потолка магических светильников, заключенных в вычурные хрустальные сосуды.

– Ее светлость Леаттия Брафорт! – звучно провозгласил дворецкий, едва распахнулась двустворчатая дверь чуть сбоку от внушительного старинного кресла из кости и золота, за ночь загадочным образом раздавшегося вширь.

Леа величественно прошла к трону и устроилась с левой стороны.

– Его милость Арвилес Легерро! – возвестил Памтсон.

Идущий следом за невестой магистр невозмутимо сел рядом с ней.

Со стороны гостей раздался дружный болезненный вскрик, и одна из женщин рухнула в притворный обморок, а вторую заботливо поддержали спутники.

– Его милость Эгрис Дуарис Тагорно! – с каменным выражением лица объявил дворецкий.

И всех остальных объявлял так же невозмутимо, словно не видел показной суматохи белых магов.

Темные неторопливо проходили к своим местам, даже головы не повернув в сторону незваных гостей, уложивших спутниц на созданные ими тощие воздушные тюфячки и поивших какими-то зельями.

– Гарлис, Лакод и Уварн, старшие магистры Белой цитадели Лима, столицы королевства Гестон, – представил Памтсон гостей, когда все советники заняли свои места, – и сопровождающие их лица.

Не учить имена посетителей, не имеющих титулов, званий и особых заслуг, позволил дворецким еще прадед Кайора, и с тех пор старшие слуги пользовались этой уловкой по собственному усмотрению.

– Добрый вечер, уважаемые коллеги, – сухо вато поприветствовал белых магов Эгрис. – Ее светлость разрешает вам сесть.

Ряд кресел скользнул к гостям, но они дружно сделали вид, будто не слышат, и даже не пошевелились. Стояли, гордо задрав носы, и мерили Арвиса презрительными взорами.

– Как низко может пасть человек, снедаемый мстительностью и подлостью, – желчно выплюнул наконец Гарлис и с наигранным огорчением поджал тонкие губы. – Ваша светлость, вы впустили в ваш дом и ваше сердце ядовитую змею, и мы пришли открыть вам глаза.

– Ложь, – скучающе произнес Бензор, вместе с силой получивший от духа усиление способности ощущать истинные эмоции. – На самом деле ничего такого он не думает.

– Как низко пали белые маги, – сокрушенно вздохнул Вельтон, передразнивая гостя. – Ради выгоды готовы лгать правительнице в присутствии толпы верховных магистров, отлично чувствующих ложь.

– Ты никогда не имел таких способностей, черный, – едко усмехнулся Уварн. – Иначе Даггер не выпустил бы тебя из своей башни.

– Поразительная осведомленность, – ледяным тоном произнесла Леаттия, решив, что пора вступить в разговор. – И все же вы ошибаетесь. Но это сейчас не имеет никакого значения. Важнее другое. Вы явились сюда с целью оболгать и опорочить моего жениха, которого я знаю как самого честного и достойного мужчину и мага. Поэтому на эту тему я не желаю слышать больше ни одного слова. Но если у вас есть другие вопросы, вы можете их задать.

Белые обменялись быстрыми взглядами, и вперед выступил Лакод.

– Мы предвидели, что любовь затмит вашей светлости разум, – трагически кривя губы, заявил он, – и принесли вам доказательство... вот оно.

В руках мага появилась рваная детская рубашка, покрытая бурными пятнами.

– Что это? – нахмурилась Леа, не собираясь давать воли сразу возникшим у нее нехорошим подозрениям.

– Разве жених не доложил вашей светлости, что у него уже есть семья?

Жена, сын и привороженная любовница. Женщины здесь, можете их допросить, а мальчик... К сожалению, дети узнали, что по воле его отца у них не будет сладкого...

«Рорн!» – мысленно позвала Леа, стараясь не смотреть любимому в лицо.

«Слышу, – рыкнуло у нее над ухом. – Скажи им все, что тебе хочется, у тебя есть две минуты».

– Жених рассказал мне о сделанном им выборе между жизнью ребенка и вечеринкой бездельника. – Голос герцогини звенел под сводами зала, словно замороженная сталь. – И как за это вы вышвырнули его из цитадели и из семьи. Про отказ его жены следовать за мужем в радости и печали, как завещано священным союзом, я тоже знаю. Известно мне и о том, что вы не признаёте древних законов и превратили в одуроченных рабов сотни одаренных братьев, набивая золотом собственные сундуки и скупая замки и поместья. Даже о короле, которого держите за горло зельем молодости. А еще я знаю, что ваш источник скоро иссякнет окончательно, если вы не осознаете подлость своих грязных интриг и не вернетесь на путь истинного добра. Но думать об этом вы будете дома. И когда найдете правильный ответ, можете прийти сюда еще один раз. Последний.

Под куполом зала раздался раскат грома, сверкнули молнии, и взметнулись от яростного ледяного порыва вышитые занавеси. А в следующий миг все стихло, ярче вспыхнули померкшие светильники.

Посреди зала больше не было ни магов, ни их спутниц, так и не успевших доиграть свои лживые роли.

Зато стоял дракон, держа в огромных руках худенького босоногого мальчика в обтрепанной, застиранной одежде. Светлые спутанные волосы ребенка рассыпались по могучему плечу, с которого, больно рая души присутствующих, безжизненно свисала тонкая исцарапанная ручка.

– Что с ним? – рванулся с места дагорец и замер, боясь услышать страшный ответ.

– Спит, – непривычно тихо шепнул Рорн и лукаво улыбнулся. – Они его просто заперли и закрыли тройным щитом.

– Наивные, – ехидно ухмыльнулся Вельтон. – Вот пусть теперь поломают головы, как ему удалось сбежать.

– Можно?.. – хрипловато спросил Арвис и встревоженно оглянулся на любимую.

Но она уже спешила к нему и улыбалась так светло, что сердце мага обдало мягким теплом.

– Думаю, его лучше отнести в небольшую комнату, чтобы не

испугался, искупать и переодеть, а потом накормить, – посоветовала Санди и, покосившись на мужа, решительно добавила: – А нам придется сегодня поужинать без вас.

– Спасибо, – кивнула ей Леаттия, сразу оценив правильность этого совета.

В спальню на третьем этаже, по соседству с собственными покоями, Арвис нес сына сам, сам и будил, взглядом попросив у невесты прощения.

А она и не подумала обижаться, прекрасно понимая, что уверенные в своей недосыгаемости белые успели настроить мальчишку против отца. Уселась на диване в соседней гостиной, выдала служанкам указания насчет одежды для ребенка и ужина и негромко окликнула Рорна.

– Что тебя беспокоит? – немедленно появился он в стоящем неподалеку кресле.

– Жизнь этих людей, магов, их жен и особенно детей. Арвис говорил, что по вечерам в их цитадели весело и хорошо, а мне почему-то эта жизнь видится мрачной и беспросветной. И возникает вопрос, можно ли им чем-то помочь, а главное, имею ли я право вмешиваться в чужие дела и не сделаю ли им хуже?

– Ты задала самый сложный вопрос из всех, какие когда-либо волновали совестливых и истинно благородных людей, – усмехнулся дракон и с неожиданным вздохом добавил: – Да и разумных существ других рас – тоже. Нужно быть очень осмотрительным, никогда не рубить сгоряча и не решать все за тех, о ком беспокоишься, если не хочешь навредить. Я знаю тысячи примеров, когда движимые благими целями люди приводили к гибели тех, о ком радели, самих себя и даже целые народы.

– Но мы все же забрали у них энергию, – ответно вздохнула Леаттия, – значит, уже сделали кому-то хуже. И я догадываюсь, кому, раз эти белые интриганы готовы восстановить против нас детей и самых слабых обитателей цитадели.

– Я долго сомневался, – серьезно кивнул бывший дух, – прежде чем принять такое решение, и приготовил несколько сюрпризов на случай, если они не захотят менять свои привычки. Пусть не сразу, постепенно, но мы их убедим в бесполезности сопротивления и ни одного шага больше не сделаем первыми. Только в ответ на их шпильки.

– Спасибо, – с чувством поблагодарила хранительница, но в кресле напротив уже никого не было.

Зато запахнулась дверь спальни, и в гостиную, опасливо озираясь, вышел бледный мальчишка лет шести. За ним на небольшом расстоянии

следовал Арвис, и, судя по его хмурому лицу, особого взаимопонимания они с сыном пока не достигли.

Леаттия внимательно рассматривала неуверенно приближавшегося мальчика и волновалась все сильнее. С детьми она встречалась, когда сама была такой же, а в последние годы не видела их вообще, только издали, из оконца коляски. Беспризорники Миралины, которых хранительница навестила три дня назад, в счет не шли, они были другими, более осторожными, дикими и одновременно более ушлыми. Как сказала с печальным вздохом целительница, самостоятельная жизнь заставляет детей учиться выживать, и потому они взрослеют намного быстрее.

А сын Арвиса жил в двойной семье, в окружении хотя и строгих, но заботливых родственников и братьев по убеждениям, и, несомненно, уверен, что они – самые лучшие и правильные.

Все дети так считают, даже выросшие в бандах, промышляющих на дорогах Харказа, ведущих в Иль-Хозэд, столицу Аларии. Были случаи, когда их ловили охранники обозов и привозили в Югрет. Приручить этих злобных зверенышей было намного труднее, чем диких степных котов.

– Здравствуйте... – С худенького личика настороженно смотрели на герцогиню так хорошо знакомые ей синие глаза, и в душе крепла благодарность к дракону.

Теперь она ясно понимала, что никогда бы ее любимый не был до конца счастлив и спокоен, пока его сын оставался рядом со своей матерью и теми, кто так грубо походя разрушил чужую жизнь. Из-за денег, как теперь стало понятно, но, прикрывшись при этом якобы незыблемым правилом невмешательства в волю богов.

– Добрый вечер, – тепло улыбнулась девушка отмытому и причесанному ребенку, одетому в слегка великоватые вещи. – Меня зовут Леаттия. А тебя?

– Лес, – пристально разглядывая красивую девушку, буркнул он. – Вы графиня?

– Леаттия – герцогиня, – спокойно поправил сына Арвис, взмахом руки придвигая ближе к невесте накрытый стол и два кресла. – А его зовут Танельс. У него с рождения были способности, поэтому я выбирал имя мага.

– Значит, Тан или Тано, – серьезно кивнула Леаттия. – Магам и знатым людям не положено брать имена с обрезанным началом. Чего тебе хотелось бы съесть, Тан?

– Не знаю. – Завороженно рассматривая затейливо украшенные блюда, ребенок украдкой косился на отца.

– Сначала горячее, так учили меня родители, – снял крышку с гусятницы Арвис. – И побольше мяса. От него мальчики хорошо растут.

Невозмутимо подцепил огромный кусок и положил сынишке. Потом добавил всего, что считал самым вкусным, и угомонился, лишь когда воздвиг на тарелке целую гору.

– Я столько не съем, – еще вяло бормотал Танельс, а сам уже втыкал вилку в румяную котлетку.

– Сколько хочешь, столько и ешь, – подарив жениху укоризненный взгляд, сочла нужным предупредить Леа. – У нас нет правила обязательно доедать все до крошки.

Ребенок только молча кивнул, его рот был забит едой. Хранительница не стала его смущать, и трапезу они продолжили в молчании, не считая же за беседу учтивые просьбы или замечания.

После ужина мальчишка как-то слишком быстро начал зевать, и Арвис увел его укладывать спать. А вернувшись, сел не рядом с невестой, а напротив, и некоторое время мрачно вздыхал, набираясь решимости.

– Ты его усыпил? – наконец не выдержала Леаттия.

Наблюдать, как мучается любимый мужчина, было свыше ее сил.

– Да, – нехотя признался он и, бросив на нее несчастный взгляд, тихо выдавил: – Нам нужно поговорить.

– А разве мы сейчас молчим? – попыталась обратить все в шутку хранительница, но маг сморщился еще сильнее.

– О нашей свадьбе... теперь я тебе не подхожу. Тебя будут осуждать все кому не лень, когда узнают, за кого ты вышла замуж. Я не могу этого допустить.

– Если бы я была магинею, – помолчав, печально сообщила Леаттия, – то сейчас попыталась бы тебя сжечь. Если одной из юных фрейлин – уже бежала бы на самую высокую башню, чтобы прыгать наверняка. А на своем месте очень хочется полить тебя взваром... но это мне очень не понравилось. Поэтому скажу просто: ты оскорбляешь меня подозрением, будто я смогу от тебя отказаться из-за мальчика.

– Но я лишь хочу тебя уберечь от злых языков и презрительных взглядов! Герцогини не выходят замуж за тех, кто не сумел отвоевать собственного ребенка! А спрятать его и навещать раз в день или отдать в Гайртон учителю не могу... Белые очень постарались представить меня сыну подлым монстром, и теперь я должен завоевать его доверие.

– Только час назад на этом самом месте один очень привлекательный мужчина рассказывал мне, сколько трагедий случилось из-за желания людей облагодетельствовать других так, как кажется правильно им! – не

выдержав, рявкнула Леаттия. – И я уверена в его правоте. И в том, что твой выбор никому не принесет счастья. Ты можешь представить, как я выхожу замуж за Вимбольда, позволяю ему себя обнимать и целовать, носить на руках?

Магистр помрачнел как туча и скрипнул зубами.

– Или думаешь, я сама могу представить кого-нибудь на твоём месте? Да защита теперь сожжет любого, кто попытается взять меня за руку! Значит, мне предстоит навсегда остаться старой девой, брошенной женихом перед самой свадьбой. Вот тогда действительно в меня некуда будет иголки втыкать.

– Леа!.. – бросился к ней дагорец, подхватил на руки, осыпал жаркими поцелуями. – Прости... я как-то сегодня поглупел... от ярости, наверное. Эти подлые белые мыши умудрились несколькими словами убить во мне все хорошее, что я хранил в памяти о прожитых с ними годах.

Но герцогиня не желала больше слушать про незваных гостей, сумевших полить ядом их счастье, заставить страдать и ссориться. Ей хотелось снова ощутить себя самой нужной и самой любимой, опять потерять счет времени, задыхаясь в нежных и горячих поцелуях.

– А кто это тут был... – с трудом отстранившись от восхитительно порозовевшей и растрепанной невесты, Арвис вспомнил резанувшее душу слово, – очень привлекательный?

– Она мне польстила, – ничуть не смущаясь признанием в подслушивании, буркнул, появившись в кресле напротив, Рорн. Оглядел стол, ухватил гусятницу и поставил перед собой. – Нормально поесть не успеваю.

– А что ты делал? – приводя в порядок прическу, заинтересовалась хранительница.

– Гулял по цитадели белых магов и устраивал ловушки, – безо всяких угрызений совести сообщил он. Поднял взгляд на насторожившихся хранителей и усмехнулся. – Пока я был духом, у меня был только разум, а как только стал материален, прорезался характер. И появились вещи, которых я никогда не стану терпеть и никому не прощу. На первом месте – подлость и жестокость в обращении с детьми и женщинами. А когда я ходил к белым за ребенком, мне очень не понравились некоторые порядки цитадели. Там ни у кого нет времени на себя, кроме пары часов после ужина. Старшие магистры скрашивают это вечерними посиделками и праздничными обедами, но от каждодневных обязанностей никто из обитателей нижних этажей никогда не освобождается. Кроме тяжелой болезни, но лекари там очень сильные.

– Да, – хмуро подтвердил Арвис, – все дети уже с четырех-пяти лет начинают помогать взрослым. Следят за малышами, приносят мелкие вещи, заправляют свои постели, подметают пол и стирают пыль. Разумеется, это неплохо, если у ребенка остается время на игры, шалости и интересные занятия. Рисование, постройка игрушечных башен и катание на пони. Или на санках. Но в цитадели этого очень мало, потому что мужчины весь день в городе, в окрестных селах и поместьях, а огромная цитадель – на женщинах. Они ведь почти не покупают продукты, держат свиней и коров, овец и кур. Сажают овощи и злаки, вяжут теплые вещи и даже валяют обувь. И еще куча разных обязанностей, и все ради того, чтобы сэкономленное золото рекой текло в сундуки нескольких избранных.

– Нет у них больше сундуков, – небрежно заметил Рорн, отставляя пустую посудину и подвигая ближе чашу с котлетами и блюдо пирогов. – Я все спрятал. Но часть денег раздал торговцам и велел отправить в цитадель детские вещи, игрушки и всякую мелочь вроде бумаги для рисования и книжек с картинками. Потому что точно знаю: детьми, которые с детства привыкли думать логически и сами находить ответы на все вопросы, невозможно управлять, как зачарованными болванчиками.

– Тогда они явятся сюда очень скоро, – мгновенно сделал вывод Арвис. – Старшие магистры весьма сообразительны.

– Пусть приходят, – сердито фыркнула Леа. – Надеюсь, у них хватит ума не обвинять нас в своих пропажах?

– Они собирались предъявить ультиматум, – выдал белых дракон.

– И чем собираются угрожать? – Арвис невольно крепче прижал к себе любимую, словно его бывшие собратья могли отобрать ее прямо сейчас.

– Ничем особенным, – презрительно ухмыльнулся Рорн. – Всем тем, чего боятся сами. Разоблачениями, угрозами.

– Чем будем отвечать?

– Найдем, – зловеще пообещал дракон, отставил очередное пустое блюдо, вытер губы салфеткой и заинтересованно уставился на мага. – Скажи, что ты думаешь о верховном магистре белых?

– Что раньше думал или теперь подозреваю? – ответил вопросом тот.

– Все.

– Раньше я считал его мудрым и справедливым, как... ну, как ты. И занятым очень важными делами, думами о благе своих братьев. – Арвис горьковато усмехнулся. – Но когда меня выгнали и он даже не ответил на мои послания, начал в этом сомневаться. А после того как познакомился с Эгрисом, стал понимать, что глава гильдии, который сидит в своей башне и выходит оттуда только по самым большим праздникам, на

самом деле абсолютно равнодушен к тем, чьими жизнями правит. К Эгрису может прийти любой, даже новичок или родители ученика, если они недовольны решением его помощников. И он для каждого найдет минутку, хотя еще и берет самые трудные контракты. Вот последние пять лет под личиной служил Кайору придворным магом, у него чутье на всякие подозрительные события. И помолвка Кайора показалась очень странной – после смерти жены он мог выбрать любую из соседних принцесс, а уцепился за Леа. Вот потому я постепенно перестал считать Руалиса идеалом белого мага, а теперь он и вовсе мне кажется темной лошадкой. Ведь не может же не знать, куда его помощники девают золото, полученное за зелья, амулеты и в виде пожертвований? Значит, и сам тоже в доле. И тогда понятно, почему он целыми днями не выходит из башни. Наверняка, как Эгрис, уходит куда-то, где ему интереснее.

– Проверю, – задумчиво кивнул дракон и исчез, не прощаясь.

Глава восемнадцатая

Разбудил Леаттию буйный летний ливень, шуршавший по окнам, выходящим в сторону озера. Когда-то, очень давно, такие дожди случались в этих местах довольно часто, не реже пары раз за луну, но в последние два столетия стали очень редким явлением. Леа даже не помнила, когда видела, чтобы вода струилась по стеклу сплошным потоком.

«Наверное, с такими ливнями и канал будет не нужен», – острым сожалением кольнула душу непрошенная догадка. Почему-то хранительнице очень не хотелось, чтобы Арвис признал свою работу бессмысленной.

Вечером они с трудом расстались, вернее, невероятная выдержка дагорца, упорно не желавшего превратить их свадьбу в бессмысленный фарс, победила его разгорающуюся жарким пламенем страсть.

В тот момент Леа чувствовала смутное разочарование, а вот сейчас, на свежую голову, как никогда отчетливо признавала правоту любимого мужчины. У них и так очень неравный союз, по меркам ханжей и мещан, а если просочится слух о совместно проведенных ночах, все будут убеждены, что ушлый темный маг приворожил наивную девочку. И пусть бы они так думали и сплетничали между собой, но ведь начнут разносить по всем странам, правители которых потом попытаются уколоть своей осведомленностью, когда заявятся в Брафорт предъявлять ультиматумы и требовать усиления источников.

Ведь все они уверены в одном: раз магия ничья, значит, выходы энергии может занять тот, кто сильнее. Так, как захватывают богатые уголья и золотоносные ручьи, рудные жилы и целебные источники, ничуть не сомневаясь в своем праве. Им никогда даже в голову не придет, что, оставляя в их мире нетронутыми все эти богатства, высшие расы заботились обо всех жителях, а вовсе не о наглых выскочках.

Размышляя об этом, герцогиня не сидела без дела. Умылась и оделась в подаренный Рорном наряд, сделала скромную прическу и направилась в комнаты Тана, ни секунды не сомневаясь, что найдет Арвиса именно там.

Он и в самом деле сидел в гостиной, что-то чертил на большой карте города и изредка поглядывал на открытую дверь спальни.

– Доброе утро, – полюбовавшись на его серьезный профиль, шепнула хранительница.

Во взгляде устремленных на нее синих глаз мелькнула легкая тень вины, тут же сменившаяся жарким восхищением, и Леа тотчас смущенно

вспыхнула в ответ:

– Не смотри на меня так...

А он и не смотрел – уже притянул к себе воздушным смерчиком и утопил в торопливых, жадных поцелуях.

– У меня вчера было временное помрачение рассудка, – со смешком шептал Арвис, прерываясь на короткие мгновения. – Если я еще раз скажу, что смогу без тебя жить, вылей на меня весь взвар, какой найдешь.

– Не сомневайся, – выравнивая дыхание, с деланой свирепостью пообещала Леа. – Вылью не только взвар.

– Прости... – вдруг насторожился маг. – Он проснулся...

– Пойдем вместе, – вцепилась в его руку Леа. – Он теперь и мой сын, и оставаться в стороне я не собираюсь.

– Звездочка моя... – на миг прижав к себе невесту, выдохнул ей в висок дагорец, – где я был раньше?

– Учил меня алхимии, – лукаво засмеялась хранительница, и сама истово жалевшая о потраченных на Кайора годах.

– Олух, – шепотом вынес себе приговор Арвис, заглядывая в спальню.

Тан уже сидел посреди внушительной кровати, глядя в залитые дождем оконные стекла, и тощей фигуркой с взлохмаченными, неровно постриженными волосами чем-то напоминал взъерошенного воробьишку.

– Доброе утро, сынок, – позвал Арвис, и худенькие плечи дернулись, как от удара. – Идем, я покажу тебе умывальню.

Мальчишка обреченно подвинулся к краю кровати, и Леа вдруг сообразила, что сейчас эти двое уйдут, а она так и останется стоять, ожидая их возвращения и чувствуя себя лишней.

– Доброе утро, сынок, – нарочно уколола она мага. – Прежде чем идти умываться, быстро скажи мне, какая у тебя самая любимая праздничная еда?

– Колбаса и вафли с начинкой, – огорошено сообщил мальчик, слез, нацепил домашние туфли и направился вслед за отцом к двери в умывальню. А уже почти дойдя, оглянулся и осуждающе добавил: – Но сегодня не праздник!

– Ошибаешься! – весело крикнула вслед ему Леа. – В нашем герцогстве сегодня сразу три больших праздника!

И отправилась выдавать указания служанкам.

Когда из спальни показались Арвис с сыном, все было готово. Но не в гостинной, прятать ребенка от магов и всех остальных Леа не собиралась. Более того, ей пришла в голову замечательная мысль, и она очень порадовалась, что так подробно изучала обычаи соседних стран.

– Завтракать идем в столовую, – приветливо улыбнувшись ребенку, Леаттия поднялась с кресла. – В своей гостиной ты можешь пить чай и есть фрукты, когда захочешь.

Она двинулась к двери первой, давая возможность Арвису идти рядом с сыном. Однако маг решил иначе.

В два шага догнал ее, подхватил под руку и нежно коснулся виска губами. А в ответ на удивленный взгляд лишь весело прищурился, явно не собираясь сейчас ничего объяснять.

Так они и вышли в широкую галерею, где еще горели светильники, разгоняя полумрак дождливого дня.

– Доброе утро, – встретил их сидевший у высокого окна Лаберт. – У меня важное сообщение.

– Сначала познакомься с нашим сыном, – подмигнула ему Леа. – Это Танельс. Тан, знакомься, это мой секретарь и друг Лаберт.

– Лес, – хмуро подал ладошку мальчишка.

– Лаберт, – уверенно пожал ее маг и, внимательно разглядывая ребенка, не согласился: – Неправильно себя называешь. Ты, во-первых, одаренный, во-вторых – сын герцога. Чужие должны звать тебя полным именем, а нам разрешается его сократить... но не с начала. Поэтому привыкай быть Таном.

– И пока мы не ушли, – с той же улыбкой добавила хранительница, – запомни эту комнату, это теперь твои покои. Здесь на всех дверях разный узор. Разумеется, в первый раз тебя кто-нибудь проводит, а потом ходи сам, ты ведь уже не малыш.

– Куда мне можно ходить? – недоверчиво сузил синие глаза ее нежданно обретенный сын.

– Куда хочешь, – пожалала она плечами. – Весь замок в твоём распоряжении. Но в спальни к магам и в башню главы гильдии тебя не пустят щиты, а в комнаты гостей без разрешения входить не положено, ты же это знаешь?

Крепче прижалась к локтю дагорца и направилась к выбранной на сегодня столовой второго этажа.

Предупрежденные слугами советники уже были там, рассматривали мутные от ливня окна и стол, щедро уставленный едой. Абсолютно не такой, какую предпочитало большинство из них по утрам. Вазы со сладостями, пирожными и шариками мороженого, разнообразные мясные блюда и закуски, горки канапе и таралеток с разными начинками. Наверняка Присту пришлось опустошить холодную кладовую ради прихоти герцогини, но ее пожелание он выполнил в точности.

– У нас сегодня три больших праздника, – входя в столовую, объявила Леаттия. – Танельс наконец встретился с отцом. А мы обрели сына. И еще один – сегодня первый ливень за многие годы, и это вестник возвращающейся в герцогство благодатной погоды и больших урожаев.

– Мы вас от всей души поздравляем, прибавление в семье – это прекрасное событие, – с чувством заявил Эгрис. – Но есть и четвертый повод для празднования. Ночью маги закончили канал Арвиса, и сейчас по нему уже бежит в бассейн вода. Народ толпами ходит смотреть, не обращая внимания на дождь.

– Там кто-нибудь дежурит? – забеспокоилась Леа. – В воду никто не упадет?

– Пока мы закрыли его щитами, – отозвался Лаберт, – а потом берега будут защищены каменными и коваными оградами.

– Тогда давайте праздновать, – поспешила закончить деловые разговоры герцогиня, заметив восторженный и одновременно неверящий взгляд ребенка, устремленный на выставленное угощение.

Вначале Тан вел себя опасливо и настороженно, явно стесняясь внимания толпы хорошо одетых магов. Да и непривычная одежда, какой утром оказался забит шкаф, тоже смущала и огорчала мальчишку. Не ходили младшие дети Белой цитадели в новеньких нарядных шелковых рубашках и бархатных брючках. Они же еще неуклюжие, могут облить или даже порвать хорошую вещь. Хватит им и обносков со старших, немного обрезанных и собранных под обычный шнурок полотняных рубах и штанов.

Но постепенно забыл об этом, да и сложно помнить, что ты попал сюда по ошибке, когда со всех сторон подкладывают невероятно соблазнительные и редкие деликатесы. И потому, наевшись так, что начал давить пояс штанишек, мальчонка сполз со стула и тихо спросил у отца, что ему делать.

– Сейчас поедem смотреть канал, который построил твой отец, – пояснила ему красивая улыбчивая девушка с такими же, как у отца, глазами, называвшая Тана сыном.

«Какой я ей сын!» – фыркнул Танельс про себя. Хотя за последние три дня не раз слышал, как старшие мальчишки зло шипели вслед, что его отец – подлый предатель, бросил завещанное святыми духами дело ради беззаботной жизни и распутной самозванки. Тан даже догадывался, что это очень нехорошие слова, но никого ни о чем не спрашивал. Давно сообразил, что за любопытство можно получить гораздо более строгое наказание, чем за разлитую похлебку.

– А работа у меня какая будет? – не сдался мальчишка, и лица магов разом помрачнели.

– А чем бы ты хотел заниматься? – присела на соседнее кресло Санди.

– Я могу полоть... – Тан глянул в окно и шмыгнул носом, сообразив, что в такую погоду это просто невозможно, – полы мыть, мусор собирать. Лучше всего крупу перебирать, – добавил он безо всякой надежды.

Все знают, что это работа для самых младших и девчонок.

– Но ты же теперь сын герцога, – с чуть насмешливой добротой смотрели на него серые глаза магини. – Поверь мне, здешние слуги очень удивятся, если ты начнешь отбирать у них работу.

– Это неправда, – почему-то решился довериться ей Тан, – я не сын герцога.

– Самая настоящая правда, – заявил маг, казавшийся старше других. – Я, Эгрис Тагорно, глава гильдии темных магов, торжественно подтверждаю, что ты – родной сын Арвилеса Легерро, нового герцога Брафортского.

– А у нас говорят... – Мальчишка вдруг испугался своей смелости, побледнел и задрожал.

– Могу себе представить, – решительно обняла его Леаттия, – какие гадости они там сейчас сочиняют. Лучше скажи мне, ты читать умеешь?

– Нет, – тихо пробормотал Тан. – Только свое имя – Лес.

– Твое имя – Танельс, и его ты ни читать, ни писать не можешь, – вздохнула девушка. – Значит, с завтрашнего дня главным твоим делом будет учение. Всему – истории и письму, чтению и верховой езде. И, конечно, магии. Ты одаренный и должен уметь управлять своим даром. А сегодня будем праздновать, сам слышал, сколько для этого поводов. Но сначала я объясню тебе про твоего отца. Он из Дагора, а там есть обычай оставлять младенцев матери, если родители вынуждены расстаться. Поэтому когда твоего отца выгнали из цитадели за то, что он спас жизнь вот такому малышу, как ты, Арвис оставил тебя там, и ты жил с матерью шесть лет.

– Я не маленький, уже два года живу в казарме, – поправил ее Тан. – У Косси новый малыш, и там тесно.

Арвис резко отодвинул зазвеневший бокал.

– Тем более, – поддержала хранительницу Ирсана. – Значит, теперь очередь Арвиса заниматься твоим воспитанием. Только запомни: о том, что он по закону уже герцог, пока знаем только мы. Официальное празднование состоится через четырнадцать дней, и вот тогда это станет известно всем. Но ты же умеешь хранить секреты?

Задавая этот вопрос, Ирсана даже не сомневалась, что и Эгрис,

и дракон защитили мальчишку всеми возможными способами и проговориться он просто не сможет.

– Предлагаю отправиться к каналу в сфере, – глянув в окно, где никак не унимался дождь, заявила герцогиня. – До кареты мы, боюсь, сухими не дойдем.

– Может, лучше на полчаса накроем площадь куполом и перейдем порталом? – спросил подозрительно молчаливый Вельтон и вдруг как-то невесело пошутил: – Жаль, мне этого ученика не доверят.

– Ты глубоко ошибаешься, – тотчас возразил Арвис, сообразив, почему друг так считает. – Как раз ты был бы лучшим учителем, если бы согласился часть уроков уступить мне.

– По рукам, – поймал его на слове прокурор. – Я человек занятой и могу заниматься по утрам. Твое время – после обеда.

– А вы не слишком много собираетесь на него взвалить? – возмутилась вдруг Санди. – Он ведь еще играть и гулять должен! И сказки слушать, и комедьянтов смотреть! И еще... я хочу сделать ему ради такого важного события подарок. Скажи, Тан, ты хотел бы иметь собаку или котенка? А может, лошадь или слона? Тетя Ирсана подарит тебе всех, кого ты захочешь.

– А убирать за ними буду я? – явно заподозрив подвох, уставился на нее мальчишка, и маги дружно захохотали.

Через несколько минут выяснилось, что никаких животных Тан не хочет. Летом ему, как и другим малышам, частенько выпадало пасти козлят и гусят, таскать им корм и воду, и он слишком хорошо знал, сколько с животными хлопот. И пока не верил, что кто-то будет вместо него расчесывать собаку и мыть ей миску. А вот от оружия бы не отказался, и почему-то больше всего восторгали юного мага не кинжалы, а игольные арбалеты, стреляющие далеко и точно при помощи магии. А еще его очень интересовали всякие инструменты и камнерезные станки. В Белой цитадели была мастерская оберегов и амулетов, но работали там в основном магини и старики, а детей и близко не подпускали, разве что на переборку камней, и то лишь одаренных девчонок.

– Тогда поставим тебе стол в моей мастерской, – поймав просительный взгляд Ирсаны, решил глава гильдии. – Но учить тебя мне, к сожалению, некогда. Я дам Арвису запасной ключ, он сам научит тебя всему, что придется по душе.

– А истории буду учить я, – решила Леа и вопросительно посмотрела на магов. – Ну, как мы отправимся на канал?

– Мы могли бы пойти порталом, – вздохнул Эгрис и многозначительно

глянул на хранительницу, – но тебя ведь от них тошнит?

– Уже нет, – с напускным легкомыслием отмахнулась она, не имея разрешения рассказывать всем нового секрета. – Можешь открывать.

– Как пожелаешь, – шутливо склонил голову глава гильдии и, с сомнением покосившись на ее наряд, не выдержал: – А переодеваться ты не будешь?

– Нет, – категорично отказалась хранительница и лукаво намекнула: – Я ввожу новую моду, чтобы знатным сплетницам было чем заняться.

Уже через несколько минут они дружной толпой стояли у овального бассейна, выкопанного посреди одной из просторных окраинных площадей. По узкому, всего пять шагов в ширину, каналу несли бурный мутный поток, щедро плескавший пеной на закрывавшие его щиты. Несколько молодых магов, держа над собой воздушные купола, бдительно следили, чтобы мокрые насквозь мальчишки не пробовали защиту на прочность. Разумеется, она выдержат и взрослого, но только неодаренного. А у любого из подростков вполне может вдруг открыться способность, и никто не решится предсказать, как тогда поведет себя несложное заклятие.

Народ не сразу рассмотрел сквозь струи дождя появившуюся на площади компанию, а обнаружив, подтянулся ближе: всем хотелось разглядеть мага, который скоро будет их герцогом. Хотя видели уже, когда он одним мановением руки ворочал огромные валуны, вывернутые из почвы магией, и плавил взглядом песок, готовя для воды надежное ложе. Но тогда подойти ближе не смели, да и помощники его были начеку. А вот сегодня, нарядный и чистый, он держит под руку всем знакомую Леаттию Брафорт, в одночасье превратившуюся из обыкновенной недалекой девицы сначала в преступницу, а потом, еще внезапно, – в избавительницу страны от постылого Кайора. И совсем уж неожиданно она стала герцогиней, заставив говорить о себе даже тех, кому до этого и в голову не приходило обсуждать собственного правителя и его поступки. Всем известно, как пронырливы и вездесущи соглядатаи Швензла.

С другого бока к будущему герцогу как-то испуганно жался худющий беленький мальчонка, вызвавший особый интерес нескольких любознательных кумушек из той категории, что не пропускают никакие гулянья и драки, любят все увидеть сами и рассказать так, как поняли.

Однако вплотную к Леаттии народ подходить не спешил, не дураки соваться к окруженной магами правительнице. Охнуть не успеешь, как станешь кучкой пепла.

Она сама им помахала, попросив Эгриса растянуть защитный купол.

А когда жители робко в него нырнули, маги и без ее намека высушили промокших людей.

– У меня сегодня большой праздник, – в ответ на нестройное приветствие широко улыбнулась герцогиня. – Мой жених наконец нашел своего сына. И теперь это наш общий сын. Еще Арвилес закончил канал, который вернет жизнь в эту часть города.

– Поздравляем! – выкрикнула бойкая горожанка среднего возраста. – Дети – всегда радость! Вот, значит, с чего он такой бледненький. А можно спросить, ваша светлость, какая будет цена воды?

– Вода для всех бесплатно, – серьезно пояснила Леаттия. – Цветущие сады и ухоженные огороды дороже золота.

– Спасибо, – оживились жители. – А можно еще спросить?

– Можно, – Леа снова не удержалась от улыбки, рассмотрев в глазах людей истинную благодарность и пока еще не уважение, но намеки на него, – а потом вы ответите мне на вопрос, хорошо?

– Тут дома скупали... – горожанка замялась, – для кого?

– Дама скупал главный прокурор, его милость магистр Вельтон, – не сомневаясь, наградила друга графским титулом правительница. – Вот он вам сейчас коротко пояснит.

– Дома теперь принадлежат городу, – едва заметно ухмыльнувшись, веско сообщил Вель. – И первыми их получают те, кто когда-то был вынужден из-за засухи продать жилье за бесценок и до сих пор ютится в хижинах. Причем я лично рассмотрю каждое прошение и могу заранее сказать – судить буду по справедливости. Самые большие дома получают многодетные семьи, которым по силам обработать землю и привести в порядок жилье. Семьи поменьше могут получить по половине дома, а одиноким старикам ее милость целительница Миралина выделит комнату в замке Гардез. Там тепло, есть купальни и лекари, кормят три раза в день. Подробнее объяснят чиновники в городской управе, и не стесняйтесь туда обращаться, все взяточники и мошенники уже получили по заслугам.

– А теперь мой вопрос, – полюбовавшись на задумчивые лица подданных, произнесла Леаттия. – Все, кто знает честного человека, подходящего на должность градоначальника, могут написать его имя на бумажке и бросить в специальный ящик, который уже висит возле управы.

– Да чего там писать! – выкрикнул один из стоявших в заднем ряду мужчин. – Ростовщик Горен Корзо. Справедливее в городе нет!

– Я уже слышал это имя, – сообщил Эгрис, – но засомневался – никогда не видел честных ростовщиков.

– Так сходи посмотри, – насмешливо посоветовали ему из толпы. –

Мы Горена не первый год знаем.

– Купцам он и впрямь дает деньги под залог и с процентами, – слышались со всех сторон объяснения. – А тем, кому негде на молоко ребенку взять или на лекаря, просто так помогает. Многим хорошую работу помог получить, от обирал отбиться, закладную выкупить. Да его все знают, а приспешники Кайора просто ненавидели.

– За одно это нужно назначить его градоначальником, – постановила Леа и поразилась, увидев, как жители сразу смутились, начали прятать глаза.

– Не пойдет он, – тихо буркнула резвая горожанка. – Бесполезно и просить. Зря мы вам про него сказали... вы уж простите нас, глупых.

– Спасибо за честность, – выдавила хранительница и вдруг, просто по наитию, спросила: – А как тебя зовут?

– Панья, – поклонилась женщина и тише добавила: – В трактире посуду мою.

– Ее милость Миралина ищет помощниц – мне кажется, тебе это место подойдет. Ты человек равнодушный и честный, там такие нужны. Если хочешь, сходи.

– Лучше прямо сейчас решай, я тебя сразу туда отправлю, – внезапно заявил упорно молчавший все это время Арвис. – Судя по всему, сердце у тебя доброе, а там дети, которым нужны именно доброта и тепло.

– А и пойду, – поколебавшись всего пару секунд, решилась Панья. – Терять мне нечего.

– Не сомневайся, все будет хорошо, – пообещал хранитель, легонько подталкивая ее воздушным смерчиком к темному облачку пути. А когда она исчезла, с усмешкой осведомился у остальных: – Нам пора возвращаться, а вы выбирайте, останетесь под дождем или пойдете порталом в ближайшую харчевню?

– Да мы бы пошли в харчевню, – буркнул кто-то, – но бесплатно там не посидишь, сразу на дождь и выгонят.

– Ради праздника вас угостят за счет казны, – важно сообщил Бензор.

– Тогда в харчевню! – Народ дружно потянулся к облачку портала.

Глава девятнадцатая

После сумрачного, спрятанного в кокон дождя куска мокрой площади большая гостиная перед кабинетом показалась хранительнице особенно теплой и уютной. Потянуло посидеть в мягком кресле, согреть душу чашечкой взвара, а потом спокойно обдумать и обсудить появившиеся за последние полчаса мысли и задумки.

Леа так и сделала, а когда с наслаждением выпила горячий напиток, обнаружила, что почти все маги уже исчезли. Остались только Арвис с Ирсаной, Тан, да еще Лаберт, шелестевший бумагами в углу возле своего стола.

– Я пойду погулять? – вежливо спросил мальчишка, испытующе глядя на отца, и тот сразу поднялся с кресла, куда едва успел присесть.

– Идем.

– Можно я один? Ты не бойся, я не заблужусь.

– А я и не боюсь, – мгновенно спрятал досаду магистр. – Просто собираюсь предупредить дворецкого.

– Он будет за мной следить? – подозрительно посмотрел на него сын.

– Нет, – мягко улыбнулся Арвис, – следить за тобой никто не будет. Но ты можешь внезапно чего-то захотеть, пить или есть... все что угодно. Не нужно искать меня или свою комнату, просто скажи служанкам. Или любому магу, все они носят на плече вот такой знак.

Арвис показал вышитую шелком серебристую ящерку с изумрудными глазками, спускавшуюся с правого плеча на грудь.

– Только у подмастерьев она без украшений, у мастеров – в маленькой серебряной короне, а у магистров – в золотой.

– А у тебя со стекляшками, – разочарованно пробормотал Тан.

– У него с бриллиантами, – не выдержав, смешливо фыркнул Лаберт и серьезно пояснил: – Мастер Арвис – верховный магистр.

– А тот... глава гильдии?

– И он тоже, и Ирсана, – вмешалась Леаттия, – и Бензор. Только Лаберт пока магистр, но он тоже очень сильный маг. Тут только у меня нет дара.

– У тебя есть больше, чем дар, – не согласилась Санди, – наша дружба и доверие.

– Ваша светлость, вызывали? – появился в дверях дворецкий.

– Да, Памтсон. Знакомьтесь, это наш сын, Танельс. Он хочет погулять

по дворцу. Предупредите прислугу и поваров и откройте двери в зимний сад, – ответил за герцогиню Арвис.

– Прошу, ваша милость, – сообразительно кивнув, старый слуга распахнул перед Таном дверь, – куда желаете пойти? В тренировочный зал, в гостиную или в зимний сад? А может, на галерею третьего этажа?

– Хороший мальчишка, – пробормотала Санди, когда за слегка ошарашенным Танельсом закрылась дверь. – Но мне не нравятся покои, где вы его поселили.

– Просто выбрал какие поближе, – усаживаясь поближе к невесте, буркнул магистр. – И, по-моему, там неплохо.

– Для тебя, – не согласилась магиня. – А мальчику нужно совершенно другое. Ему будет неуютно и скучно на огромной кровати среди позолоченной вычурной мебели и тяжелых штор. И не смотрите на меня так, я и сама бы не догадалась. Но вы же видели, сколько у меня родни? Так вот, когда кузен построил новый дом, то решил не ломать голову, а позволить сынишке устроить в своей спальне все, что тот захочет. Правда, мальчишке было в то время немного больше, чем Тану, но смотреть на его комнату ходили все родичи и соседи. И все признавали, что это самая подходящая комната для мальчика, но никто так и не решился последовать примеру. Потому что спальня походила на смесь шхуны с тренировочным залом и ярмарочным балаганом для детей.

– Ты меня заинтриговала, – призналась Леаттия, – и убедила. Даже я не отказалась бы в детстве пожить в таких покоях. Но, боюсь, Тан не решится выбрать нечто подобное. Он, как бы точнее пояснить... не трусливый и не забитый... скорее задавленный правилами ребенок, который думает в первую очередь об обязанностях.

– И это прекрасно, – не сдавалась Санди, – но ведь можно показать ему пример? Сделайте такие покои сами, мы все поможем. А потом спросите у него, захочет ли он там жить?

– Отличная идея, – рыкнул рядом с ними дракон и недовольно проворчал: – А порядочной еды у вас снова нет.

– Рорн! – обрадовалась Леа. – Как хорошо, что ты пришел. Еду сейчас принесут, а у меня появились вопросы.

– Мы все тебе рады, – искренне поддержал невесту Арвис. – И у всех вопросы. Этот ливень... ты, случайно, не знаешь, он настоящий?

– А ты сомневаешься? – пошутил дух. – Тогда выйди на улицу и постой минутку. Хотя я тоже приложил руку, каюсь. Но вы же понимаете, сколько воды потребуется, чтобы напитать пересохшую за многие годы почву, из которой испарились даже подземные источники? Канал с этим за

лето не справится, а люди уже обсуждают, какие растения можно посадить, чтобы этой осенью снять урожай. Вы ведь обещали вернуть им жилье.

– И мы об этом не забыли. Эгрис и Вель с помощниками перерыли горы документов и опросили толпу стряпчих, занимающихся продажей домов.

– Знаю. Видел вашу сегодняшнюю прогулку. И даже хотел утащить всех во дворец, по городу ходит черный, которому очень не по нраву ваши планы. Но пожалел жителей, они были искренне рады этому разговору. Сейчас им завидует половина города.

– А про ростовщика ты ничего не слышал? – с надеждой посмотрела на дракона Леаттия. – Люди говорят о нем с таким теплом. Я надеюсь, они сумеют его уговорить.

– Никому это не удастся, – внезапно помрачнел Рорн, – кроме меня. Я мог бы к нему сходить – под личиной, конечно, если все вы дадите клятву никому об этом не рассказывать. Драконы, тем более духи, не имеют права помогать никому, кроме хранителей и их друзей.

– Разумеется, мы клянемся, – серьезно кивнул Арвис. – Но я даже представить не могу, о чем пойдет речь.

– Как всегда, о людях, которые твердо уверены в своем праве решать не только собственную судьбу, но и чужие, – хмуро фыркнул дракон и смолк, дожидаясь, пока скользнувшие в комнату слуги накроют на стол.

Разумеется, никто из них не видел странного гостя, и Леаттия была бы не прочь иметь такое же умение. Очень удобно иногда оставаться невидимкой, не смущать других и не следить за собственными гримасами.

– Все просто. Сорок лет назад в семье потомственных ростовщиков родился мальчик, которому деды и прадеды завещали свое непыльное, но прибыльное дело, хотя и требующее железной воли и сурового характера. А он вырос редким цветком, поэтом и романтиком в душе, мечтающим о путешествиях, яхтах и облитых весенним цветением садах дальних стран. И совершенно не хотел считать проценты и выколачивать из клиентов долги.

– Бедняга, – вздохнула Санди. – Я ничего этого не знала.

– Да и никто не знал. Его отец предпочитал решать такие вопросы за семью замками. С пятнадцати лет парня запирали в комнате с расчетными книгами и абакон и не давали есть, пока он не подведет баланс. Но Горен не хотел сдаваться и очень скоро научился считать так, что никто не успевал следить за его пальцами. У него слабые способности, но проверять их и учить парня магии никто не собирался. Достаточно того, что у него интуиция обостренная, как у всех магов.

Дракон смолк и несколько минут был занят только поглощением завтрака. Ел он по обыкновению быстро и с аппетитом, но это вовсе не выглядело некрасивым, ничуть. Его тонкие пальцы брали еду очень аккуратно, изо рта не сыпались крошки, а зубы не издавали ни чавканья, ни хруста.

Собеседники чуть понаблюдали за ним и, зараженные примером, невольно потянулись кто к пирожку, кто к печеню.

– Он умудрился всех обмануть, – в голосе дракона слышались гнев и сожаление, – набрал денег и сбежал. Сел на корабль и отправился в Банлею, надеясь затеряться на дорогах королевства. Отец был в ярости, нанял для поимки черного мага, темные за этот контракт не взяли. Его привезли домой в ящике и несколько месяцев пытались сломать, но он стоял насмерть. В нежной душе поэта пророс железный стержень. На все увещевания и угрозы Горен отвечал отказом, и тогда отец снова нанял черного, а тот придумал чудовищный план. Незаметно занес парню в обе ступни заразу и потом три месяца изображал борьбу с болезнью. А когда она достигла колен, отец лицемерными слезами вынудил сына дать согласие отнять ноги. Горен выздоравливал тяжело, почти два года, и больше не мечтал о путешествиях – на него навалились другие беды. Вышла замуж за другого девушка, которую он любил, выпила яд мать, знавшая страшную правду. Потом паралич разбил отца, не догадывающегося, что искреннее проклятие наделенного способностями человека может настичь подлинного обидчика. После смерти родителя Горен нашел в его записях договор с черным магом. Вот с тех пор появился ростовщик, который сочувствует бедным и обманутым и ненавидит золото, отнявшее у него все, что он любил и ценил.

– Рорн... – Леаттия умоляюще смотрела в лицо дракона, не замечая текущих по щекам слез, – ты же сможешь... вернуть ему ноги? И пусть едет куда хочет... раз он так мечтал.

– Ну раз ты настаиваешь, – хитро ухмыльнулся тот.

– Конечно. И не просто требую, а умоляю, приказываю... – всхлипнула герцогиня, припав к плечу неизвестно когда оказавшегося рядом с ней жениха, – верни ему здоровье. Он заслуживает это больше многих... не каждый способен делать добро, когда у него самого так искорежена жизнь.

– Но почему-то именно те, кто знает цену предательству и потерям, – тихо вздохнула Санди, – как правило, намного добрее и отзывчивее счастливых, лелеемых жизнью. Да иначе и быть не может, не дано тому, у кого буфетная всегда забита пирогами и колбасами, понять голодающего, три дня не видевшего даже корки.

– Ты права, – кивнул напарнице Арвис. – И еще я тут давно думал... Лаберт, пиши указ. Каждый день все городские харчевни должны в обед наливать чашку супа и давать хлеб и кашу беспризорным детям, старикам и нищим. Летом можно под навесом, зимой пусть выделяют угол в общем зале. За это маги гильдии будут бесплатно накладывать им на погребца заклинание холода. Проверять буду сам, и, если попытаются хитрить, пусть пеняют на себя.

– Я тоже хочу проверять, – не отрываясь от бумаги, сообщил секретарь. – Кстати, я пишу «всех нуждающихся», а внизу разъяснение, что отказывать человеку, судя по его платью или виду, никто не имеет права. У всех могут быть тяжелые моменты.

– Пиши, как знаешь, – кивнула Леаттия. – И проверять тоже можешь кого хочешь. Но не забывай об осторожности. Рорн, у меня последний вопрос, как там в Лиме?

– Устроили в тайной пещере секретное совещание, – огненные глаза дракона заискрились смехом, – решили натравить на вас соседей. Завтра к ужину ждите гостей. Еще Вимбольд собирался прийти сегодня к обеду... но ты же не хочешь его видеть?

– Не хочу, – с полуслова поняла намек герцогиня. – У нас праздник для своих. А что ты говорил про детскую спальню? Картинки, случайно, нет, как это можно сделать?

– Картинки нет, идея есть, – задумчиво буркнул дух. – В конце концов, я тоже должен ему подарок. Да и ты просила.

– Не просто просила, – просияла Леа, – умоляла!

– Ну вы и жулики! – огорошено помотал головой Арвис. – Мне на такое наглости бы не хватило!

– Я ведь здесь ненадолго, – в голосе дракона разорванной струной прозвенела печаль, – хочется оставить о себе добрую память, как любому разумному существу.

– Прости, – выдохнул маг. – Мы как-то быстро привыкли...

– В источнике останется дух, – отмахнулся дракон, – и он – это я. И дракон, ушедший в далекие миры, – тоже я. Когда-то меня выбрали главным хранителем энергии и скопировали мое сознание в особый артефакт. Он хранится очень глубоко, в том алмазном доме, где вы уже были. Огромный кристалл мы создавали специально для этой цели. Ну, я ухажу делать комнату для одного упрямого мальчишки, который сейчас пытается отобрать у конюха скребок.

– Он же не хотел чистить за животными! – изумилась Санди и, обнаружив, что ее напарник уже открывает портал, схватилась за руку

герцогини.

Они так и вывалились толпой в освещенную магическими светильниками конюшню, сразу попав в разгар сражения.

– Я умею! – упрямо сжав губы, с обидой глядел на зрителя конюшни Тан. – Мне обещали подарить любую лошадь!

– Ваша милость, – устало увещевал его немолодой мужчина, служивший тут не один десяток лет, – я вам верю. Но приказа пока не получил. Если ваш батюшка увидит, что вы навоз скребете, он котлету не из вас будет делать, а из меня. А у меня дети, внуки чуть меньше вас. Идите, ваша милость, погуляйте по зимнему садику или в тренировочный зал сходите, там интересно. Можно книжки смотреть, конфетки кушать, а с навозом и конюхи справятся.

– Я не хочу книжки, я помогать хочу! – В голосе Тана сквозь упорство пробивалось отчаяние.

– Сынок, – шагнул к ним нахмурившийся Арвис, но Санди его опередила, бросилась к мальчишке первой:

– Танельс, наконец мы тебя нашли! А чем ты тут занимаешься?

– Его милость желает чистить лошадей, – с облегчением поведал старший конюх.

– Какую именно лошадь ты себе присмотрел? – живо вмешалась в их разговор магиня, на миг оглянувшись и послала напарнику странную гримасу.

– Понял уже, – буркнул Арвис.

– Чего она хочет? – шепотом спросила Леа.

– Чтобы ей не мешали, – ответил маг, увлекая невесту в сторону денников, отмеченных особыми знаками. – Тут чистопородные харказские скакуны, взгляни, какие красавцы.

– И каждый стоит как особняк, – хмыкнула герцогиня. – Мне Манрех хвастался. Хотя сам никогда на них не ездил, они не выносят боли. Как и я.

– Боль всем ненавистна, – крепче прижав ее к себе, мрачно усмехнулся магистр, и в его голосе прозвучала незыблемая уверенность. – И нормальным людям, и животным, даже самым слабым и миролюбивым. Если случайно прижать лапу безобидному домашнему кролику, он начинает кусаться, как дикий кот, я сам видел. Мне кажется, я догадываюсь, о чем ты думаешь, счастье мое. Я никогда не поверю, будто девушкам нравились изуверские игры Кайора. Да и Миралина не поверит. Целители знают, как редки люди, у которых на самом деле в разуме что-то исковеркано. Намного чаще встречаются те, кто притворяется таким ради выгоды.

– Я вспомнила о тех несчастных, – со вздохом призналась герцогиня, испытывая давно забытое ощущение счастья, казалось навсегда оставшееся в том прошлом, когда ее понимали с полуслова, – которых носят на носилках. Думаю, их нужно попытаться вылечить или попросить Рорна. А ты не можешь подслушать, о чем они говорят? – вдруг резко сменила она тему разговора, заметив, что Арвис поглядывает из-за угла в ту сторону, где бродят между рядов Ирсана и Тан.

– Про девушек можно узнать у Миралины, – поцеловал ее в висок жених, – а Санди и сама все расскажет. Тем более они идут сюда.

– ...давай спросим отца. – Магиня еще за десяток шагов поставила в известность о своем приближении.

– О чем? – отозвался Арвис и шагнул им навстречу, не выпуская из объятий невесту.

– Тан говорит, каждый должен работать, – кротко доложила Санди и на миг подняла к небу взор, показывая бесполезность уговоров.

– И он прав, – незаметно подмигнул ей напарник. – Люди, которые ничего не делают, просто неинтересны другим. И пользы от них никому и никакой нет.

Танельс задрал голову и глянул на Ирсану с видом победителя.

– Но и ты права, – вмиг остудил его торжество отец.

– Так не бывает, – возмутился мальчишка.

– Я докажу, – спокойно пообещал Арвис. – Но сначала скажи: ты выбрал себе лошадь или хочешь пони? А может, ездовую собаку, в горах Дагора, моей родины, выращивают огромных псов, которые могут вытащить из снежной западни даже взрослого человека. А мальчишки вроде тебя ездят на них с поручениями, там пастухи и скотоводы не живут в селах, их фермы разбросаны по склонам не ближе лиги друг от друга.

– Хотелось бы посмотреть на такого пса, – задумчиво произнесла Леа. – Мы же можем туда слетать?

– Туда лучше идти порталом, – скрывая огорчение, отказался ее жених, над ухом которого раздался строгий приказ не соглашаться. – А слетаем мы на тот мыс, где ловятся огромные крабы, как только кончится ливень. А сейчас идем в дом, ты же хотел объяснений, – закончил он, открывая портал.

– Кстати, – оказавшись в гостиной, обратилась к мальчику Леа, – а как ты добрался до конюшни?

– Туда шел младший маг, – нехотя признался он, – под щитом, он меня довел. Ну, почему она права?

– Все очень просто. Здесь никто не работает бесплатно, кроме нас и

магов, – развел руками Арвис. – Все получают жалованье, и очень неплохое. А если ты будешь каждый день чистить лошадей, управляющий уволит одного конюха, и тот останется без денег. А ведь каждый уже придумал, куда их истратить. На еду, на одежду, на развлечения и подарки, на игрушки малышам. И еще многие копят. На старость или на большой дом, на свадьбу сыну или на приданое дочери, на лошадь или на лодку, мы живем на берегу озера, и все ловят в нем рыбу, катают девушек и детей, плавают на пикники. И никто не хочет потерять место во дворце, поэтому я и сказал, что Ирсана права. Нельзя делать за слуг их работу, если не хочешь, чтобы тебя начали ненавидеть и бояться.

– Но я же помогу...

– Танельс, – Леа, не выдержав, прижала ребенка к себе, – как ты думаешь, люди везде живут так, как в Белой цитадели?

– Нет. В городе живут плохо, – уверенно заявил мальчишка. – У них дома маленькие.

– В Лиме есть не только маленькие дома. Там, между прочим, и король живет, – вздохнул Арвилес, уже успевший убедиться, что голова его сына до отказа забита баснями белых братьев, – а у него дворец побольше нашего. И слуг там толпы, а кроме них, еще с десятков старших магов из вашей цитадели. И они ничего не моют и не метут, устраивают фейерверки и чудеса. Я сам там был.

– Давай ты сегодня просто отдохнешь, походишь по дому и зимнему саду? – заглянула в непримиримые синие глазки хранительница. – А после обеда пойдем посмотреть новую комнату, которую делает для тебя один магистр.

– Ладно, – нехотя согласился Тан и вдруг с затаенной обидой спросил: – А в тех комнатах... будет жить ваш ребенок?

– В каких? – еще не понял Арвис, а Леа с магией уже сообразили, переглянулись и дружно двинулись к двери.

– Идем.

– Куда? – с одинаковым изумлением взирали на них две пары синих глаз.

– Смотреть.

– Но еще рано, он, наверное, не успел доделать, – нахмурился Арвис, однако последовал за ними, не желая при сыне показать хоть малейшее недоверие к любимой девушке и преданной напарнице.

Тан неохотно брел следом, но подгонять его никто не собирался. Неторопливо дошли до длинного зала-галереи герцогского крыла, куда выходили двери всех покоев, и остановились, поджидая ребенка. И пока он

доплелся, Арвис отлично осознал, что именно хотела показать упрямому мальчишке хранительница, и незаметно ухмыльнулся. Это самый верный способ разговаривать с упрямыми, особенно с маленькими, пока еще всецело не доверяющими никому. Дать им все потрогать своими руками, наглядно убедить в своей честности и зародить сомнение в скороспелых выводах, сделанных согласно опыту их небольшой жизни.

Глава двадцатая

– Смотри, Тан, – обвела рукой широкий круг Леаттия, – все двери, которые выходят в этот зал, – герцогские покои. Их двенадцать, но заняты только три. В тех, где когда-то жил мой прадед, живу я, в соседних – Арвис, с другой стороны – Ирсана. Все остальные маги живут на втором этаже. До вчерашнего дня здесь было девять свободных комнат, теперь восемь. Тебя поселили рядом с отцом, но лишь временно, чтобы помочь освоиться в первые дни. Потом можешь выбрать любые из свободных покоев, какие понравятся.

– А комната, которую делает магистр?

– И она здесь, – мягко улыбнулась хранительница. – Мы просто подумали, что мальчикам неинтересно жить в простой спальне, где стоит кровать и шкаф. Им нужно что-то особое – игрушки, загадки... Я сама пока не знаю, что придумал магистр, но одно обещаю тебе твердо: ты будешь жить в той комнате, которую выберешь сам. Идем посмотреть?

В течение следующего часа они ходили из покоев в покои, разглядывая и сравнивая балконы и убранство, мебель и купальни, кровати и гардеробные. Арвис отстал от компании после вторых покоев, уселся в одно из кресел, расставленных у окон галереи, и разложил на столике указы и отчеты, переданные ему Вельтоном для проверки. Леаттия отказалась подписывать без его ведома даже самые незначительные документы.

– Править герцогством будет Арвилес, – твердо заявила она советникам. – Значит, ему решать, какие бумаги можно подписывать, а какие надо изменить.

– Зря я не стал с ним соперничать, – в шутку кручинился Вельтон. – Не думал, что бывают женщины, готовые добровольно отдать мужу всю власть.

– Не с теми женщинами ты знакомился, – фыркнула Санди. – Вернее, как все черные, считал всех одинаковыми.

Арвис покосился на комиссию, выходящую из очередных дверей, и не сдержал счастливой усмешки. Он еще в первые минуты ее побега начал понимать, насколько Леа особенная, и с каждым часом, с каждым днем все больше в этом убеждался, но только теперь осознавал в полной мере, как ему несказанно повезло найти не просто любимую девушку, а человека, с которым совпадает мнение буквально во всем. Как тут не вспомнить легенду о половинках душ, в припадке ярости жестоко

перемешанных злым божеством?

– А вот это – покои твоего отца, – остановилась перед следующей дверью Леаттия и окликнула жениха: – Арвис, можно нам их посмотреть?

– Конечно, – отозвался он, – только стол не открывайте. Там у меня амулеты.

Минут через пять они вышли, и искоса подглядывающий за сыном Арвис отметил его слегка растерянный взгляд. Видимо, мальчишка ожидал увидеть там что-то вроде лаборатории Эгриса или выставки артефактов, в которую превратил свое жилище Бензор.

По комнатам Леаттии они бродили дольше, и Арвис знал почему. Там, кроме гостиной и гардеробной, были две спальни и кабинет, обилием полок и шкафов с книгами похожий на небольшую библиотеку. За это время в галерее появились Вельтон и Лаберт, притащившие очередной указ и новые сведения о действиях банлейского принца. Постояли рядом с хранителем, с недоумением огляделись, и наконец Вель не выдержал:

– Почему ты сидишь тут? У тебя кабинет сторел? И куда дел семью?

– Отпустил на прогулку, – пошутил Арвис. – А мой кабинет теперь – все герцогство. Где хочу, там и ставлю печать.

И продемонстрировал висевшую на шее стальную цепь с такой же стальной подвеской. Печать когда-то сделал для первого герцога Брафортского его верный маг, и все в герцогстве и окрестных королевствах знали, что подделать или скопировать этот артефакт невозможно. Невозможно его и снять силой, только отдать добровольно.

Хотя многие правители и их советники были уверены в бесполезности этой защиты. Ведь тому, кто решит присоединить герцогство к своим владениям, это ничуть не помешает, печать без власти ничего не стоит. И Арвис прежде считал точно так же, лишь после знакомства с драконом начав подозревать, как сильно заблуждался.

– Остались мои комнаты, – раздался голос Ирсаны, и оглянувшиеся маги заметили выходящую из покоев хранительницы маленькую компанию. – Идем? Хотя могу сразу сказать, ничего особого там нет.

– Не хочу, – буркнул Тан, помялся и все же спросил: – А та... комната?

– Мы можем посмотреть на дверь, – свернула к последним покоям Леаттия, – но, боюсь, внутрь нас пока не пустят. Мастера и художники очень не любят показывать зрителям неоконченные произведения.

Арвис не выдержал, встал и направился к ним, и магистры двинулись следом, надеясь, что удастся хотя бы мельком взглянуть на работу дракона. Однако, подойдя ближе, обнаружили загораживающий дверь туманный щит, на котором поблескивал хорошо всем им известный

предупреждающий знак.

– Ну, убедились? – развела руками Леаттия.

В этот момент дверь вдруг резко распахнулась, и сквозь туман проступила мощная мужская фигура с лицом Вельтона.

Не произнеся ни слова, сгребла всех удлинившимися руками, и свет на миг померк. Магистры даже сообразить ничего не успели, как увидели знакомые сиреневые стены алмазного убежища дракона.

– Рорн? – нахмурился Арвис и первым обнаружил, что дракон держит в охапке неподвижное тело его сына. – Что с ним?

– Ничего, просто спит, – мрачно буркнул дракон, взглядом создал на столе пышный коврик и опустил на него мальчика. – За последние столетия я отстал от жизни – или люди стали слишком коварными и хитрыми.

– Объясни, в чем дело. – Леаттия уже стояла возле обретенного сына, подсовывая ему под голову подвернутый краешек ковра.

– Сейчас остальных соберу... – Дракон исчез на долгую минуту, а когда вернулся с Эгрисом, Бензором и Миралиной, все так и стояли вокруг стола, с тревогой глядя на ребенка.

– Что случилось? – бросилась к Тану целительница, но ее остановил рык Рорна:

– Пока ничего, это я попался в ловушку и едва не затянул всех вас.

– Не кайся, – решительно возразил глава гильдии. – Раз попал даже ты, то все мы влипли бы, как мухи в варенье. Черные колдуны с годами накапливают не мудрость, а злобу и зависть, и их сжигаемое ненавистью сознание, теряя человеческие качества, становится все более извращенным. Они круглые сутки изобретают самые невероятные пакости и каверзы, многоступенчатые интриги и ловушки. Нормальному человеку и в страшном сне никогда не приснятся ужасы, до каких может додуматься озверевший от лютой злобы колдун.

– И все же я мог бы просчитать, – не принял его защиты дракон, – зачем он прислал сюда этих женщин.

– Ты удостоверился, что верховный магистр Руалис – на самом деле черный колдун? – нахмурился Арвилес. – Жаль... я до последней минуты надеялся, что это не так.

– Это не он, – опроверг его догадку Рорн, – но подробнее расскажу позже. Сначала разберемся с Таном. Черный надеялся, что ты захочешь забрать у цитадели сына, и подстроил ловушку – несомненно, с ведома Руалиса. А я как новичок клюнул на наживку, даже веселился, чувствуя себя освободителем, когда легко прошел сквозь их щиты. И лишь теперь осознал, что сам лично нарисовал им свой магический портрет – так у нас

говорят. Как бы вы оценили незнакомого мага, который безошибочно обнаружил ребенка в подвале башни, шутя преодолел три щита различной мощности и незаметно вынес малыша из цитадели, не нарушив ни одной следилки?

– Ну, если сложить в эту кучу, – безнадежно усмехнулся Эгрис, – уничтожение Даггера и его приспешников, игры с источниками и все, что происходит в последние дни в герцогстве, – у нас появился маг необычайной силы. И, боюсь, этим магом Руалис считает Леаттию. Очень редко, но были случаи, когда в людях вдруг просыпался мощный дар.

– Но не умение с ним обращаться, – возразил Вельтон. – Она в таком случае скорее сожгла бы все щиты и разнесла половину цитадели, но не смогла бы проскользнуть внутрь невидимкой. Я на их месте скорее предположил бы, что Леаттия открыла клад, который так и не нашли Кайоры, и достала оттуда десяток мощнейших артефактов.

– И потому теперь ни один жених не отступится от нее без боя, – порадовал коллег выводом Бензор. – Особенно если у него есть хоть крохи способностей и навык работы с амулетами.

– Хуже другое. – Санди тоже умела делать выводы. – Все черные тоже захотят заполучить ее... или пресловутые артефакты.

– Значит, пора прополоть этих черных! – взорвался Арвис, едва представив, что кто-то снова попытается протянуть жадные лапы к его любимой. – От безнаказанности они с каждым годом действуют все наглее и жестче. Мы раньше как-то старались не сталкиваться, хотя гадостей от них видели немало. Да за одних только сманенных учеников каждого можно если не уничтожить, то хотя бы засунуть на необитаемые острова!

– Рорн, – с тревогой посмотрела на дракона хранительница, – ты что молчишь?

– Думаю. Сейчас проверю одну догадку и если окажусь прав, то буду действовать по-другому.

Он бережно взял тонкую ручку ребенка и стремительно уколол тому пальчик.

Взгляды магистров посуровели, беззвучно ахнула хранительница, нахмурилась Миралина, и стиснула губы Санди, понимая необходимость этого действия. Едва дракон выдавил на маленький кристалл алую каплю, крохотная ранка затянулась – но не в сердцах присутствующих.

Больше всего темные маги ненавидели тех, кто был способен на любую подлость и никогда никого не щадил на пути к выбранной цели. И справедливо отказывались называть таких монстров людьми.

Рорн исчез, как всегда, без предупреждения, и в этот раз его не было

почти десять минут. Арвис решительно перенес сына в огромное кресло и вместе с невестой устроился по соседству, остальные сели вокруг стола, обмениваясь тихими замечаниями. Ждать невесты чего всегда тяжело, а когда еще и находишься неизвестно где, в голову поневоле лезут самые мрачные мысли. Вплоть до подозрений, не попал ли бывший дух в новую ловушку.

И все же дракон вернулся. Не обращая внимания на гостей, подсел к столу, взмахом руки создал большие блюда с мясом всех видов, кувшины с напитками и тарелки. И принялся стремительно поглощать колбасы и жаркое.

– Мое тело пока почти наполовину состоит из магических потоков, а не из плоти, – поведал он, почти уничтожив содержимое своей тарелки. – Как только несколько раз перейду порталом, энергетическая доля становится много больше, и я боюсь превратиться в свободный источник.

– Тогда зачем так рискуешь?! – возмутилась Миралина. – И не смотри на меня, ешь побольше. Целителям это явление хорошо известно, все с подобным сталкиваемся, когда приходится выращивать печень или заменять почку.

– И так ем, – отозвался Рорн, но вскоре отвалился от стола, сыто блеснув огненным взором. – Я был прав. Он сделал из мальчугана якорь, настроив на его кровь несколько шаров. И сегодня попытался осторожно достать через них до Тана. Я почувствовал, как кто-то тихонько вскрывает мои щиты поисковиком, и сначала не придал этому значения. Столько слоев защиты сожжет любой поисковик, потому что он неизбежно будет рыскать между слоями. А потом осознал, что поисковик пробил защиту в одном месте, проколол как иглой и целенаправленно двигается прямо к покоям, где я нахожусь. Но лишь когда распахнул створки и увидел Тана, осознал, что черный уже смотрит на меня его глазами.

– Ты его нашел? – Леаттию волновал только один вопрос.

– Не добрался. Он с помощью амулетов построил систему передачи полученной поисковиками картинки через несколько шаров, идти дальше я не рискнул. Но зато сделал свою ловушку – поместил камень с кровью Тана в горного орла, пусть последит за ним. А сейчас я намерен исправить свою ошибку – сделать кровь мальчика немного другой, чтобы ее больше не могли узнать никакие поисковики. Но на это мне нужно ваше согласие, и вы должны помнить, что доказать кровное родство с помощью артефактов с этого момента вы не сможете.

– Мы и без доказательств это знаем, – в голосе Леаттии звенел металл, – и никому другому не позволим усомниться. Каждый, кто

попытается хоть словом или намеком, будет изгнан из дворца. А если не одумается – то и из герцогства.

– Я согласен, – коротко кивнул Арвис, с оглушающей ясностью понимая, что иначе ребенка придется держать в камере под особой защитой.

– Но что за способ? – недоверчиво сверлила дракона взглядом Миралина. – Я о таком ничего не слышала. Кровь можно очистить магией от болезни и ядов, но она всегда останется той же. На этом построены тысячи заклятий и раз в десять больше – рецептов.

– Все очень просто. – Дракон присел возле спящего ребенка, проколол ножом свой палец и капнул одну рубиновую каплю в приоткрытый ротик малыша. – Теперь ему нужно поспать. Пусть остается здесь, вечером перенесу его во дворец. А вам сначала расскажу про колдуна.

Кресло вытянулось в удобную кровать, появились подушка и одеяло. Уверившись, что сын спокойно спит, Арвис с Леаттией вернулись к столу и приготовились слушать.

– Руалис хорошо знает этого черного и часто ему помогает, – повторил дракон заявление, в которое даже темным магам было трудно поверить, – но делает это явно не за золото. Пока не могу сказать точно, кем колдун ему приходится, братом или сыном, но белый магистр даже снабжает его заряженными на источнике камнями. Мне это очень не понравилось, и я забрал весь их запас.

– Справедливо, – согласился Бензор. – Источник им дан не для снабжения черного.

– Но теперь он озверевает еще сильнее, – хмуро заметил Вельтон. – И хуже всего, что мы не знаем, где ждать удара. В Югрете или в Гайртоне, в Лиме или в любом месте, где у одного из нас есть родичи.

– Белые тоже озверевуют, – усмехнулся Арвис, – и наверняка уже сегодня примчатся сюда.

– Было бы большой удачей, если бы они заявили во главе с Руалисом. – Эгрис с сожалением вздохнул. – Но вряд ли черный решится его к нам отпустить. Да и нам лучше не пускать сюда магов, если за этой встречей может наблюдать враг.

– Вот об этом я и хотел вас предупредить, – довольно кивнул дракон. – Постарайтесь хоть несколько часов не пускать в замок гостей. Мне нужно устроить несколько ловушек, я хочу опередить черного.

– Значит, мы уже уходим, – встала с места Леа и неожиданно с горечью закончила: – Я начинаю ненавидеть этих колдунов намного сильнее, чем Кайора. Из-за них не хватает времени задать тебе все

вопросы, не вылечен ростовщик, не закончена комната... но и это сейчас не главное. Я теперь все время боюсь, что он тебя поймает или ты сам слишком увлечешься. Ты стал мне, всем нам, за эти дни настоящим другом.

– Спасибо, – пряча взор, тихо выдохнул дракон, – за все. Я слышу больше, чем ты сказала вслух, и это намного прекраснее. И потому открою вам секрет: в комнате вовсю идет работа. Я ведь создатель и могу создать хоть армию строителей, пусть и не совсем таких, какими вы их привыкли представлять. И про Горена не забыл, держу у него следилку. Но сейчас к ростовщику пришли друзья, пытаются его уговорить, мешать им я не хочу. И на твои вопросы отвечаю. Один, самый короткий, можешь задать прямо сейчас.

– Хорошо, – смахнув слезинку, посмотрела на него Леаттия, делая вид, будто не замечает, как подобрались маги.

Она точно знала, что никогда не задаст тех вопросов, которые сильнее всего волнуют ее друзей. Хранительнице уже известны эти тайны, и за это знание заплачено клятвой никогда их не открывать.

– Мы не имеем никаких сведений о том, как Юлиар победил всех соперников и почему именно он дошел до Галао первым? Если можно...

– Вам – можно, – усмехнулся дракон, – вы не станете объяснять этого всем. Хотя по королевствам уже ходит столько легенд, что одной больше, одной меньше... Вам ведь уже понятно, что мы искали не только хранителя, но и правителя?

– А как выбирали? Ведь они шли через перевал и лес все вместе?

– Нет, все было иначе. Они предпочли разные пути и вышли не в один день. Все спешили, каждый старался скрыть от всех свои карты и планы, чтобы опередить соперников. Но никто не догадывался, что испытание уже началось. И те, которые в спешке не запаслись солью и зельями, не дали своим спутникам и воинам времени проверить снаряжение и подобрать теплую одежду, застряли уже на перевале. Одних накрыла лавина, других смел с тропы ураган... Нет, никто не погиб, но им пришлось возвратиться и собираться заново. Но многие подготовились очень хорошо, и их ждали другие проверки. Например, на человечность. Все отряды однажды вечером добрались до дома лесничего, и все там переночевали. Разумеется, и лесники были разные, и дома ничем между собой не похожи. Кто-то выгнал хозяина и занял его дом и сенник, некоторые отправили бедолагу на чердак, и почти все подчистую выгребли припасы, но лишь немногие догадались за них заплатить. А утром, когда лесник прибежал к незванным гостям со своим горем, жалуясь, что не вернулась жена, с вечера ушедшая на болото за ягодой, его выслушали лишь двое из тех, кто состязался за

право стать хозяином озера. Один расщедрился на веревку и совет, как тянуть попавших в болото, вторым был Юлиар. Он еще с вечера поделился с лесником солью, поставил для воинов шатры и сам ночевал с ними, попросив хозяина приютить лишь приболевшего кашевара. А узнав про пропавшую женщину, первым сел в седло и отправился на поиски. Вот с того дня его отряд обогнал всех остальных, хотя это было не самое последнее испытание.

Глава двадцать первая

В гостиной второго этажа было по-праздничному светло и свежо. Сияло в голубом небе за широко распахнутыми окнами яркое солнце, молодо зеленела промытая до блеска листва раскинувшихся ниже крон, одуряюще пахли распустившиеся на клумбах цветы. Все вокруг – и люди, и растения, и птицы – словно спешили наверстать время, отнятое у них непогодой.

Даже темные маги, вернувшиеся сюда в нерадостном настроении, как-то ожили, приободрились, вспомнили про насущные дела и планы. Бензор с Вельтоном уже торопливо двинулись к дверям, когда их остановил спокойный и холодный оклик Эгриса:

– Куда это вы? Мы еще не обсудили, как будем действовать. Удобно, не спору, сидеть и ждать, пока дракон где-то пытается прижать наших недругов, но мы ведь тоже не мальчики в коротких штанишках. И до сих пор сами решали такие проблемы.

– А мы не нарушим его планов? – с сомнением посмотрела на мужа Ирсана.

– Мы постараемся их не касаться. Но и сидеть без дела не в наших правилах, когда на братьев в любой момент могут напасть. Сейчас мы сходим в Гайртон, соберем самых сильных магистров и мастеров, в ком до сих пор я был полностью уверен, но на всякий случай каждого проверим еще раз и создадим из них штаб. Переведем город на военное положение, усилим защиту, разделим молодых магов и старших учеников на отряды и отправим патрулировать окраины. Бензор выдаст им защитные артефакты из неприкосновенного запаса, а Вельтон объяснит, чего следует ждать от черного мага. Миралина возьмет пятерку молодых магов и отправит в Гардез, пусть организуют там дежурство. Арвис с Лабертом остаются охранять Леаттию, а мы к ночи вернемся и приведем сюда всех свободных мастеров. Пора им начинать устраиваться на новом месте.

– А я? – послушно поинтересовалась Санди, но ее взгляд отчетливо говорил, что в душе магиня далеко не так покладиста, как пытается показать.

– Но ты же не оставишь Леаттию в одиночестве? – так же мягко осведомился ее муж.

– Меня можно и оставить, – еще более кротко сообщила Леа, глядя на них невинным взором младенца, вздохнула и с огорчением добавила: –

Я посижу в своих комнатах, хотя мне разрешено пригласить вас в одно место.

– Если в то, куда мы никак не попадем, – мгновенно откликнулся Бензор, и по его загоревшемуся взгляду все поняли, на что он намекает, – то я добровольно останусь тебя караулить.

– А я все равно пойду с вами, – виновато покосившись на невесту, честно признался Арвис. – Тут безопасно, а там помощь сильного магистра может оказаться очень кстати.

– И я с тобой, – твердо сообщила Ирсана. – Мы пока напарники.

– Значит, сейчас все идем переодеваться в походную одежду, – не стал при друзьях спорить с упрямецой Эгрис, – и собираемся в гостиной Леаттии.

Подхватил жену под руку и утащил в портал.

Следом за ним дагорец увел Леа и, едва оказавшись в ее покоях, крепко прижал любимую к груди и заглянул в глаза:

– Ты не сердишься?

– Ничуть. Если бы ты покорно остался пить со мной взвар, то это был бы не Джар, а кто-то, мне незнакомый.

– Звездочка моя...

Несколько минут они самозабвенно целовались, и, когда маг с сожалением отстранился, помня о необходимости переодеться, хранительница, жарко краснея, вдруг произнесла слова, какие он даже не ожидал услышать:

– Арвис, дракон в третий раз тонко упрекнул меня за пренебрежение его советом... ведь ты уже мой муж.

– Звездочка моя!.. – снова ринулся маг к любимой. – Это только ради твоего спокойствия! Ты даже не представляешь, каким усилием я заставляю себя по вечерам уходить из твоей комнаты.

– Ты думаешь, меня заденет чье-то злое шипение? – искренне изумилась Леаттия. – Я за пять лет научилась не обращать на них внимания. И кроме того, мы же не будем всех посвящать...

– Я догадался, – счастливо бормотал дагорец, осыпая ее нежными поцелуями, – ты придумала хитроумный способ заставить меня отказаться от прогулки в Гайртон.

– Все неправильно ты понял, – сгорая от смущения, отшутилась хранительница. – Это коварный способ заставить тебя поскорее вернуться.

Расстаться им все-таки пришлось. Арвис хорошо знал, какое любопытство сжигает сейчас его друзей, и потому, не желая встретиться с ними в дверях и выдать взглядом счастье, все жарче разгоравшееся в его

душе, ушел в свою комнату порталом. Но пока торопливо переодевался и прятал на груди и по карманам самые сильные амулеты, неотступно был мыслями и сердцем с ней, со своей светлой и храброй звездочкой, вдруг ставшей самым святым и ценным из всего, что у него когда-либо было в жизни.

Леаттия тоже бегом кинулась в спальню, но не переодеваться, а посмотреть в зеркало на пылавшие от стыда щеки. Никогда раньше она даже предположить не могла, что может добровольно сделать мужчине такой откровенный намек и не сгореть на месте. Хотя давно знала, что однажды придется остаться с Кайором наедине в супружеской спальне, но старалась об этом не думать, ведь не вспоминают люди весенним ясным утром про осенние дожди и слякоть?

Но Арвис – не Манрех, нельзя даже близко сравнить ее прежнюю, подстегнутую заклятием глупую восторженность с той огромной нежностью и безмерным доверием, которое она испытывает к дагорцу. Возможно, в этом опьяняющем чувстве пока не хватает огня, но как можно сказать об этом с уверенностью, если еще никогда не ощущала ничего похожего на то жаркое влечение, которое светится в глазах ее любимого?

– Леа, к тебе можно? – постучала в дверь Миралина.

– Да, – отозвалась Леаттия, пытаясь запудрить предательский румянец.

– Позволь мне? – понаблюдав за ее действиями, деликатно предложила целительница, шагнула ближе и мягко провела по щекам герцогини ладонями.

Словно прохладными льдинками, мгновенно вернувшими ясность мыслей и покой в душе.

– Спасибо, – благодарно вздохнула Леа и вдруг неожиданно для самой себя, снова краснея, призналась: – Я сказала Арвису, раз дух уже соединил наши судьбы, то незачем лгать самим себе и расставаться...

– Ну и правильно сделала, – одобрительно улыбнулась Миралина. – Сам Арвилес себе этого никогда бы не позволил. Он редкий мужчина – из тех сильных духом, но чутких сердцем натур, кто не считает, будто женщин нужно завоевывать как приз и добывать как вознаграждение. После того как сполна выпил чашу предательства, Джар искал в девушках прежде всего родную душу, и мы опасались, как бы он не остался старым холостяком, как те, кто требует от судьбы слишком многого. А теперь радуемся, что не сдался под напором девиц, желавших получить его вместе с браслетом.

– И много их было? – невольно нахмурилась хранительница.

– Врать не буду – достаточно. Но все отступились ни с чем, хотя бои за

него шли нешуточные. А тебе ревновать не нужно, этот мужчина никогда даже не глянет с интересом в сторону других девушек. Ну, готова? Идем, там твои советники сейчас ногти грызут от нетерпения.

Ревновать Леа и не собиралась, да и не умела. Хотя это было заслугой нанятых Кайором гувернанток и компаньенок, которые сопровождали ее на всех официальных мероприятиях. Они старались особо подчеркнуть, что законной невесте герцога всегда будут завидовать и пытаться занять ее место, но умные девушки считают ниже своего достоинства обращать внимание на происки неудачливых соперниц. Ведь герцог на всех праздниках сидит рядом с Леаттией, смотрит только на нее и наряды с драгоценностями тоже заранее выбирает именно ей.

Она находила их доводы разумными, обоснованными и с презрением смотрела на всех, кто пытался ее «просветить» и пошатнуть уверенность в правильности происходящего. А вот теперь вдруг почувствовала ощутимый укол в сердце, хотя Арвису верила, как собственным родителям.

– Идем. – Герцогиня сделала шаг к двери, но рассмотревшая ее лицо Миралина решительно остановилась.

– Я тебя расстроила своими словами... прости, – огорченно выдохнула она. – А ведь хотела наоборот – поддержать, сказать, как ты права, что не желаешь сомневаться в любимом человеке. Истинная любовь – это всегда прежде всего полное доверие, и если его нет, то нет и этого святого чувства. Все что угодно: страсть, жалость, привычка, боязнь одиночества... но не подлинная любовь.

– Не волнуйся, я все понимаю. И спасибо... – От искреннего раскаяния и тревоги наставницы на душе у Леа стало щемяще светло, словно с матерью поговорила. – Идем.

В гостиной уже собрались все маги, но садиться никто не стал, бродили неподалеку от панели, за которой скрывался потайной спуск в хранилище. Только Арвис ждал у двери спальни и сразу поймал любимую в объятия, встревоженно, словно что-то почувствовав, заглянул ей в глаза и успокоенно улыбнулся, встретив полный нежности взгляд.

И не выпускал ее руки до самого источника. Маги привычно оглядели матово светящиеся ниши далеких хранилищ и уставились на хранильницу, открывавшую проход в сокровищницу.

На этот раз ведущий вниз коридор был длиннее, и они прошли мимо уже знакомого входа, истово жалея, что нельзя приходить сюда, когда пожелаешь. Каждому хотелось спокойно почитать отчеты жрецов, но те чудеса, что хранились за еще ни разу не открывавшимися дверьми, влекли с особой силой.

Предчувствие не обмануло избранных: необычность открывшегося зала заставляла замереть на месте в попытке охватить взглядом сразу все. И вскоре осознать, что это невозможно.

Подобно гигантским сотам, помещение состояло из ячеек, обращенных к центру широкими арочными проходами, закрытыми прозрачными щитами. Желаящий заглянуть внутрь должен был встать под этой аркой, лишь тогда ему становилась доступна невероятная картина. Он словно оказывался на небольшом холме, откуда открывался вид на город или поселок, где жили невиданные существа.

Возле огромных деревьев, опутанных плетеными лесенками, переходами и висящими беседками, гуляли прекрасные тонкокостные мужчины и женщины с роскошными белокуроыми локонами.

Зрители невольно пытались рассмотреть торчащие из этих завитков лисьи ушки, и прелестная девушка с насмешливой улыбкой будто случайно откинула волосы набок, давая убедиться всем желающим, что уши у нее – самой изящной формы, хотя и слегка, почти незаметно, вытянуты кверху. Зато пальцы рук заметно длинней и гибче человеческих, и магов ошеломляло количество унизывающих их разноцветных колец.

– Это альвы, или эльфы, – тихо пояснила Леа. – Так они жили в нашем мире. А кольца на руках – не украшения, а деньги, ими расплачивались и между собой, и с торговцами других рас. Они не металлические, а выращены на особых кустах, и в каждое вложено какое-нибудь заклинание. Лечения, поиска воды, вызова дождя или ветра, усиления или замедления роста растений. В соседней камере – гоблины, дальше – гномы, русалки и феи, но я люблю смотреть на драконов, они с другой стороны. Однако мы шли не сюда, а в сокровищницу. Каждый народ, уходя, оставил хранителям несколько артефактов. В случае необходимости их можно ненадолго взять, потом они сами вернутся на место. Вы должны выбрать самые нужные и лишь по одному, друг с другом они сочетаются плохо, магию древние расы использовали по-разному.

– Идем взглянем на драконов, – решил за всех Арвис, – потом за артефактами. Всех остальных рассмотрим позднее, когда справимся с черным колдуном.

С ним согласились безоговорочно, но к камере, где многие века назад магия сохранила картину жизни драконов, шли медленно. Просто невозможно было быстро проскочить мимо увитой цветущими лианами скалы, у подножия которой плескались в прозрачных волнах незнакомого моря синевато-серебристые девы, замотанные в лоскуты полупрозрачной ткани. Или мимо холмов, на которые взбирались крытые золотистой

черепицей каменные домики, щедро украшенные ажурными коваными ставнями и решетками, балконными перилами и дверными козырьками. Ограды и ворота, вывески, столы и скамьи возле легко узнаваемого трактира – все было с невероятным вкусом и мастерством отлито или выковано из металла всех оттенков. И невысокие бородатые крепыши в круглых меховых шапочках, важно разгуливавшие по улочкам и площадям этого давно сгинувшего в веках городка, не могли быть не кем иными, кроме как легендарными гномами.

Однако останавливаться и разглядывать эти картины подробнее никто из магов не решился, все, как к маяку, тянулись к замершим у крайней камеры хранителям.

И сами застывали рядом с ними, едва рассмотрев величественную и прекрасную картину. Пологие склоны заросшего могучими елями ущелья, уходящего к поднимающимся на горизонте скалистым вершинам, увенчанным снеговыми шапками. И на фоне этих гор стремились ввысь невероятно изящные белоснежные дома-башни, привольно разбросанные по склонам среди садов, мостов и беседок.

Но в первую секунду взоры неодолимо притягивались к гибким существам багряного цвета, плавно скользящим среди облаков на полупрозрачных крыльях, похожих издали на огненные языки.

– Как красиво... – вздохнула Ирсана. – Значит, они все-таки умели летать.

– Нет, – тихо рыкнул неизвестно когда появившийся Рорн. – Не умели и не умеем. Ты же маг, так посуди сама, зачем дракону изначально было придумывать или отращивать себе крылья, если он может открыть портал в любую точку своего мира? И даже в другой.

– А эти? – Вельтон качнул головой в сторону алых летунов.

– Виверны, полумагические существа, созданные драконами для развлечения. На них очень любят кататься дети. – Дракон сделал знак, и одна из огромных змеептиц приблизилась почти к самому щиту, опустилась в траву, и с нее ловко соскользнул подросток лет двенадцати.

Телосложением он был похож на Рорна, плечист и мускулист, несмотря на юное лицо, но глаза – более светлые, почти желтые, как у кошки. Зрителей из будущего юный дракон, разумеется, не видел, но действовал очень уверенно и обстоятельно. Отыскал в траве капкан, отдал виверне крупного зайца, которого она проглотила не жуя, как змея, поправил седло, держащееся на протянутых к шипастому ошейнику ремнях, легко вскочил на своего небесного скакуна и умчался ввысь, провожаемый восхищенными взглядами.

– А огнем... – начал Лаберт, рассмотрел ехидную ухмылку дракона и досадливо буркнул: – Просто спросил.

– Когда на обычного человека летит такой монстр, – неожиданно покладисто пояснил Рорн, – что разглядит и запомнит в первую очередь испуганный бедолага? Клыки, когти и огненные крылья. И потом, когда начнет рассказывать об этом в трактире, обязательно приврет, будто видел пламя, прямо на него так и полыхнуло. А его слушатели будут говорить друзьям про сгоревшую куртку, опаленные ресницы и брови очевидца. И чем дальше поползет слух, тем невероятнее и красочнее станут детали. Такова уж человеческая натура, во все вложить капельку собственного воображения и понимания. Потому-то сейчас все люди упорно верят, будто мы можем мгновенно превращаться в огромных летающих огнедышащих монстров с шестью конечностями и громадным пузом, куда помещается целая корова. И никто из них не сумеет логично объяснить, для какой цели мне может потребоваться такой неудобный и неуклюжий облик, расходующий просто море энергии? Если в своем собственном теле я почти всемогущ?

– Ты меня успокоил, – лучисто улыбнулась Миралина. – Я всегда чувствовала какое-то несоответствие, даже несуразность в балладах, которые распевают менестрели и рассказывают бродячие сказители. И пыталась спорить, но мне не хватало знаний о вашей жизни. Думалось, а вдруг вы и правда живете в ледяных пещерах, где нечем топить печи и не из чего построить дом? Или возле раскаленных скал, есть такие далеко на востоке.

– И куда бы нам ни приходилось попадать, – усмехнулся в ответ дракон, – везде было намного проще, быстрее и экономнее поставить защитный купол и вырастить овощи, грибы или рыбу, чем создавать всем неуклюжие тела, требующие гор еды и тратящие магию в сотни раз расточительнее черных колдунов. А теперь я помогу вам выбрать артефакты.

Далеко идти, как выяснилось, не потребовалось. Сокровища были спрятаны в одной из камер, за картинкой, изображающей цветущий сад, над которым вились разноцветные, невероятно крупные стрекозы.

И лишь присмотревшись, маги поняли, что это крошечные копии людей, имеющих стрекозиные крылышки.

– Феи? – неверяще ахнула Ирсана.

– Фейлы, – поправил дракон. – Создания альвов. Альвы обожают выращивать всякие диковинки, овощи, фрукты, ягоды и даже конфеты. А вот собирать урожай им неинтересно, эта работа – монотонная и скучная.

Вот и придумали фейлов, полуразумных неутомимых собирателей. А позже научили их делать множество дел: опылять сады, ловить жучков, отгонять от ягод и орехов птиц, ткать шелка, плести кружево, низать жемчуг и бисер.

Рассказывая, он постепенно отодвигал щит и, когда образовался достаточно широкий проход, пропустил в келью гостей.

В этом помещении было светлее, чем в остальных залах, и властвовала строгая рациональность. Возле боковых стен стояло восемь окованных серебром внушительных шкафов, закрытых на такие же весомые запоры. И на каждом шкафу красовалась доска с надписью на драконьем языке, теперь все узнавали эти значки, хотя только Леа понимала их смысл.

– Вам не нужно ни с кем сражаться, – уверенно заявил Рорн, проходя к одному из шкафов. – И не потому, что я жалею колдуна или боевые артефакты. Просто их нужно сначала изучить, опробовать и провести хотя бы пять-шесть тренировок, иначе может случиться непоправимое. Ловушки брать бесполезно по тем же причинам. Остается защита. Я дам вам эльфийские пояса непобедимости, которые могут в течение трех дней спасти хозяина от любых бед. В них вложен опыт борьбы с огнем, водой, морозом, ядом и ударами. Действовать они начинают с того момента, как защелкнется застежка, но пока хозяину ничего не угрожает, отличить их от обычного пояса невозможно. Даю двадцать штук, наденете сами и дадите самым надежным друзьям, тем, кого оставите на охране города.

– Ты слушал наше совещание? – хмуро глянул на дракона Лаберт.

– Нет, это я доложила духу, для чего собираюсь взять артефакты, – спокойно сообщила Леаттия. – Не думаешь же ты, будто я имею право распоряжаться тут, как мне вздумается?

– Он надеялся, – съязвил Вельтон. – А вот колдун, похоже, уверен, что это так и есть.

– Ирсана останется с Леаттией. – Дракон отодвинул от магини пояс, который она пыталась взять, и буднично сообщил: – Отправляю Миралину в Гардез, остальных – в Гайртон.

– Но я... – попыталась возмутиться Санди и смолкла, обнаружив, что все магистры уже исчезли.

– Драконы никогда не рискуют женщинами, тем более беременными, – любезно объяснил магине Рорн, словно не замечая ее вспыхнувших розами щек.

Глава двадцать вторая

– Поздравляю, – улыбнулась герцогиня, обнаружив, что они с наставницей уже сидят вдвоем в ее гостиной. – Эгрис знает?

– Нет, – расстроено буркнула та. – Он бы тогда мог и в хранилище меня не пустить. Ты еще мало знакома с темными магами, они ужасные собственники, особенно мужа.

– Возможно, – смущенно улыбнулась своим мыслям Леаттия. – Но, по моему, жестоко утаивать от любимого мужчины такую новость.

– Да я еще сама сомневалась... слишком рано, чтобы сказать с уверенностью. А подать надежду и тут же разбить ее еще хуже.

– Значит, он хочет малыша?

– Мечтает, – порозовев, как девчонка, призналась Санди и лукаво хихикнула: – Самое заветное желание. Поэтому если меня вскоре запрут в башне и будут сдувать пылинки, вспомни, что я помогала тебе обрести свободу. Навещай хоть иногда.

– Я этого никогда не забуду, – серьезно кивнула Леа и вдруг призналась: – Ты мне стала лучшей подругой, почти сестрой. Поэтому обещаю никому не позволять тебя запирасть. А вот чем бы сейчас заняться, как-то не могу придумать.

Вслух говорить о том, что мыслями она далеко, в рощах Гайртон, Леа не собиралась, у Санди там тоже любимый мужчина, и лучше не растревлять и без того не спящее воображение.

– Спасибо. Я тоже к тебе душой привязалась, но первая этого ни за что бы не смогла сказать, – со смущенным смешком ответила магиня, немного подумала и предложила: – Нужно сходить к фрейлинам, я их еще не видела с тех пор, как стала статс-дамой.

Леа только плечами пожала – раз Санди это так необходимо, значит, она пойдет. Однако сама никакого желания встречаться с этими интриганками не испытывала, хотя и признавала, что без них не обойтись. Надо же кем-то разбавить пугающую знатных гостей толпу темных магов?

– Знаешь, – шепнула Ирсана, когда они спустились на первый этаж, где для фрейлин были отведены рядом со столовой две большие смежные комнаты и умывальня, – я всегда не любила шпионов и их методы считала нечестными. Но сегодня мне очень хотелось бы подслушать беседу наших соседок. Я, конечно, знаю, что Эгри оставил тут самых надежных, но ведь была же среди них Жалойна. Оказывается, она носила сильный амулет

против ментальной проверки... и где только добыла.

– При Кайоре несколько придворных господ занимались торговлей амулетами и зельями, – припомнила Леаттия. – Прямо во дворце можно было купить очень многое, встречались и довольно редкие вещицы. Возможно, их приносил Транис, я спрошу у дракона. А твоя идея мне нравится, с некоторых пор я начала ненавидеть людей, способных укусить исподтишка. Но как мы это сделаем?

– Отвод глаз, только помощнее обычного, – пояснила Санди и нарисовала в воздухе какую-то руну. – Готово. Идем.

Двери в комнаты, куда направлялись Леа с наставницей, оказались распахнуты, две служанки вывозили оттуда изящный серебряный столик на колесиках, на котором громоздилась грязная посуда и вазочки с подсохшими пирожными. Санди проскользнула мимо них первой, и герцогине ничего не оставалось, кроме как последовать ее примеру.

В первом помещении, обставленном как гостиная, никого не было, кроме горничной, торопливо протиравшей низкий стол. Рядом ждали своей очереди метелка и широкий мусорный совок, видимо, фрейлины недавно пили чай. Леа с магиней осторожно прошли мимо служанки, но она даже не подняла головы. В соседнюю комнату, где дамы могли поправить прическу и отдохнуть на удобных кушетках, вела широкая арка без дверей, скрытая плотными двойными занавесями. Заговорщицы проскользнули за первую портьеру и, услышав тихие голоса, осторожно выглянули в будуар.

Девушки откровенно скучали, но лишь одна из них держала в руках пальцы и иглу. Еще две, уютно устроившись возле окна на кушетках, с головой ушли в чтение, остальные лениво переговаривались, и не было бы в этом разговоре ничего особого, если бы не скользила в голосах фрейлин откровенная безнадежность.

– Тут можно и пять лет просидеть, – отвечая на чей-то вопрос, с досадой буркнула одна из девиц, – и ничего не высидеть. Маменька так радовалась, что меня оставили, думала, наконец выдаст замуж. Как ей сказать, что выходить тут теперь не за кого?

– Я чувствую себя хуже нищенки с рыночной площади, – уныло вздохнула вторая. – Эти маги шарахаются от меня, как от прокаженной.

– Знатных господ вообще в замок не пускают, – подхватила третья, – и гостей заграничных не видно. Один принц прибыл, и тот сразу пропал.

– А мне нравится, – на миг оторвалась от книги бледненькая девушка с проступающими даже сквозь толстый слой пудры веснушками. – Тихо стало и спокойно. А то не знали, куда прятаться.

– Некоторые не прятались, – с едва уловимым ехидством фыркнула

поглощенная вышивкой фрейлина, – вот им теперь и скучно.

– Перестаньте кусаться, – беззлобно прикрикнула брюнетка, явно имевшая в бабушках или дедушках выходца из Харказа. – Как не надоело! Лучше подправьте прически, скоро обед, может, гости придут.

– Зря надеешься, – зло огрызнулась первая, но договорить не успела.

Ирсане надоело слушать их свару, и она, сбросив морок, решительно раздвинула занавес:

– Добрый день, девушки! Ее светлость ждет вас в гостиной!

Подхватила Леаттию под руку и, хитро подмигнув, повела ее в сторону самого удобного кресла. А когда заинтригованная хранительница устроилась, магиня направилась к столу и села так, чтобы видеть всю комнату.

Фрейлины вылетели из будуара стремительно, как испугнутые птички, встали толпой у дверей, втихомолку оправляя оборки и кружева.

– Меня вы все уже знаете, – испытующе рассматривая свое маленькое войско, заявила Санди. – Я – магиня Ирсана Тагорно, жена главы темной гильдии и отныне статс-дама ее светлости Леаттии Брафорт. Ваши имена назовете потом, когда поговорим. Ее светлость разрешает вам сесть, разговор будет серьезный.

Девушки расселись быстро, как гвардейцы, и все как одна скромно опустили взоры, словно находились на смотринах.

– Я услышала, о чем вы говорили, – невозмутимо призналась новая статс-дама, – и согласна с вашими опасениями. Знатных и богатых женихов тут поубавилось. Но я точно знаю и другое. Что бы там ни советовали вам маменьки, папеньки и свахи, все это чистой воды ложь. Чужое богатство и титул еще никому не принесли счастья, кроме очень редких случаев, но о них поговорим позже. Все богатые и далеко не молодые мужчины, о которых вы мечтаете, давно знают цену и своим деньгам, и знатности рода. И если и выберут в жены кого-то из вас, то вовсе не затем, чтобы делиться своим добром, а ради желания иметь послушную игрушку. И каждый полученный от мужа золотой будет оплачен вашими разбитыми мечтами и зачастую горькими слезами.

– Мы это понимаем, ваша милость, – подняла голову девушка с веснушками, – но другого выхода не видим. Домой вернуться тоже нельзя, будут упрекать все, от бабушек до сестер. Про отца я не говорю, он обещал, если я не найду тут жениха, выдать за своего друга. Тот недавно овдовел.

– Абсолютно ничего вы не понимаете, – с презрительной жалостью усмехнулась Санди, – иначе не сидели бы тут, как мокрые курицы. Вы не поняли даже самого главного – насколько вам повезло! Так ярко удача не

улыбалась ни вашим маменькам, ни тетушкам, ни бабушкам! Вы оказались в этом дворце во время великих перемен, когда рухнула власть самозванцев и вернулась на трон истинная правительница! Но даже не заметили, что из замка исчезли насильники и развратники, подлецы и извращенцы, и вам больше не надо ломать голову, как спокойно пройти от спальни до столовой. Да и в самой спальне можно спать спокойно, не боясь, что посреди ночи зайвится толпа желающих развлечений господ, среди которых вы так наивно пытались найти жениха. Совершенно безуспешно, я знаю точно, что за последние годы замуж вышли лишь несколько фрейлин, и то только потому, что отцы давали за ними приличное приданое. Вот вы смотрите сейчас на меня так, словно я нарушила все пункты этикета и сказала невероятную пошлость, а это всего лишь правда, от которой вы прячетесь под тремя слоями пудры. Вот тебе не хочется за вдовца, и я это понимаю, хотя он вполне может оказаться порядочным человеком, просто недостаточно молод. Зато ни один из молодых дружков Кайора никогда не смотрел на вас как на девушек, достойных стать женами. Зачем им было жениться, если все можно получить просто так? Да еще и поиздеваться, ведь возле него только такие и крутились. Но об этом вы старались даже не думать, не то что говорить. Тешили себя бессмысленными мечтами. И сейчас сидите и плачете, не желая представить, как через много лет ваши дети и внуки спросят: «Бабушка, ты ведь была во дворце в самый разгар знаменательных событий? Расскажи, что видела, чем занималась?» И что вы ответите? «Ничего не видела, ела пирожные».

– А мы и так ничего не видим, – хмыкнула брюнетка.

– Потому что не хотите, – отрезала магиня. – Все вокруг изменилось, а вы, как заведенные куклы, продолжаете жить по-прежнему, ходите в неудобных платьях с огромными декольте, украшаете прически детскими бантиками и цветочками. Толпа скучных ходячих манекенов, иначе не скажешь. А какие вы на самом деле за этими одинаковыми бантиками и оборками да под толстым слоем пудры, даже разглядеть невозможно. Но вы этого понимать не хотите, каждый день упорно тратите несколько часов своей неповторимой молодости на переодевания и не замечаете страшной истины. Громоздкая вычурная одежда, вместо того чтобы служить вам, превратилась в вашего хозяина и повелителя. Вы ведь даже не поинтересовались, почему из полусотни недавно сновавших по дворцу красавиц фрейлинами оставили именно вас? А я знаю. Мы проверяли всех на честность, доброту, скромность и порядочность. И раз вы сидите здесь – значит, вы самые лучшие, этим нужно гордиться и пользоваться редким шансом. Искать не самых выгодных мужей, а настоящую любовь, вот тогда

вы станете живыми людьми. Но сначала придется оставить в прошлом старые привычки и условности, выбросить неудобные туфли и корсеты, смыть пудру и мушек.

– А что мы тогда наденем? И куда денем наряды? Мы заплатили за них большие деньги... – настороженно смотрели на Леаттию девушки, но она и сама задумалась над словами наставницы.

– Вернуть потраченное я вам помогу, – уверенно объявила Санди. – Соберите все ненужное в этой комнате, оставьте только домашние платья. А новое закажете особой портнихе, она прибудет сюда сегодня же. Но не забывайте главного – вы должны оттенять правительницу, а не выделяться нелепыми и слишком откровенными нарядами. И последний секрет, который ее светлость позволила мне открыть. Те из вас, кто сумеют стать герцогине преданными помощницами и найдут себе полезное для страны дело, получат достойное приданое.

Некоторое время они молча размышляли, потом взор снова подняла фрейлина с конопушками.

– Все это справедливо, – горько признала она, – но мы ничего не умеем. И если сотрем пудру, то станет видно все изъяны. У меня веснушки, у Мальен – смуглая кожа...

– Если человек захочет, – не согласилась магиня, – он может многому научиться. А дело для девичьих рук и добрых сердец всегда найдется. Помогать в замке Гардез ее милости Миралине, взявшей на себя заботу о бездомных детях, учить служанок грамоте, помогать с документами магам из ведомства главного прокурора. Да просто украшать дворец улыбками, смехом, жизнерадостностью, различными небольшими развлечениями. Неужели вы все вместе ничего не сумеете выдумать? Но в крайнем случае я всегда подскажу. И можете не сомневаться, тогда вас заметят даже самые занятые маги. В темной гильдии у многих жены не имеют способностей, и никого это не смущает. Да и гости еще будут, никуда не денутся. К их приезду вы должны стать совершенно другими. Не несчастными сиротками, которые рады любому знаку внимания от любого мало-мальски подходящего мужчины, а уверенными в себе фрейлинами правительницы, которая сумела избавиться от нелюбимого жениха и вернуть своему имени былое величие.

– А, – резко махнув рукой, с дивана вскочила рыжеволосая девушка, – раз вы нам всю правду... то и мы можем? Ее светлость раньше несчастной ничуть не выглядела, наоборот, герцогу в рот глядела. А потом привела вас, и нам понятно, кто теперь будет править герцогством. Темные маги.

– Девеза, молчи! – в отчаянии закричала Мальен, но рыжая уже

неслась к двери.

– Стоять! – догнал ее приказ Ирсаны, и смутьянка замерла на месте. – Вернись на место.

– Не нужно. Ирсана, сними, пожалуйста, с нее подчинение. – Хранительница поднялась с места и сама направилась к фрейлине: – Девеза, взгляни мне в глаза и запомни – я уважаю людей, которые не боятся сказать правду, если в ней уверены. А ты была уверена, и скажу тебе честно – я и сама недавно так думала. Но не знала, что браслет, который надел мне Кайор в пятнадцать лет, управлял мной точно так же, как сейчас тобой – магия Ирсаны. И когда наваждение спало, я почувствовала себя обманутой и обворованной, пять лучших лет жизни посвящены жестокому негодяю. Больше всего хотелось сбежать подальше и никогда сюда не возвращаться. Но мне рассказали про десятки изуродованных герцогом девушек, погибших в самом расцвете молодости от забав Кайора и его дружков, и про тех несчастных, которые теперь передвигаются только на носилках... и я вернулась. Чтобы он больше никого не смог изувечить. А теперь все, кому не нравятся мои друзья и правила, могут идти куда хотят, вам выдадут жалованье за две луны. Но если кто-то захочет остаться, поменять свои привычки и выполнять указания Ирсаны, я обещаю помочь во всех ваших бедах. И, разумеется, никогда ни словом, ни делом не упрекну за смелость и откровенность. Потому что убеждена: это не недостаток, а достоинство. Ну и, конечно, у вас есть время на выбор. Скажете свое решение после обеда, а сейчас я вас оставляю.

Ирсана за ней не пошла, лишь проводила подругу сочувствующим взглядом. У каждого бывают в жизни моменты, когда хочется побыть в одиночестве. Оглядела притихших фрейлин, вернувшуюся на место рыжую смутьянку и тихонько вздохнула. Разве они виноваты, что с детства слышали только рассуждения о том, что девушка должна выгодно выйти замуж? И не важно, каким будет сам муж, как он станет относиться к юной жене, каких жертв потребует за свои деньги. Лишь бы был богат, а лучше еще и знатен. И приходится бедняжкам потом собирать обиды, боль и унижения в свою жизненную копилку, куда невозможно положить ни драгоценности, ни роскошный дом, только воспоминания и чувства.

– Ваша милость, – осмелела наконец Мальен, – мы не поняли... как сшито платье, которое носит ее светлость?

– Почти по-харказски. Вместо нижних юбок – женские шаровары, только штанины очень широкие и свободные книзу. А сверху платье из того же материала, но на ладонь короче обычного. В таком наряде удобно садиться в карету и на лошадь, подниматься и спускаться по лестницам,

сидеть в кресле и на садовой скамейке, кататься на качелях и стоять на балконе или башне, никакой порыв ветра не поднимет все юбки, выставив напоказ панталоны и чулки. Кстати, чулки с таким нарядом тоже не нужны, летом это очень облегчает жизнь.

– А почему вы такое не носите? – недоверчиво прищурилась Девеза.

– Просто мои платья еще не готовы, – открыто улыбнулась Санди. – Но можете быть спокойны, уже к ужину я буду ходить в таком же костюме. Разумеется, мое платье не такое строгое, я люблю шелка светло-зеленых и песочных оттенков с потайным рисунком. И вы выберете каждая свое... если, конечно, решите здесь остаться.

Развернулась и покинула гостиную, не желая мешать девушкам обсуждать неожиданный поворот в их судьбе. Пусть поговорят, поспорят и даже поссорятся. Без этого им трудно будет понять, чего они хотят на самом деле. И чего готовы лишиться ради собственного счастья.

Поговорить с фрейлинами после обеда Леаттии не удалось. Во дворец пожаловали незваные гости сразу из трех соседних стран. И лишь на полчаса их опередила толпа горожан, притащивших на руках мрачного безногого мужчину средних лет.

«Рорн, – мысленно позвала хранительница, получив послание от дежурного мага, – как мне быть?»

«Прикажи провести их в приемный зал, – откуда-то издалека посоветовал дракон. – И не волнуйся. Я приду минут через десять».

Она послушно кивнула, забыв, что увидеть этот жест он не сможет, и отправила горничную за Ирсаной. И с сожалением отодвинула сшитые в книгу донесения жрецов трехсотлетней давности, оказавшиеся очень увлекательным чтивом.

Горожане входили в зал опасливо, настороженно оглядывая натертый до блеска паркет, строгие витражи в окнах, величественные скульптуры в нишах и позолоченную резьбу древних дубовых панелей.

Но свою живую ношу не отпускали, так и держали вчетвером, пока Леаттия не предложила посадить мужчину, чье имя она уже угадала, в услужливо подкатившее кресло.

– Благодарю, – хриловато усмехнулся ростовщик, так же пристально рассматривая герцогиню, как и она его, и с вызовом осведомился: – Надеюсь, ваша светлость согласится со мной, что безногий калека не может управлять вашей столицей?

– На днях я видела мужчину, у которого все было на месте – и ноги, и руки... – задумчиво сообщила хранительница, – зато не осталось ни

совести, ни чести. И теперь твердо уверена, что именно они – самые важные качества в градоначальниках, а все остальное можно решить.

– Интересно, как? – прищурился он.

– Сейчас магистры заняты важными делами, – мягко улыбнулась Леа, – но скоро вернутся и, несомненно, найдут способ вернуть вам здоровье... если вы и есть Горен Корзо.

– Извините, ваша светлость, – без малейшего почтения хмыкнул калека, – не представился. Горен Корзо, ростовщик.

– Леаттия Брафорт, герцогиня, – пошутила Леа, и горожане, расслабившись, заулыбались. – Я вас очень хорошо понимаю. Должность градоначальника – хлопотная, зачастую неблагодарная, и всякие происшествия происходят чаще в праздничные дни, чем в будни. У самой на плечах такая ноша.

– Вашей светлости проще, выйдете замуж – сгрузите все на мужа, – явно не собиравшись сдаваться ростовщик.

– Вам тоже дадим мага в помощники, – старательно не замечая его вызывающего тона, примирительно пообещала Леаттия. – И все остальное, что потребуется. Вы же прекрасно понимаете, почему эти люди принесли сюда именно вас? Им хочется помощи и справедливости, надоели глупые налоги и взяточники.

– Градоначальник не имеет права отменять налоги или добавлять новые, – хмуро просветил ее Горен.

– Я знаю. В герцогстве этим вопросом теперь заняты главный казначей и его помощники. Но, как мне известно, в каждом государстве свои тонкости в этом деле, и они будут благодарны любой подсказке и помощи.

– Извините, ваша светлость, я опоздал, – голосом дракона рыкнул появившийся в зале Эгрис, и молча сидевшая рядом с правительницей Ирсана разочарованно вздохнула.

– Не страшно, ваша милость, – поспешила ответить Леа. – Я знаю, что у вас очень важные дела. Приказать подать вам стул или создадите?

– Прошу простить, ваша светлость, но сидеть мне некогда, – буркнул лжеглава темных, направляясь напрямиком к Горену. – Меня ждут в одном интересном месте.

Ростовщик вдруг взмыл в воздух, беспомощно замахал руками и попытался возмутиться, но тут же смолк, обнаружив, что уже не висит, а лежит. Он попытался привстать, но странное ложе держало его короткое тело цепко, как куст репейника – клок шерсти. Горен обреченно вздохнул, сдаваясь неведомой силе, и уснул.

Ошеломленные горожане рассматривали обитую мягким белым мехом

диковинную коляску, смутно похожую на детскую люльку, в которой лежал их защитник, и постепенно падали духом.

– Не волнуйтесь! – властно рыкнул дракон. – Ничего плохого с ним не случится. Сейчас я отвезу его в свою башню и начну ритуал восстановления. Сами понимаете, действие это не простое и не быстрое. Даже перышко лука за день не вырастишь, а ноги – не трава. Кости должны затвердеть, мышцы – налиться, кожа – огрубеть. И за всем этим нужно бдительно следить, без ухода и пригляда даже лук не растет. Поэтому идите сейчас по домам, а завтра пришлете трех человек его проведать. Долго спать ему нельзя, нужно часто кушать, мясо должно из чего-то нарасти.

– Спасибо, – поклонился старший из горожан стремительно уходящему магу, за которым, как собачонка, сама катилась тележка. Перевел взгляд на герцогиню и поклонился еще ниже. – Благодарим, ваша светлость, теперь я ваш должник. Даже если ноги у него не появятся... все равно. За то, что не отмахнулись, посочувствовали горю.

– Это вам спасибо, – смущенно улыбнулась Леаттия, – за доброту и сострадание. А ноги у него вырастут, не сомневайтесь. Может, первое время ходить трудновато будет, но он человек упорный, справится.

– Да и мы поможем, – кланяясь, уходили горожане, но у выхода замешкались, оглянулись. – А еды мы ему принесем, пусть мясо нарастает.

Едва двери за ними закрылись, в зале появился дракон. На этот раз в своем собственном виде, серьезный и даже как будто расстроенный.

– Леа, – заявил, сядясь напротив хранительницы и привычно создавая стол с едой, – слушай внимательно.

Но прежде чем заговорить, поспешно сжевал несколько кусков мяса, заедая его желтым, полупрозрачным, как янтарь, сыром и маслянисто блестящей рыбной икрой. Леаттия с магией, наблюдая за его торопливой трапезой, огорченно вздыхали: видимо, снова дракону пришлось мотаться куда-то порталами.

– Не сопите вы так, – буркнул он, в три глотка выпив большой кубок густого темно-бордового сока, пахнувшего незнакомыми фруктами. – Начинаю чувствовать себя обиженной сироткой. Я ни с кем не воевал, лишь немножко облегчил задачку вашим магам, обвел Гайртон и соседние городки защитной сетью. Не очень мощной, зато чуткой к черной магии и всяким ловушкам. Если черный туда сунется, я сразу получу сигнал. Сейчас пойду закончу... но сказать хотел не об этом. В город прибыли гости из Дагора, Гестона и Харказа. Я не могу сейчас помочь тебе в переговорах, поэтому советую всех принять, разместить подальше друг от друга и назначить аудиенцию на завтра. Ты не обязана бежать навстречу

каждому, кто пожелает заявиться во дворец. В крайнем случае, если будут настаивать, пригласи на ужин.

Рорн проворно проглотил последние куски и исчез, подтверждая этой стремительностью опасения Леаттии и ее наставницы насчет серьезности его задач.

Глава двадцать третья

– Может, объявим гостям, что сегодня ты занята? – подумав, предложила Санди. – А я попытаюсь с ними договориться.

Разумеется, Леа с ней согласилась. Этот день оказался труднее предыдущих: как выяснилось, разбирать важные государственные вопросы и вершить судьбы подданных – очень непростое и нелегкое дело. Особенно когда еще сильна привычка не доверять собственному мнению и покорно выполнять чужие указания и советы.

У хранительницы даже голова разболелась от сомнений и напряжения, но она не стала говорить об этом Санди. Неизвестно, как та воспримет такое признание, вполне возможно, заставит лечь в постель, как делали до этого все компаньонки и гувернантки Леа. А у нее еще с детства был свой собственный метод. Нужно просто встать у окна верхнего этажа, откуда видно только небо, сливающееся вдаль с озером, и постараться представить себя птицей, свободно парящей в этой бесконечной синеве среди белых невесомых облачков.

Теперь она догадывалась, почему ее так успокаивает простор неба и почему она так часто летает во сне. Наверняка любовь к этому передалась с духовной памятью дракона, как и остальные его качества. Леаттия застыла у окна и сама не заметила, в какой момент ее мысли улетели в Гайртон, туда, где сейчас занят спасением собратьев ее любимый. Наверняка у них там какие-то неожиданные трудности, раз он не пришел к обеду, как пообещал ей, прежде чем исчезнуть в портале.

«Хоть бы к ужину пришел», – вздохнула девушка и невольно покраснела, вспомнив утренний разговор. Ей несказанно повезло, что Джар все понимает с полуслова и никогда не примет ее поспешность за испорченность или какую-то интригу. Но даже не догадывается, что расчет у нее все-таки есть, только честно признаться в том, почему ей не хочется побыть невестой еще несколько дней, Леаттия пока не может.

В дверь торопливо стукнули, и не успела хранительница обернуться, как в гостиную влетела озабоченная магиня.

– У меня к тебе очень серьезный разговор, – заявила она, подходя к столу.

Налила себе холодного взвару, рассеянно сделала несколько глотков и обреченно поинтересовалась:

– Джар говорил тебе, почему когда-то ушел из дома?

– Нет, – растерянно выдохнула герцогиня, чувствуя, как тревожно забилось ее сердце. – А тебе?

– Мне тоже – нет, – несчастно выдавила Санди. – Но я все же знаю. Случайно выяснила.

– И теперь ты собираешься... рассказать мне? – Леаттии почему-то почти до отвращения не хотелось совать нос в старинные секреты жениха.

– Ни в коем случае! – убежденно выдохнула магиня. – Только предупредить, что услышанная мной история очень подозрительна. В то время я была едва знакома с Джаром и не могла понять, есть там правда или нет. А теперь, когда мы несколько лет были напарниками, уверена, что рассказы о нем – подлая ложь. Нам приходилось по несколько декад жить в одном доме или на постоялом дворе, и я знаю его лучше, чем родных братьев.

– Тогда я не понимаю, зачем ты завела этот разговор? – осторожно осведомилась герцогиня.

– Очень просто, – несчастно уставилась на подругу Ирсана. – Вместе с княжичем и его свитой из Дагора приехал отец Арвиса с женой. И он требует немедленной встречи с тобой, утверждая, что должен сообщить тебе нечто очень важное.

– Ах вот оно что, – помрачнела Леаттия. – И ты считаешь, что говорить он намерен о сыне? Точнее, попытается раскрыть мне на жениха глаза?

– Несомненно. – Санди допила взвар и сердито усмехнулась: – Не появлялись же они, пока Джар гнул спину в Белой цитадели, зарабатывал медяки, зачаровывая простенькие обереги. Ведь никто не понесет к неизвестному мастеру дорогостоящую вещь, а самому ему не из чего было делать что-то сложнее деревянных браслетов и защитных подвесок из шпата.

– В таком случае они сильно просчитались, – сверкнув яростным взглядом, холодно усмехнулась герцогиня. – В одиночку, без Эгриса, остальных советников и за спиной Арвиса, я не стану слушать ничьих историй. Передай дагорцам и остальным гостям, что аудиенция им назначена на завтрашнее утро в тронном зале. Время пока не уточняй, вдруг маги не успеют вернуться.

– Хорошо, – с облегчением кивнула Санди и направилась к дверям.

– Кстати, – вспомнила Леа, – я хотела спросить, как ты поступила с платьями фрейлин? И в чем они пойдут сегодня на ужин?

– Я послала письмо знакомой хозяйке модной швейной мастерской с предложением купить несколько десятков роскошных платьев по

умеренной цене, – довольно усмехнулась магиня. – И намекнула, что вдобавок она первой получит выкройку новых нарядов герцогини.

– Но ведь девушки уже носили эту одежду? – засомневалась Леа.

– Мне и раньше приходилось пользоваться заклинанием свежести, а теперь, когда способности заметно усилились, платья после него становятся как новенькие. Ну а как украсить их кружевом или переделать оборки, госпожа Желли догадается и сама. А шить платья фрейлинам будет знакомая мне магиня Сеонна из Овертона, умеющая мгновенно сращивать швы на ткани. Она уже пришла порталом, и за сегодняшний вечер я собираюсь приодеть всех своих подопечных. Если желаешь посмотреть, присоединяйся к нам.

– Желаю, – недолго раздумывала хранительница, успевшая понять, каким долгим покажется ей проведенный в одиночестве вечер.

Как выяснилось, спокойно читать и любоваться закатом она могла лишь в том случае, когда ни за кого не беспокоилась и никого не ждала.

Время до ужина они провели очень интересно и даже весело. Девушки, получившие известие, что их прежние вещи проданы все до нитки и уже завтра на их счетах появятся немалые деньги, не сразу поверили, что новые платья они получают совершенно бесплатно. Прижимистый Кайор никогда не оплатил бы им даже ночных туфель. И потому, выбирая ткани из кучи разбросанных по столу рулонов, поначалу скромно интересовались ценой локтя.

– Первые наряды за счет казны, – понаблюдав за ними, твердо объявила Леаттия. – Но цвет подберет мастер. Ей лучше видно, кому какой больше идет.

А позже, когда магини начали обсуждать форму декольте и рукавов, виды и расположение застежек, количество вышивки да кружев, незаметно увлеклась. Вместе со всеми выбирала из принесенных Сеонной набросков отвечающие собственному титулу и вкусу, спорила с Санди и фрейлинами, слушала объяснения мастера и подбадривала смущенных девушек, впервые примеривших непривычную одежду.

Ужинали они с Ирсаной вдвоем, в покоях хранительницы, и обе все сильнее ощущали, как постепенно тает недавнее оживление и веселье, сменяясь гнетущей тоской.

– И дракон куда-то исчез... – пробормотала Леа уныло, когда служанка подала десерт и послушно удалилась, увозя остатки трапезы.

– А ты, – с тревогой глянула ей в лицо Ирсана, – его как-то зовешь?

– Да. Просто думаю о нем. Повторяю имя, и он отзывается. Раньше так

не получалось, нужно было приложить ладони к камням хранилища. А сейчас уже три раза позвала, он обещал Тана вернуть.

– Может, мне сходить... – Магиня неуверенно покосилась в окно, за которым таяли последние сполохи заката.

– Нет, – запротестовала хранительница, отлично сообразившая, куда хочет идти Ирсана. – Ты еще неуверенно открываешь порталы, я слышала, как Арвис говорил. Твой муж меня убьет, если ты попадешь не туда, куда шла. Сиди лучше тут, а если хочешь, ночуй в моих покоях, вторая спальня очень удобная.

– Пожалуй, – неуверенно согласилась ее советница. – Но ложиться пока еще рано.

Они неторопливо ели десерт, тонкие, хрупкие вафли, наполненные нежным клубничным кремом, присыпанным жареными орешками, пили горячий настой из смородиновых листьев и беседовали о разных мелочах, старательно обходя тему неизвестно куда исчезнувших магов. А когда, почти уверившись в бесполезности ожидания, примолкли, поглядывая в сгустившуюся за окнами тьму, посреди комнаты вдруг вспыхнуло синеватое сияние, и возникла толпа мужчин.

Несколько секунд подруги торопливо и суматошно обшаривали их взглядами, ища любимых и попутно отмечая мрачные лица, мятую, грязную одежду и обгорелые волосы.

– Арвис!.. – охнула Леаттия, отыскав наконец жениха, и тут же крепко стиснула губы, рассмотрев кровь на его рубахе и какой-то потерянный, виноватый взор.

– Сначала надо умыться, – скупно сообщил Эгрис и исчез, не позвав с собой жену.

– А где... Вельтон? – пристально вглядываясь в глаза собратьев по гильдии, хрипловато спросила магиня, словно не заметив странного поведения мужа.

Ей никто не ответил, все вдруг засуетились, заспешили и дружной толпой покинули комнату. Арвис ушел с ними, но внимательно следившая за женихом Леаттия и не подумала его остановить. Наоборот, едва дверь за мужчинами закрылась, вскочила с кресла и помчалась к панно, за которым скрывался вход в подъемник. Торопливо открыла проход, оглянулась на вставшую рядом магиню и молча кивнула. Через пару секунд, не произнеся ни слова, они уже спускались вниз, в хранилище источника.

Рорна они увидели сразу, он сидел перед уставленным блюдами столом и торопливо ел. И едва заметив принесенную драконом в зал источника мебель, Леа убедилась в правоте своих подозрений. Ведь ему не нужно

сидеть здесь постоянно, если нет необходимости мгновенно уйти к любому из источников. Колени хранительницы вдруг ослабели, начали подкашиваться ноги, и если бы Ирсана не подхватила ее под руку, девушка не дошла бы до ближайшего стула.

– Что с ним? – почти упав на сиденье, выдавила она помертвелыми губами и сама не узнала свой голос, так резко и надрывно он прозвучал.

– Разве ты его не видела? – не поднимая взора от тарелки, буркнул дракон.

– Рорн... – укоризненно вздохнула Санди, села рядом с подругой и ободряюще сжала ее плечо, – я ему только напарница, и то сразу заметила, что он сам не свой. А она его любит. Когда женщины влюблены по-настоящему, они узнают своих мужчин издалека. И не столько глазами, сколько душой. А уж когда я не нашла Вельтона, сразу все поняла. Он изображает Джара, и неплохо, все черные владеют даром лицедейства лучше других.

– Не похоже, – скорбно кривя губы, не согласилась с ней Леа. – Арвис теперь весь светится, когда смотрит на меня, а такой виноватый взгляд я вижу впервые. Неужели Вель надеялся меня обмануть?

– Да он не хотел, – тяжело вздохнул Рорн и расстроено отшвырнул чашку. – Мы уговорили.

– Тогда где сейчас Джар? – с замирающим сердцем спросила Санди, стараясь не смотреть в лицо хранительницы.

– Не знаю, – посерев, как грозовая туча, тихо рыкнул Рорн и яростнее заработал челюстями.

– Как такое может быть? – удрученно пробормотала магиня, до этого момента свято верившая в могущество дракона.

– Ловушка была поставлена именно на него, – прожевав кусок, признался он. – В его доме, хотя у Арвиса там стояла защита. Мы уже всё закончили и собирались вернуться, но он захотел взять какую-то вещицу и ушел туда порталом. А через несколько секунд вдруг открыл переход в другое место...

Рорн смолк, взглядом подтянул к себе кувшин и за несколько глотков опустошил прямо через край. Посидел, вперив взор в столешницу, и неистово скрипнул зубами.

– Даже я в первый момент ничего не понял – лишь после того, как всполошилась защита дома. Только тогда вспомнил, что из домов темных нельзя уйти без разрешения хозяина. След перехода я обнаружил почти сразу – и очутился в горном ущелье перед несущейся на меня лавиной камней. Больше никого там уже не было, а в разные стороны вели четыре

свежих следа. В спешке пришлось идти почти наугад, и я оказался на висящем над бурным потоком веревочном мостке... Один. И больше никаких следов перехода.

– А в воде? – побелев, шепнула Ирсана.

– Был, но не он, – поспешил успокоить дракон. – Один из учеников черного колдуна. Я вытащил, но вернуть к жизни уже не смог. И ничего найти не удалось, как и в ущелье. Лавина засыпала все слоем в десять локтей и смешала остаточные потоки.

– А ты не можешь найти его по амулетам... или еще как-то? – безо всякой надежды спросила Леа.

– Нет.

– Это я виновата, – убито всхлипнула хранительница. – Если бы послушала совета...

– Ничего бы не изменилось, – Рорн попытался ее утешить. – Я мог бы найти его по своему браслету, но Арвис спрятан очень надежно. В глубокой шахте или пещере, откуда не проходит отзыв магии.

– И что с ним?.. – Едва представив методы, какими пользовались черные маги для убеждения строптивых, Леаттия побелела как полотно.

– Черному магистру нужна ты, – сурово прикрикнул дракон, – и значит, твой муж пока в безопасности. Поэтому нам остается только ожидать предложения колдуна. И пока я его ищу, тебе придется прятать свои чувства и разговаривать с Вельтоном с таким видом, будто ты принимаешь его за Арвиса. Нужно поторопить черного и постараться, чтобы он не заподозрил ловушку. Теперь я уверен, что он имеет еще один способ наблюдать за тобой, хотя и издали.

– Зачем ему я? – расстроено пробормотала Леаттия.

– Все за тем же, – усмехнулся Рорн. – Черный желает с твоей помощью стать герцогом и получить власть. Не над людьми, они его интересуют мало, а над всеми источниками. Транис считал желание подменить на троне Манреха своим собственным, но, заглянув в его память, я нашел следы постоянного, настойчивого внушения. Значит, черный собирался сам надеть личину Кайора вместо Траниса. Только поэтому я пощадил его и принял под защиту.

– Я пойду, – помолчав, поднялась Санди. – Теперь мне понятно, почему муж пробежал мимо. Он поклялся никогда мне не лгать.

– А я теперь не усну, – тоскливо прошептала Леаттия. – И даже заняться ничем не смогу.

– Спать еще рано, – заявил Рорн. – У тебя появился сын, и он сейчас проснется. Нужно показать ему новую комнату, и не забудь предупредить

магов, думаю, все они с удовольствием туда пойдут.

Говорить, что друзьям Арвиса тоже необходимо отвлечься от тяжелых мыслей, дракон не стал, девушки и сами об этом догадаются.

В следующую секунду Санди стояла посреди своей спальни, глядя в спину застывшего у окна мужа. Метнулась к нему, не дожидаясь, пока обернется, обхватила руками за торс и крепко прижалась. И неожиданно горько всхлипнула, почуввав ставший родным запах.

– Саночка... – встревожился Эгрис, мгновенно крутнулся в ее руках и, оказавшись лицом к любимой, заглянул в залитое слезами лицо, – не нужно так расстраиваться... мне тоже тяжело, но дракон его вытащит... и мы сделаем все возможное.

– Извини... – прорыдала она. – Я сейчас не о нем... хотя очень тревожусь... мне вдруг стало так страшно, что тебя тоже кто-то изображает...

– Родная... – железной хваткой стиснул жену магистр, прижал с такой силой, что обоим стало трудно дышать, – я сделаю все, чтобы такого никогда не случилось. Но на самый крайний, невозможный случай лучше придумать пароль или знак.

Леаттия в этот момент сидела на краю просторной роскошной кровати, где, свернувшись клубочком, спал худенький светловолосый мальчишка. Такой маленький и беззащитный на этой огромной постели, что хотелось укрыть его потеплее, загородить собой от мира, полного жестокости и несправедливости.

– Леа? – тихо позвал Вельтон.

Нехотя оглянувшись, хранительница рассмотрела его лицо и облегченно перевела дух – главный прокурор герцогства снял чужую личину.

– Спасибо, – сказала она искренне, и маг тихо усмехнулся.

– Я им сразу сказал, что это плохая затея, но разве всех переспоришь? Дух говорит, мальчишка должен сейчас проснуться... мне остаться собой?

– Конечно, – шепнула она. – Я сама ему все объясню.

– Мы ждем в гостиной, – предупредил Вельтон и ушел.

А через минуту ресницы ребенка дрогнули, и он проснулся. Резко распахнул глазенки, как обычно делают лишь запуганные люди, не ожидающие от рассвета ничего доброго. Пару секунд недоуменно озирался, но очень быстро сообразил, где находится.

– Я долго спал? – спросил почти с ужасом, глянув в окно.

– Зато отдохнул, – улыбнулась Леа. – Беги умываться и пойдём

ужинать. А потом посмотреть комнату, сделанную по заказу твоего отца.

– А где... – уже от двери спросил Тан, запнулся и тише закончил: –... мой отец?

– Ушел на задание, – вздохнула Леа, и мальчишку этот ответ устроил.

Уже через две минуты он выскочил в спальню умытый и причесанный, зато с мокрым пятном на рубашке, которое старался загородить рукой.

– Сначала я тебе что-то покажу. – Хранительница направилась к шкафу, распахнула дверцы и оглядела вешалки с одеждой. – Вот это все твое. Выбирай любое, главное, чтобы нравилось тебе. И не бойся испачкать или порвать, у нас одежду чистят магией, и менять костюмы можно хоть пять раз в день. Сыну герцога не положено ходить неряхой. А теперь идем.

– Я только рубашку другую надену, – испытующе поглядели на нее такие знакомые синие глаза.

– Хорошо, – легко согласилась Леа и поспешила выйти в гостиную, пока ребенок не рассмотрел побежавшую по ее щеке слезинку.

Маги уже сидели за накрытым столом, все чистые и свежие, но суровые и молчаливые.

– Извини, – мельком взглянул Эгрис и уставился в тарелку, – не хотели тебя волновать. Рорн мотается по всем королевствам, как только хоть что-то нащупает – пойдём туда.

– Он сейчас сидит внизу, у источника, – тихо ответила девушка, посомневалась и осторожно намекнула: – А по королевствам ходят другие.

– Доппели? – заинтересовался Бензор.

– Не знаю, как они зовутся, – укоризненно глянула на него хранительница. – Но если вы понадобится, он призовет с любого места. Поэтому все желающие могут пойти с нами посмотреть комнату.

Дверь открылась, и в комнату несмело шагнул Танельс в нарядной, немного великоватой рубашке.

– Добрый вечер, – поприветствовал он присутствующих.

Их угрюмые лица сразу разгладились, и хотя без магии вряд ли обошлось, Леа вздохнула свободнее. Она боялась, как бы вид магов еще сильнее не напугал и без того робкого и недоверчивого ребенка.

– Садись, поешь с нами, – указал на стул рядом с собой Вельтон. – Мы только пришли и голодные как волки. Потом пойдём поглядим на твою новую спальню. Скажу по секрету – я просто сгораю от любопытства, магистр, который ее устраивал, – великий затейник.

Танельс подозрительно покосился на мага и, казалось, забыл о его словах, но, вставая из-за стола после ужина, вдруг тихо сказал:

– Мне разрешили жить в той комнате, где захочу.

– Именно так, – с улыбкой подтвердила Леаттия. – Но посмотреть, что там получилось, мне и самой не терпится.

И не давая никому усомниться в правдивости этого заявления, решительно двинулась к выходу. Маги дружно отправились за ней, и Тан поневоле медленно поплелся следом.

Вскоре все они стояли перед закрытой дверью в дальние угловые покои и ожидающе поглядывали на хранительницу.

– Танельс, – позвала она нежданно обретенного сына, – возможно, ты еще не знаешь, но у темных магов есть закон. Когда они делают кому-то подарок, взять его не сумеет никто другой. А эти покои теперь откроешь лишь ты, а мы войдем, только если пригласишь. Потом можешь поступить так, как тебе захочется, закрыть и никогда не заходить, или приходить изредка, ну, в общем, сам придумаешь. А сейчас положи руку на этот знак и мысленно прикажи двери открыться.

Мальчишка с явным нежеланием подошел ближе, коснулся руны и сморщился, явно не зная, как нужно просить мысленно. Однако дверь все-таки распахнулась, медленно и словно с трудом.

– Ну? – спросила Леа, глядя на скрывавший вход туман. – Ты пойдешь один или пригласишь нас?

– Приглашаю, – угрюмо выдохнул Тан и решительно вошел в комнату.

Глава двадцать четвертая

На мгновение Танельс вдруг стал невероятно похож на своего отца, и маги дружно помрачнели.

– Не спеши, – остановил ринувшуюся за ним хранительницу Эгрис. – Дай ему немного осмотреться.

– Я только одним глазком, – не выдержала Леаттия через долгих десять секунд и шагнула в комнату. Вскоре выглянула на миг, сверкнула восторженным взором, шепнула: – Входите по одному, только не останавливайтесь на пороге!

И снова исчезла.

Маги заинтригованно переглянулись и поспешили выстроиться в очередь, пропустив вперед Ирсану. Уже через минуту они дружной толпой замерли на узенькой площадке, напоминавшей балкончик, жадно спеша рассмотреть все, на чем останавливался взгляд.

Чудеса начинались от самого входа, и почти сразу стало ясно, что быстро, с первого раза, разглядеть созданную драконом сказку ни у кого не получится. Тут необходимо было стоять часами, изучая множество ошеломляющих и невозможных для обычных строителей деталей.

И первым делом гости осознали, что стоят вовсе не на балконе. Им вообще казалось, будто они не очутились в покоях дворца, а перенеслись на гигантскую лиану, змеей обвивающую мощный ствол невероятно громадного дерева и защищенную сплетенными из живых веток перилами высотой по пояс.

Судя по открывшемуся виду на еще скрытую утренним туманом воду неизвестного озера, на причалы, корабли и лодки рыбаков, эта лоза находилась на значительной высоте. Магам тотчас припомнилась картинка из подземного зала, где были запечатлены жилища альвов, и они начали находить схожие черты.

Все прекрасно понимали, что это всего лишь оживленная магией картина, но все равно восхищенно всматривались в просветы между неторопливо плывущими клочьями тумана, стремясь рассмотреть как можно больше необычайно правдоподобных тонкостей.

А наглядевшись, начали понемногу разбредаться в разные стороны, ходить стадом темные не любили. Как выяснилось, если прижаться к дереву спиной, то идти отсюда можно было всего в двух направлениях. Вправо, по пружинившей под ногами живой тропе, уходящей чуть вниз и

круто заворачивавшей за нависающий сверху ствол. Или влево, по ведущей наверх неширокой лестнице вырезанной прямо в толстой коре.

Леа выбрала тропу, но долго любоваться прекрасным видом не пришлось. Сразу за поворотом нашлась ведущая внутрь дерева дверца необычной, похожей на огромный сучок, овальной формы. Ее середину закрывало матовое стекло, пронизанное паутиной прожилок, и хранительнице захотелось войти, хотя лиана вела дальше.

Едва распахнув створку, девушка догадалась, куда попала. Несомненно, в лабораторию для будущего мага. Здесь все выглядело очень основательно, хотя помещение больше всего напоминало пещеру или, скорее, огромное дупло. Вдоль округлых светлых стен, кое-где исчерченных формулами и алхимическими знаками, стояли шкафы и сундуки, между ними висели полки, связки душистых трав и кореньев.

С низкого, сводчатого, местами покрытого мхом потолка загадочно сияли созвездия магических светлячков, а стоящий посередине широкий рабочий стол был освещен подвешенной на цепи яркой лампой. Всевозможные приспособления для алхимических опытов и изготовления амулетов, специальная посуда и инструменты сверкали новизной, в шкафах торжественно выстроились ряды фолиантов и разнообразных флаконов.

Из лаборатории в разные стороны вели еще две двери, и Леа направилась к ближней, широкой и полностью застекленной. За створками оказался балкон, и когда на хранительницу мириадами звезд глянуло ночное небо, а свежий ветерок донес ароматы цветущего сада, она окончательно поверила, что до сих пор находится в своем дворце, а не перенеслась в незнакомое место.

Зато сам балкон стал другим. Исчезли украшавшие его мраморные столбики и перила ограждения, пропали и тяжелые резные колонны. Теперь его со всех сторон и сверху защищал купол невероятно тонкой ажурной решетки из серебристого металла, и с боков по ней вились пышно цветущие плети мелких белых роз.

Леа хмуро усмехнулась, предвкушая, как завтра утром вся прислуга замка будет толпиться в саду, рассматривая это чудо. Хотя дракон вряд ли не предусмотрел такой интерес к изменению дворца и наверняка чем-то его защитил. Девушка немного посидела в похожем на разрезанный шар плетеном кресле, свисающем на цепочке с купола, казавшегося хрупким, словно первый лед. Затем осмотрела усыпанный подушечками шелковый гамак, улыбнулась тонконогому столику, где хозяйина ждала полная фруктов плетенка, и распахнула вторую ведущую сюда дверцу.

Это был выход на ту же лиану, только теперь круто уходящую по

стволу вверх. Леаттия уже сообразила, что, пользуясь высотой герцогских покоев, дракон устроил в комнатах второй этаж, добавив таким образом места, где мальчишке будет не только удобно спать, есть и учиться, но и интересно играть.

Подъем оказался нетрудным, вросшие в лиану ветви служили отличными ступеньками, и вскоре Леа стояла на широкой площадке, как будто оставшейся от спиленной когда-то огромной ветви. Слева она переходила в ствол, в котором виднелось темное отверстие дупла, со всех остальных сторон была окружена зелеными перилами. Вместо потолка здесь было сливающееся с дальними берегами озера розовеющее небо, усиливающее впечатление, будто она и в самом деле стоит над туманной пропастью.

Хранительница даже руку протянула, желая убедиться, что Тан не пострадает, если случайно перегнется через перила. Однако ладонь уперлась во что-то мягкое и упругое, но незыблемое.

– Это особое стекло, – довольно рыкнул над ухом не видимый никому Рорн, – а за ним стена. А между ними иллюзорная картинка. Сейчас на ней утро, но с завтрашнего дня изображение будет совпадать с истинным временем суток.

– Это правильно, – подумав, шепнула Леа, но ей никто уже не ответил.

Очевидно, боится, что разговор свернет на другую тему, поняла она и крепче стиснула губы. Хранителям не положено стонать и плакать, пока есть хоть крохотная надежда на спасение любимого человека.

Несколько секунд, успокаиваясь, девушка смотрела на восход, а обернувшись, едва не столкнулась с Ирсаной, которую бережно поддерживал за талию муж. И судя по ошарашенно-блаженному лицу главы гильдии, магиня все же решила посвятить его в тайну грядущего пополнения их семьи.

– Поздравляю, – невольно улыбнулась Леа и получила в ответ счастливые и чуть смущенные улыбки друзей.

– Что там? – показала Санди на проход между ветвей, откуда недавно вышла хранительница.

– Спуск вниз.

Проводив их взглядом, Леаттия осмотрела площадку. Недалеко от заключенного в раму из живых ветвей окна стояли письменный стол и два полукресла, сбоку от них на стволе висела аспидная доска и полка с книгами и картами. За ними, перед перилами, разместились пара небольших диванчиков, а ближе к главной лестнице – накрытый скатертью круглый стол и несколько стульев. Здесь Тан будет заниматься с учителями

и завтракать, а может, и ужинать, если во дворце случится какой-нибудь прием. До первого совершеннолетия детям нечего делать на званых обедах, в этом Леа была твердо убеждена.

Бросив последний взгляд на озеро, девушка направилась к темному дуплу, даже не представляя, что может находиться за ним. Вернее, она точно знала, что раньше там была спальня, и довольно просторная, за что Рорн и выбрал эти покои. Но что можно сделать в спальне, где обязательно должна быть кровать, до сих пор никогда не задумывалась.

Как выяснилось, очень многое. Раздвинув пышный занавес закрывавших проход лиан, усыпанных крохотными листочками и синими цветочками, Леа очутилась на балкончике и снова замерла, не в силах сразу постичь открывшееся зрелище.

Несомненно было одно: перед ней отходящая от ствола толстая ветвь, густо поросшая пышным изумрудным мхом. Со всех сторон от нее стремились вверх другие ветви и веточки, закрывая сверху эту удивительную полянку густым шатром из листьев, между которыми сияли светлячки и кое-где светились бледно-розовые грозди винограда. И отовсюду, сверху, с боков, свисали и переплетались лесенки, лианы, канаты и даже качели, подвешенные на толстой ветви. А под самым потолком была растянута похожая на огромный гамак сеть размером с пару больших кроватей, и в ней лежали зеленые подушки и свернутый плед.

Среди этой пышной листвы и паутины лесенок лишь темные прогалины выдавали полускрытые лианами окна, но Леа догадывалась, как оживит эту картину утреннее солнце. И как интересно будет изучать многочисленные секреты, которые дракон просто не мог не оставить в каждом подходящем уголке. Как домик, который Леа обнаружила только после того, как открылась дверца и оттуда вышел Вельтон. Крохотная избушка была искусно спрятана между ветвей, и хранительнице сразу захотелось там побывать. Осмотревшись, девушка нашла две лесенки, ведущие с балкончика.

Одна обычная, с перилами и удобными ступенями, шириной для одного человека, шла вниз слева, вплотную к стене. А вторая, из тонких веревок и круглых переключин, уходила вверх вдоль правой стены, и судя по всему, именно по ней полагалось добираться до гамака хозяину этого места. Хранительница пока особого желания лазить по таким приспособлениям не чувствовала, поэтому спустилась по лесенке и направилась к домику.

И с каждым шагом все сильнее убеждалась в своих подозрениях насчет секретных местечек. Отсюда были лучше заметны скрытые среди

листвы гнезда и дупла, где можно было прятаться, мечтать и хранить маленькие тайны, хотя Леаттия не решилась бы уверенно заявить, что нашла все подобные укрытия.

Дверца в домик, притаившийся в дальнем углу чудесной поляны, вела сбоку, и именно поэтому его было так непросто отыскать. Хотя домиком он был лишь с виду, на деле – просто крохотная спальня, почти ниша. Удобная кровать, не огромная, как в остальных спальнях, но достаточно большая, чтобы не опасаться, что ребенку будет неудобно или он свалится оттуда ночью. Напротив нее – небольшое оконце с открывающимися ставенками и светло-зелеными занавесочками, тумбочка у изголовья, вешалка в ногах, на стенах – мягкий мох, а вместо ковра полянка густой, ершистой травки.

«Интересно, а где же теперь хранится одежда?» – выходя из домика, думала хранительница, направляясь к увитому лианами и незаметному издалека проходу между ветвями.

Пол в этом месте поднимался, как будто огромная ветвь, шедшая от ствола прямо, вдруг потянулась к солнцу. Леа преодолела этот пологий пригорок, раздвинула лианы и снова застыла статуей, обнаружив невероятную картину. Напротив нее из обломанной ветви тонкой струйкой стекала вода, образуя небольшое озерцо, наполовину скрытое в углублении ствола, как в деревянном гроте. В дальнем углу за толстой ветвью нашлась дверца в самое укромное местечко, а напротив, огороженные свисающими с потолка лианами, прямо на сучьях и ветках висели рубашки, штаны, куртки и прочая одежда.

Пристально рассмотрев необычную гардеробную, хранительница одобрительно кивнула сама себе, сообразив, настолько остроумно и точно расположены эти живые вешалки, которыми удобно пользоваться, но невозможно ничего порвать или помять.

И лишь отвернувшись от одежды, вдруг четко осознала причину все растущей в душе тревоги. За все время, пока она бродит по этому сказочному дереву, ей нигде не встретился Танельс.

Может, ему тут не понравилось и он ушел в прежнюю комнату? Или прячется и ждет, пока его покинут гости, чтобы в одиночку как следует насладиться своим новым жилищем?

– Посмотри вверх, – тихо и как-то виновато рыкнул над ухом хранительницы Рорн, и она тотчас подняла голову.

Как выяснилось, не так-то просто было разглядеть, что и здесь есть второй этаж – толстая ветвь прямо над бассейном, куда вела незаметная, но прочная лесенка из росших в уголке сучьев. Забыв о том, что не собиралась

никуда лазить, герцогиня мигом сбросила туфли, подоткнула подол платья и поспешно взобралась наверх.

Тут была площадка, где днем можно согреться падающим из окна солнцем и даже загореть, если появится желание. Или просто согреться, потому что откуда-то тянуло знойным, как в пустыне, воздухом.

А Танельс плакал, сидя в уголке и спрятав лицо в прижатых к груди коленках.

– Тан... – Леа мгновенно оказалась рядом с ним, обхватила за худенькие плечики, прижала к себе. – Что случилось? Тебе не понравилось? Или ты заблудился? Может, заболел? Не хочешь говорить – просто кивни, и тебя отнесут в прежнюю комнату. Никто же не знает, что ты любишь, а что вызывает неприязнь. Потом все мне расскажешь, и тебе сделают другие покои... твой отец очень хочет, чтобы ты был счастлив. И я, конечно, тоже, ведь ты теперь и мой сын. Ну, нести? Или останешься? Или звать лекаря?

Она встревоженно пыталась заглянуть в глаза малыша, упорно отворачивающего голову, вытереть платочком его слезы, добиться хоть какого-то ответа. Но, так и не дождавшись, прижала ребенка еще крепче, уткнулась лицом в светлые лохмы и горько заплакала.

– Если бы Джар был здесь... он бы смог с тобой договориться... но он далеко, и неизвестно, когда вернется... – несчастно всхлипывала герцогиня.

– Кто такой Джар? – вдруг поднял голову мальчишка.

– Твой отец, – шмыгнула она носом, как девчонка. – В темной гильдии у всех есть условные имена. Даже у меня, там я Элайна. Или просто Лайна. Ирсану зовут Санди... а почему ты спросил?

– Она меня обманывала... – Губы мальчишки снова задрожали, но он сдержался. – Говорила, отец тебя бросил, ты ему не нужен! Тебе не положены конфеты, только тем, у кого отцы работают на пользу цитадели. А ей приносили подарки... я слышал несколько раз... от Джара.

– И она тебе не давала? – чувствуя, как высыхают слезы и в душе поднимается грозный вал ненависти, тихо спросила хранительница.

– Немножко давала, – по-взрослому вздохнул Тан. – Но говорила, они от ее друга.

– Забудь про это, – невероятным усилием воли сдерживая гнев, попросила Леа. – Просто жизнь там такая... неправильная. Ты парнишка умный и позже сам все поймешь, но одно я могу сказать тебе прямо сейчас. Когда Джара выгнали из цитадели и даже не позволили с вами попрощаться, он ушел в соседний городок, работал день и ночь, построил дом и вернулся, чтобы вас забрать. Но она не пошла, у нее уже был новый

муж. Может, ее просто не отпустили или заставили... я не знаю, поэтому судить не буду. Но ты по рождению дагорец, как и твой отец, и поэтому никто теперь тебя у нас не заберет. А теперь решай, где будешь жить, здесь или в старых покоях?

– Здесь, – помолчав, пробурчал Тан и еле слышно признался: – Я же не знал, что бывают такие комнаты.

– Ну и молодец, – с облегчением чмокнула его в макушку хранительница. – Тогда я отсюда слезаю, а то становится жарковато.

– Мне тоже, – смущенно хихикнул Тан. – А виноград рвать можно?

– Можно *всё!* – с нажимом ответила Леа, спрыгнув с последней ступеньки. – Валяться в гамаках и кататься на качелях, купаться, надевать любые вещи, лазать по лестницам и все остальное. Если захочешь есть – сюда принесут любую еду, но на завтрак лучше приходите в столовую, чтобы мы могли обсудить семейные дела. И еще. Я изучала алхимию и знаю, что, если неправильно соединить некоторые вещества с обычной водой, они могут мгновенно взорваться. Даже у опытных алхимиков иногда обожжены лица и руки, и поверь, это очень больно. Поэтому выполни мою просьбу – не делай опытов без учителя, Джар очень расстроится, если с тобой случится несчастье.

– Знаю, – очень серьезно кивнул мальчишка. – А ты хочешь винограда?

– А ты сумеешь сорвать? – покосилась Леа на висящие над сетью кисти.

– Я же не маленький!

– Да? Ну тогда давай.

Он забрался наверх очень ловко, и все равно у девушки временами замирало сердце, все эти лианы и лесенки казались ей ненадежными.

– Ты оскорбляешь меня подозрениями, – рыкнул на ухо невидимый Рорн. – Неужели я мог бы принести в лабораторию опасные вещества и не предусмотреть защиту от падения?

– Я надеялась, – шепнула Леа, – что ты про это не забыл, но помнила, как мало у тебя было времени и много других дел.

– Я даже друга ему принес, – невесело вздохнул дракон, – но не знаю, как отдать. Он привык видеть во всех зверях лишь необходимость заботиться и не хочет с ними дружить.

– А можно я отдам? – успела проговорить Леаттия, глядя, как гордый Танельс спускается с огромной гроздью винограда.

– Отдай ты. Скажи – от отца. И что он ничего не испачкает, приучен гулять. Я оставлю за дверью, – торопливо пробормотал дракон и исчез.

– Вот! – Перед Леаттией стояла маленькая копия ее любимого и гордо поднимала вверх кисть почти с локоть длиной.

– Молодец, – искренне восхитилась она, отщипывая ягодку. – Какой сладкий. Но вдвоем нам это не съесть. А оставлять не стоит, он может испортиться. Давай угостим других? Заодно отпразднуем твоё вселение в эти комнаты.

– А этого хватит? – засомневался мальчишка.

– Не волнуйся, – ободряюще подмигнула Леаттия, направляясь к лестнице. – Темные маги ценят искреннее желание порадовать. Все остальное они и сами могут.

Как она и думала, все уже собрались наверху, в столовой, стояли и сидели возле перил, любуясь разгорающимся рассветом.

– А мы с угощением, – приобняв мальчика за плечи, весело возвестила хранительница, выходя из-под живого занавеса. – Танельсу комнаты понравились, и он решил поселиться здесь. Это нужно отпраздновать.

– Мы на это надеялись, – откликнулся Эгрис, – поэтому вот!

Он взмахнул рукой, снимая с обеденного стола отвод глаз, и перед ними предстала настоящая выставка пирожных, булочек, конфет и прочих сладостей. Были тут и графины с напитками, и горячий взвар, и вазочки с мороженым и различными десертами. Всевозможные фрукты тоже были, не хватало только винограда, и его торжественно водрузили на вершину высокой вазы.

– От имени новосела прошу к столу! – позвала Леаттия, и второго приглашения не потребовалось.

Через минуту все сидели вокруг стола, смеялись и шутили, пробовали необычный виноград, разливали напитки и раскладывали мороженое.

Танельс смотрел на них с недоверчивым изумлением и помалкивал, но пробовал все охотно и разные байки слушал тоже очень внимательно.

– А теперь нам пора отдыхать, – намекнул через некоторое время Эгрис, – но сначала я хочу сделать тебе подарок на новоселье. У меня есть небольшая степная лошадка, очень послушная и сообразительная. Мы с Ирсаной хотим, чтобы она была твоей. Стоит она в конюшне, и ухаживать за ней не нужно. Но если захочешь покататься по парку – ждет тебя в любое время. К ней прилагается и легкая двуколка, на случай дождя.

– А мы дарим тебе маленькую яхту, – показал на друзей Бензор, – и готовы послужить матросами, пока ты не подрастешь и не научишься управляться с ней сам. Ты все же живешь теперь на берегу самого большого озера, и тут все имеют лодки или ялы.

– А у меня подарок от нас с отцом, – загадочно улыбнулась Леаттия. – Его только недавно принесли из Дагора. Все дагорские мальчишки мечтают получить такой, и поэтому Джар постарался его достать. Он ждет за дверью, и за ним тоже не нужно ухаживать. Только два раза в день выводить на прогулку. Но если тебе будет некогда, это могут сделать и слуги. Возьмешь?

– Угу, – кивнул Тан, нерешительно вылез из-за стола и направился к лестнице, незаметно для себя все ускоряя шаг.

– Похоже, на моей лошади кататься никто не будет, – хмыкнул Эгрис. – Зря я столько защиты на нее навертел.

– Будут, причем вдвоем. Дагорский белый акбаш, конечно, очень большая собака, – повторила Леа услышанные от Рорна объяснения, – но этому всего два месяца.

– Хотелось бы посмотреть, – заинтересовался Бензор, – маленьких я раньше не видел. А большие неприветливы с чужаками и признают только хозяина и его семью.

– Тсс, – шепнул Вельтон, и все смолкли.

Вскоре в столовую с лесенки шагнул странно задумчивый Танельс, и следом за ним вкатился белоснежный клубок меха. Блеснул черными бусинами глаз, неожиданно басовито тьякнул и весело замотал пушистым хвостом.

– Можно дать ему кусочек хлеба?

– Давай что хочешь, только не перекорми, а то он до утра не дотерпит, – улыбнулась Леаттия, стараясь не заплакать.

Эту парочку Арвис должен был видеть своими глазами.

– Знакомьтесь, а мы уходим. Спокойной ночи, – поднялся из-за стола Эгрис, потянул к себе притихшую жену, и они исчезли в портале.

Все остальные поспешили распрощаться и последовали за ними. Леаттию перенес в покои невидимый дракон, хмуро попрощался и исчез так быстро, что больше всего это было похоже на бегство.

Девушка тяжело вздохнула и медленно побрела в спальню, сразу почувствовав себя невероятно уставшей и обессиленной.

Глава двадцать пятая

Утро не принесло хранительнице ничего хорошего, кроме картинки, которую показал дракон.

Танельс мирно спал в своей избушке, одной рукой крепко прижимая к себе клубок белого меха. Судя по доверчиво высунутому язычку, щенок ничего не имел против такого обращения.

– Спасибо, – поблагодарила девушка и с надеждой посмотрела в желтые глаза. – А как у тебя дела?

– Ищу, – помрачнев, буркнул он, помолчал и заявил: – Леа, тебе придется сегодня принять послов. Не желаешь встречаться с ними в столовой – тогда после завтрака. Если очень тяжело с ними разговаривать, могу посидеть рядом в личине Арвиса, хотя это худший выход. Среди них может быть шпион черного, и он сразу раскусит обман. Лучше я буду подсказывать, если услышу ложь.

– Может, тогда просто объявить им, что в тронном зале нельзя солгать? – задумалась Леаттия, припомнив суд.

– Хорошая мысль, – хищно усмехнулся Рорн. – В алтарь давно пора добавить заклинание, проверяющее истинность обетов.

Он давно исчез, а герцогиня все сидела у окна, с тоской думая о том, как некстати все эти послы, гости и дела! Сейчас ей вовсе не до них, больше всего хочется плакать или, вцепившись в алтарь, просить далеких богов спасти ее любимого. Ну почему она не попыталась уговорить Эгриса хоть изредка сообщать ей, как продвигаются поиски? Ведь не слепая же, прекрасно поняла еще ночью, куда отправились маги, после того как устроили праздник сыну друга. И нарочно не стала ни о чем спрашивать, зная, как темные суеверны в некоторых вопросах, почти как мореходы.

– Лайна... – Появившаяся в гостиной Ирсана явно не случайно обращалась именно так, давая понять, что явилась по делу.

– Что-то случилось?

– Там пришли те горожане... за Гореном. Дракон сказал, что ростовщик здоров, но нужно с ними поговорить, мы завтракаем на втором этаже.

– Идем, – поднялась из кресла Леа, еще минуту назад искренне мечтавшая, чтобы все эти переговоры кто-нибудь провел вместо нее.

А теперь чувство ответственности за свой народ и понимание, что это общение необходимо и ей самой, заставили девушку поправить прическу и

почти уверенно двинуться в сторону столовой.

Ирсана молча шла рядом, ничего не объясняя и не задавая вопросов, и хранительница испытывала к ней глубокую благодарность за эту деликатность.

В столовой обнаружили Эгрис и Вельтон. Маги не сидели смиренно согласно этикету в ожидании герцогини, а вовсю завтракали: деловито резали жаркое, непринужденно добавляли на тарелки новые порции маринованных харказских овощей с острыми приправами, с аппетитом запивали горячим взваром куски мясного пирога. И от этого их спокойствия и убежденности в благополучном окончании поисков у Леаттии стало чуточку светлее на душе.

– Пригласите сюда горожан, – велела она дворецкому и прошла на свое место.

– Там уже полный зал гостей, – деликатно напомнил старый слуга.

– Им вчера сообщили о времени аудиенции, – мирно пояснила ему герцогиня. – И не моя вина, что они не понимают нашего языка.

Дворецкий согласно кивнул и ушел, а за столом вдруг стало на одного человека больше. Через стул от Леаттии сидел Бензор и стремительно наполнял мясом и икрой широкую тарелку.

– Снова не было времени поесть? – понаблюдав за скоростью, с какой исчезает еда, сочувственно вздохнула хранительница.

– Просто спешил сюда, – рыкнул он голосом дракона, и маги снисходительно усмехнулись.

Все с первой секунды поняли, что это не их казначей, тот всегда ел очень неспешно и как-то вдумчиво.

– Сейчас перенесу сюда Горена, – проглотив последний кусок, предупредил он. – Поговорите с ним, мне некогда голос менять.

– Неси, – согласился Эгрис, и в тот же миг посреди столовой возникло легкое ажурное кресло, в котором сидел потрясенно замерший ростовщик.

По его лицу было понятно, что Горен никак не ожидал перемещения с такой скоростью.

– Ваша светлость... – обнаружив прямо перед собой Леаттию, попытался он привстать, но глава гильдии сурово прикрикнул:

– Сиди. Рано еще ногами пользоваться. Хотя бы дней пять потерпи, потом начинай понемногу. А сейчас поешь.

Кресло ростовщика само подвинулось к свободному месту, и перед растерявшимся мужчиной возникла тарелка.

– Да я ел, – вздохнул он, однако покорно взял в руки вилку и принялся за еду.

Леаттия поглядывала на бывшего калеку и мрачнела – не похож был этот Горен на себя вчерашнего.

– Ваша светлость, пришли горожане Югрета.

– Пригласи их разделить с нами трапезу, – велела герцогиня и кивнула в ту сторону, где сидел ростовщик.

Но они и сами его уже заметили, гуськом потянулись ближе, стеснительно и чуточку неуклюже устроились на краешках стульев.

– Ну как ты тут? – громким шепотом осведомился старший из гостей, и ростовщик вдруг тяжело вздохнул.

– Что... не вышло? – огорчился второй, моложавый быстроглазый мужчина, одетый как торговец или хозяин чайной.

– Все у нас вышло, – строго сообщил им Вельтон, – вы и сами можете убедиться. Просто ходить ему пока нельзя, нужно учиться снова, как ребенку. А ему хочется сразу бегать.

– Ну, это и зайцу понятно, – облегченно выдохнул третий, самый крупный и плечистый горожанин, – быстро в таком деле никак не возможно. Да вы не беспокойтесь, мы его сейчас заберем и парнишек приставим, а лучше еще и Анису. С ней никому не справиться, женщина строгая.

– Вы меня еще с ложки кормить вздумайте, Рив, – возмутился Горен. – Я никому не позволю собой распоряжаться!

– А они и не распоряжаются, – мягко возразила от порога Миралина и улыбнулась друзьям. – Не опоздала?

И снова перевела взгляд на насупившегося ростовщика, вяло ковырявшего кусочек мяса.

– Тогда подайте мне горячего взвару, выпью за компанию. А вам, господин Корзо, дам один совет, хотя обычно такими ценностями попусту не разбрасываюсь. Не ищите чудес за морями, оглядитесь повнимательнее и поймете, что они рядом.

– При чем тут моря? – шепотом спросил у соседа Рив, но ответил ему Вельтон:

– Ваш ростовщик мечтал по миру путешествовать, а теперь боится, как бы вы его не заперли в городской управе.

– Что мы, звери? – возмутился старший. – Пусть себе едет. Он нам и так столько добра сделал, ничем не отдаримся.

– Только поздоровет, и сами в карету посадим, – подтвердил Рив. – И охрану отрядим, на дорогах нынче беспокойно.

– Так я могу идти домой? – Горен с прежним вызовом глянул прямо в лицо Леаттии.

– Можешь, – открыто улыбнулась она, вспомнила про гуляющих по нижним залам послов и твердо добавила: – Однако ходить тебе рано. Маги вас порталом отправят, как позавтракаете.

Они ели торопливо, но аккуратно, очень стараясь не оплошать перед правительницей и ее советниками, и все же сжигающее желание поделиться с друзьями ошеломительной новостью сквозило в каждом взгляде и слове.

– Благодарим, – дружно поднялись с мест гости, едва сочли трапезу законченной, окружили ростовщика и крепко уцепились за его кресло. – Мы готовы.

– Спасибо за совет, – вдруг хрипловато поблагодарил целительницу Горен, и она лукаво усмехнулась в ответ:

– Нужно будет еще – обращайся.

– А теперь вам пора встречать послов, – объявил дракон, когда его пациент с друзьями исчез в мгновенном портале. – У кого-то из них очень важные сведения.

И, как всегда стремительно, перенес всех сотрапезников в тронный зал.

За последние дни в главном зале дворца произошли небольшие изменения. С возвышения, куда вели три ступени, исчез внушительный трон, щедро отделанный золотом и камнями. Теперь там появилось несколько удобных кресел с высокими спинками и гнутыми ножками.

– Первыми вызывай дагорцев, – опустившись в центральное, скомандовала Леаттия дежурившему у двери магу.

– Позволь мне поговорить с ними, – попросил Эгрис, усадил справа от герцогини Ирсану и устроился рядом с женой.

Слева от хранительницы села Миралина, а в соседнее с ней кресло торопливо плюхнулся Вельтон, выдававший какие-то наставления дежурившему возле алтаря главному жрецу. Бензора, точнее Рорна, ходившего под личиной казначея, здесь не было, но все знали, что без его присмотра не останутся.

– Значит, ты знаешь, почему Джар ушел из дома, – догадалась герцогиня и кивнула. – Конечно, говори, я сама хотела тебя попросить. Но не забудь, что мне не хочется выслушивать их претензии. И еще в этом зале теперь нельзя солгать.

– Не волнуйся, – уверенно пообещал глава гильдии, – Арвис нам дорог не менее чем тебе.

Больше он ничего сказать не успел, в зал вошли посланники дагорского князя. Все рослые, плечистые и светловолосые. Но выделялись

трое. Шедший первым молодой дагорец в отделанной горностаем накидке, слегка нелепо смотревшейся на фоне залитых летним солнцем окон. И следовавшая за ним пара – немолодой сухощавый мужчина и державшаяся за его локоть ухоженная молодая дама, наряженная по банлейской моде.

– Княжич Донарес Гамертий Дагорский, – возвестил дворецкий, – мастер Бертеней Легерро с супругой, Клодиной Легерро и сопровождающие их лица.

– Приветствую вас от имени ее светлости Леаттии Брафорт! – строго глядя на гостей, звучно объявил Эгрис. – Ее светлость рада видеть в ее родовом замке Брафорт столь видных гостей и интересуется, какие причины заставили вас преодолеть разделяющее наши страны расстояние?

Эта речь была составлена далеко не по этикету, да и тон магистра не казался достаточно любезным, хотя и в невежливости его обвинить было бы непросто. Но гости словно не услышали ни издевки, ни прозрачных намеков на свою назойливость.

– Мы желаем поздравить ее светлость с восстановлением справедливости и возвращением роду Брафортов законных званий и имений, – радушно улыбнулся Донарес и отвесил Леаттии полный достоинства поклон. – Нам хотелось бы о многом поговорить с новой правительницей этих земель, ведь у наших стран немало взаимных интересов. Но вначале я должен исполнить обещание и предоставить слово Бертению Легерро, отцу Арвилеса Легерро, объявленного женихом вашей светлости.

– Пусть говорит, – суховато кивнул Эгрис.

– Этот разговор, – шагнул вперед Бертеней, – не для всеобщего сведения, задета честь моей жены, поэтому я хотел бы поговорить с ее светлостью Леаттией Брафорт наедине.

Леа смотрела на этого человека, чем-то похожего на Арвиса, и отчаянно не желала беседовать с ним ни наедине, ни при всех. Ведь ясно уже, что ничего доброго он сообщить не собирается, хорошим обычно делятся принародно. А слушать гадости про любимого ей заранее было противно, да и не верилось, что мальчишка в пятнадцать лет может совершить нечто особо ужасное. Кто угодно, только не Джар, не было в его характере ни подлости, ни жестокости. Такой не прижился бы в Белой цитадели и не сумел долгие годы терпеливо копать, строить, лечить и развлекать всех подряд.

– Нет, – осознав, что собравшиеся ждут ее ответа, резко отказала Леаттия. – Все, кто пришел сюда со мной, – мои друзья, и я им полностью

доверяю. А ваши спутники наверняка давно знают, о чем вы собираетесь поведать. Поэтому или говорите открыто, или забудьте о своих намерениях.

Клодина поджала губы и метнула в герцогиню злой взгляд, но в тот же миг опомнилась, растянула рот в приторной улыбке и кротко опустила ресницы.

– Я не могу смолчать, – голос старшего Легерро дрогнул, а лицо потемнело, – дал слово. Пусть слышат все, хотя мне очень жаль. Я должен предостеречь вашу светлость от фатальной ошибки, мой сын недостойн места рядом с вами. Вы не знаете, за кого выходите замуж, лучше откажитесь заранее.

– Хватит, – не выдержала Ирсана. – Не лейте нам на головы пустую воду.

– Или представьте веские доказательства, или просите у ее светлости прощения, – поддержал ее Вельтон, холодно глядя на дагорца.

– И запомните: все сказанное в этом зале проверяется на искренность, – строго сообщил гостям Эгрис. – Взгляните на этот шар. Когда звучит правда, он остается прозрачным, а от лжи краснеет.

Лаберт неторопливо принес высокий столик, на котором мирно покоился на подушечке прозрачный шар, и удалился к алтарю, откуда вместе со жрецом с любопытством следил за происходящим.

– Я не лгу! – оскорбленно поджал губы Бертений. – Арвилес почти пятнадцать лет назад сбежал из дома, чтобы избежать заслуженного наказания.

Все невольно покосились на шар, но он оставался чистым, как ключевая вода.

По губам Клодины скользнула торжествующая усмешка.

– Если шар признал ваши слова правдивыми, – задумчиво произнесла Миралина, – значит, вы сами свято в них верите. Но истина может быть совершенно иной.

– Предоставьте свидетеля своих обвинений, – немедленно принял решение Эгрис.

– Но сначала скажите нам, за какой проступок вы пытались наказать сына? – добавила Ирсана.

– Не за проступок – за преступление... – тяжело выдохнул мастер Легерро. – За двойное преступление. Он склонял мою жену к прелюбодеянию и убийству мужа. То есть меня.

– В пятнадцать лет? – неверяще хмыкнула магиня, и все поняли тонкий намек.

Сыны севера выросли много позже банлейцев и горячих харказцев,

и в пятнадцать лет подростки еще не интересовались ничем, кроме соколиной охоты и скачек на лично обученных жеребцах.

– Пусть об этом расскажет ваша жена, – сухо предложил Эгрис, – поскольку она единственная свидетельница произошедшего пятнадцать лет назад.

– Мне нечего добавить, ваша светлость, – покорно произнесла Клодина, пряча ехидный взгляд. – Все так и было, как сказал мой дорогой муж.

Шар мгновенно стал алым.

И это потрясло дагорцев так сильно, словно им плеснули в лицо помоями.

– Не может быть... – еще ошеломленно хмурился Бертений, а княжич уже принял решение.

– Какими словами или действиями Арвилес дал вам знать, что желает вступить с вами в любовные отношения? – сурово поглядел он на Клодину.

– Слов я не помню, – бледнея, пролепетала она, – мне было не до этого. Он тащил меня в спальню...

Шар оставался рубиновым.

– Ложь, – усмехнулась Санди. – Я так и знала. Наверное, сама на него вешалась.

– Я не вешалась! – состроила оскорбленное лицо мачеха Арвиса, но шар, словно в насмешку, покраснел почти до бордового.

– Все ясно, – презрительно вынес вердикт Вельтон. – Мачеха попыталась соблазнить юного парнишку, они ведь ровесники? А его отцу к тому времени было почти полсотни лет.

– Сорок пять, – машинально поправил мага растерянно кривившийся Бертений.

– Вот именно. Для шестнадцатилетней девочки это древний старик. И она нашла более подходящий объект для обожания. А он отказал, и поскольку я хорошо знаю Арвиса – иначе и поступить не мог. И наверняка пообещал все рассказать отцу. Вот от испуга она и ударила первой, и наверняка сыграла почти совращенную добродетель очень убедительно, ведь перед ней уже открывались монастырские ворота.

По мере того как прокурор уверенно раскладывал по полочкам смысл давно минувших событий, отец Арвиса старел на глазах. Но добила его Миралина.

– А мастер Бертений, как свойственно всем самонадеянным мужчинам, – горько усмехнулась она, – сразу сделал выводы и огласил приговор. Не хочу даже знать, какая кара ждала Арвилеса, но уверена в

одном: на его месте каждый сбежал бы как можно дальше. Никто в таком возрасте не станет надеяться на справедливость незнакомых судей, если даже родной отец поверил в подлый навет.

– Извините, ваша светлость, – с достоинством поклонился Донарес, – сегодня у меня возникли важные причины попроситься. Надеюсь, вы подарите мне еще одну аудиенцию?

– Возможно, – не стала давать твердых обещаний Леаттия. Молча проводила взглядом торопливо покинувших зал дагорцев и тихо добавила: – Не будем о них. Кто там следующий?

– Гости из Харказа, – подсказал Эгрис и кивнул дежурившему у двери магу. – Зови.

– Девятый сын великого шейха Астенулея Эттаркала Харказского принц Изондей Ышеглы! – выкрикнул дворецкий, и Леаттия ему искренне посочувствовала.

Дверь распахнулась, вбежали двое юношей, одетых в подпоясанные алыми кушаками синие со звездами рубахи, полосатые штаны и узорные сапожки с загнутыми носами. Вскинули к потолку длинные дудки и гнусаво загудели.

Эгрис поморщился, щелкнул пальцами, и резкий звук стал раз в пять тише.

Вошедшие следом за музыкантами четверо юношей были одеты так же, только рубахи носили зеленые. Сгибаясь от тяжести, они тащили огромные корзины с цветами, фруктами, сладостями в резных шкатулочках и непонятными разноцветными свертками.

Цветы парни живо разбросали по залу, складывая самые диковинные и пахучие к ногам Леаттии, и Эгрис незаметно кастовал второй щит. Сладости расставили по столикам, а корзину со свертками опустили на ступени перед герцогским креслом. Глава гильдии страдальчески вздохнул и поставил еще один щит.

Последним в сопровождении охраны в зал вошел молодой харказец, и дверь наконец закрылась.

Трудно было усомниться, глядя на идущего к трону мужчину, в его знатности и богатстве. Такие красивые дети бывают только от смешения нескольких рас и тщательного отбора жен. Нежная кожа смугловатого лица с легким румянцем, черные сливины чуть раскосых глаз, обрамленных пушистыми ресницами невероятной длины, плавные дуги густых бровей, прямой нос и яркие губы, обведенные аккуратной щеточкой сливающихся с бородкой усов. К этому прилагались волнистые и блестящие черные волосы, тщательно зачесанные назад, и огромный алмаз в сереге, проретой

в изящное ухо.

Чуть покатые плечи и гибкий торс облегла черная шелковая рубашка, которую он по харказской моде носил навыпуск, перетянув тонкую талию широким кожаным ремнем, украшенным замысловатыми узорами. Довершали облик синие парчовые штаны и высокие сапожки с золотыми пряжками.

На девятого сына шейха хотелось смотреть, как на произведение искусства, и он это знал, стоял молча и позволял собой любоваться.

Но едва заметив усмешку на губах Вельтона, склонил голову, прижал руку к груди и произнес чуть нараспев по-харказски:

О роза райская, я шел к тебе пустыней много дней,

Мечтал о встрече и о том, как назову тебя своей,

Но ядовитую стрелой пронзила сердце злая весть –

Опередил меня другой, украл цветок души моей...

Эгрис покосился на герцогиню, сидевшую с застывшим лицом, и ответил на своем языке:

– Ее светлость Леаттия Брафорт благодарит вас за стихи, но они тут неуместны. Герцогиня выходит замуж за любимого мужчину и никому другому никаких надежд не давала.

– Ее светлость еще очень молода и влюбчива, – с притворной печалью вздохнул Изондей, – и не имеет опыта правления такой большой страной. Ей еще неизвестно, насколько выгоден Брафорту крепкий дружеский союз с ближайшими соседями, подкрепленный родственными связями.

– Вы зря так беспокоитесь за мою страну, – с кроткой улыбкой ответила на чистейшем харказском языке Леаттия. – Она в надежных руках моих друзей и советников. Ведь это ваш поэт сказал:

Не тот правитель мудр, кто тянет в гору воз,

Об этом знают все, иного не бывает,

Кто тащит ношу сам, того и погоняют.

Изондей счастливо улыбнулся и приоткрыл было рот, намереваясь ринуться в жаркий спор, в чем явно имел большой опыт, но его холодно перебил Вельтон:

– Уважаемый девятый сын великого шейха! Ее светлость благодарит вас за дары и стихи и надеется, что вы еще погостите в Югрете. А на сегодня аудиенция закончена, ее светлость желают поздравить послы из Гестона и ждут важные новости из других стран.

Лицо харказца на неуловимый миг застыло оскорбленной маской, раздулись в гневе тонкие ноздри, но он тут же взял себя в руки, улыбнулся еще более сладко, чем прежде, и удалился, держа спину прямо, как знамя.

– Не зря ты с ним так резко? – нахмурилась Санди. – Они очень обидчивые и горячие.

– Это не он, – оправдал Вельтона появившийся рядом с Леаттией Рорн. – Это я попросил. Там прибыл Руалис и просит о срочной аудиенции. – Дракон создал стул, поставил рядом с Эгрисом и сел, закрываясь личиной Бензора и делая вид, будто не замечает обрушившейся на зал тревожной тишины.

Глава двадцать шестая

Глава белой гильдии вошел в зал один и одет был как самый простой горожанин или путешественник. Не висело на его груди обычной грозди амулетов, не было и перстней с браслетами. Но ни у кого не возникло желания спрашивать, сам он оставил все это в родной цитадели или сдал на хранение дежурному магу. Все молча ждали, пока белый магистр приблизится.

– Садись, – пригласил вдруг Эгрис и хмуро добавил: – Плохо выглядишь.

– Мне уже почти двадцать лет абсолютно безразлично, как я выгляжу, – с горечью хмыкнул Руалис, глянул мельком на возникший перед ступенями стул и ухмыльнулся с мрачной безнадежностью. – Боюсь, посидеть я не успею. Вы, несомненно, уже знаете, что вашего друга поймал черный маг? Так вот, он прислал меня с приказом: Леаттия Брафорт должна выйти вместе со мной из дворца, и я перенесу ее в известное мне место. Не спрашивайте, куда, говорить мне запрещено.

– Мы уже поняли, – тихо произнес Рорн, и прозвучало это почти похоже на голос Бензора, – что ты служишь ему не за деньги... так за что?

– Я не служу, – Руалис поднял на него полный неизбывной горечи взгляд, – я раб. Покорный, как зомби.

– Что случилось двадцать лет назад? – спросил Вельтон. – Он утащил кого-то из твоих близких?

– Всех... – Губы белого главы жалко дрогнули. – Женщину, которую я прятал ото всех, и детей – дочку и сына, тогда еще не родившегося.

– Теперь все понятно, – стиснул зубы Эгрис. – А я-то голову сломал, почему ты вдруг стал таким подлецом... Не мог нам намекнуть? Может, помогли бы.

– Если бы он об этом догадался, я тотчас получил бы голову жены... – Руалис отвернулся и несколько секунд невидяще смотрел в окно.

Молчали и маги, ожидая решения Рорна.

Но первой приняла его Леаттия.

Встала с кресла, отряхнула с подола лепестки и спокойно спустилась по ступенькам, усыпанным харказскими цветами.

– Идем.

– И ты ни о чем не хочешь договориться со своими друзьями? – недоверчиво глянул на нее посол черного мага.

– При тебе? – изумленно подняла она бровь. – Я хоть и не магиня, но и не совсем глупышка. Знаю, как он осторожен и сколько проверок нам предстоит. И теперь наконец догадываюсь, почему ты с удовольствием выложишь ему каждое слово, которое здесь прозвучало.

– Просто у него заклинания подчинения мощнее моей защиты, – процедил Руалис и повернул к двери.

– А можно еще спросить? Но не отвечай, если за это тебя накажут, – крикнул вслед им Эгрис. – Сколько ему лет?

– Четыреста, – не оглядываясь, бросил глава Белой цитадели. – С хвостиком.

И вышел из зала, учтиво пропустив вперед герцогиню.

– И что нам теперь делать? – всхлипнула Ирсана, а ее муж оглянулся на Рорна, понимая, что только у того может быть ответ на этот непростой вопрос.

Однако дракона рядом с ними уже не было.

– Поверь, мне очень жаль, – пробормотал Руалис, когда они сошли с широкой веранды на ведущую в сад дорожку. – Ты могла бы отказаться.

– Не нужно, – остановила его хранительница. – Ничего не говори. Я давно знаю, что настоящая любовь – это не подарки и цветочки, а готовность идти за любимым всюду, куда потребуется. Нам не пора?

– Пора, – скрежетнул он зубами, обнял девушку за талию и открыл портал.

Через миг они оказались на месте, похожем на холм, большего Леа понять не успела. Кто-то резко вырвал ее из рук Руалиса и бросил в новый портал. Потом еще и еще, девушка сбилась со счета, не понимая, это у нее от непривычки темнеет в глазах или начинается новый переход.

Рорн предполагал, что хранительницу попытаются увести именно таким путем, и еще вчера снял с нее защиту духа источника. Тогда Леа в глубине души чувствовала себя преданной, зато теперь была невероятно благодарна дракону, ясно представляя, как горела бы сейчас вместе со стремительно сменяющимися проводниками.

После последнего перехода она очутилась в очень темном помещении и от беспорядочных вспышек света была бы почти слепой. Если бы не маленькая хитрость дракона, ставшая далеко не равноценной заменой прежних щитов, зато позволявшая ей отчетливо видеть все детали места, куда доставили ее рабы и ученики черного мага, и слышать малейшие шорохи.

Но показывать это хранительница вовсе не спешила, стояла

неподвижно, лишь зябко обхватила себя за плечи. В этом полутемном помещении было довольно прохладно.

– Замерзла? – спросил неожиданно звучный голос, но Леа только вздохнула.

Как ей объяснил дракон, черный маг обязательно попытается ее испугать и приручить, и разница лишь в том, какой способ он пожелает использовать первым.

– Мне нужно отвечать, – с нажимом заявил маг, сидевший прямо против нее в стоявшем на пушистом ковре большом удобном кресле.

– Так нечего отвечать, – снова вздохнула герцогиня. – Я пока не замерзла, просто слегка прохладно.

– За то, что ты жалостлива и предана своему жениху, – оповестил он строго, – я выполню одно твое желание. А вот ты за мою доброту расскажешь все, что знаешь про источники. И врать не советую.

– Зачем мне врать? – В первый раз прямо глянула она на хозяина этого места.

– Надеюсь, что незачем. Но для скорости буду задавать вопросы, а ты – отвечать.

– Согласна.

– Чем ты открываешь или закрываешь источники и как к ним попадаешь?

– Я открываю их прикосновением к ключевым камням и кодовыми фразами, но никуда не попадаю, – мирно ответила Леа.

– Как такое может быть? – зло прищурился черный.

– Все источники связаны с главным, – спокойно открыла ему тайну Леаттия, – тем, который под замком Брафорт. И оттуда можно отдать приказ любому.

– Но это невозможно, – неверяще смотрел маг. – Ты лжешь!

– Я говорю правду, которую две тысячи лет хранит мой род, – гордо подняла голову хранительница. – Систему источников создали старшие расы, уходя из этого мира. Они хотели, чтобы людям надолго хватило оставшейся магии, поэтому собрали самые сильные природные источники в одно огромное хранилище, и уже оттуда магия расходится по равномерно разбросанным по материке алтарям.

– Идем! – резко вскочил с кресла маг и быстро направился вглубь огромного помещения.

Громкий стук его сапог улетал в темные углы, отдавался от лишенных окон стен и свода, сложенных из огромных каменных плит, принося понимание, что никто здесь не живет. Это просто место, где колдун

встречает пойманных в ловушку жертв. Станным Леаттии казалось другое: слишком молодо и энергично выглядел ее похититель, даже седина почти не тронула черных волос.

Темная массивная дверь покорно распахнулась перед магом, и Леа поспешила его догнать, не уверенная, что ее будут ждать. Миновав длинный проход и несколько ведущих вниз лестниц, черный влетел в небольшое округлое помещение, обернулся и приказал:

– Ну, попробуй закрыть.

Хранительница медленно обошла вокруг стоящего посреди хранилища тяжелого базальтового алтаря, вырубленного в виде широкой вазы, и печально взглянула на мага:

– Я не смогу его ни открыть, ни закрыть. Это древний источник гномов, только они делали такие алтари в своих храмах. Их ключи находились глубоко под горами, и драконы не стали собирать эту энергию в общее хранилище, слишком много магии потребовалось бы, больше, чем оставалось в источниках. Никто не виновен, если он начал угасать, странно, что продержался две тысячи лет. Алтари драконов другие, и они везде абсолютно одинаковы, от размера и формы до надписи на стенах.

– Все-таки я не напрасно потратил столько сил, чтобы тебя добыть, – мрачно заявил магистр. – Сейчас мне нужно кое-что проверить, а ты пока будешь сидеть тихо как мышка. Хотя способностей в тебе нет... даже странно. Неужели драконы не могли оставить хранителями сильных магов?

– Драконы хорошо знали людей и понимали, что сильный маг непременно попытается нажиться на энергии, принадлежащей всем людям поровну, – горько вздохнула Леаттия и осторожно спросила: – А может,пустишь меня к Арвису?

– Он в камере, и там нет никаких удобств, – пристально наблюдая за ней, жестко ухмыльнулся маг.

– Мне все равно. Ты же не оставишь меня в покое, потребуешь открывать и закрывать нужные тебе источники.

– Это будет не очень скоро, – снова недобро засмеялся он. – Сначала я проверю, захотят ли твои друзья из темной гильдии спасти вас или оставят на произвол судьбы.

– Ты шутишь, – печально вздохнула хранительница. – Они уже убедились, что ты сильнее. И к тому же не знают, где твое убежище. Разве им по силам тягаться с тобой?

– Мне нравится, что ты не лжешь, – пренебрежительно буркнул черный, подумал и решил: – Я выполню твою просьбу, но запомни. Если попытаешься меня обмануть, пощады не жди.

– Интересно, как бы я могла это сделать? – рассудительно вздыхала Леа, шагая следом за ним по низким запутанным коридорам, а мысленно снова благодарила Рорна за совет: «Выдай ему все тайны, до которых он смог докопаться или додуматься. Все лживые и подлые люди больше всего злятся, когда кто-то обманывает их самих».

В очередном зале маг остановился, подождал пленницу и небрежно толкнул в клубившийся у его ног черный туман.

Обожгло лицо и открытую шею ледяной моросью, и вокруг застыла холодная мгла. А через мгновение из нее донесся отчаянный, полный муки стон:

– Нет!

– Арвис!.. – ринулась Леа, узнав голос любимого.

– Не подходи, – уперлась ей в плечо ладонь, и послышалось звяканье цепи.

– Почему? – не поняла герцогиня.

– Он сжег всю одежду, – скрипнув зубами, признался дагорец, понимая, что долго ее не удержит.

– Зачем?

– Боялся ловушек, – с недоброй усмешкой буркнул Арвилес.

– Но ты же замерзаешь! – встревожилась Леа.

– У меня осталось немного магии, как раз на тонкий купол.

– А остальная?

– Он выжал – гонял меня, пока я не выдохся. А здесь пополнить нечем, источник слаб, и сквозь скалы почти ничего не доходит.

– Значит, сначала тебя нужно одеть. – Полуотвернувшись от жениха, Леаттия начала снимать шаровары, не желая признаваться, что дар дракона действует все сильнее и мгла начинает понемногу светлеть. – Вот, держи.

– Что это?

– Одежда. Тебе помочь?

– Сам, – резковато отказался Арвилес и загремел цепями.

– А ноги у тебя тоже прикованы?

– Нет. Только ошейник.

– А снять его ты не можешь?

– Смог бы, – вздохнул он и тихо шепнул: – Иди сюда, дальше я не достаю.

– Арвис... – задохнулась от счастья и боли хранительница, оказавшись в его руках.

Опасливо провела ладошкой по лицу любимого, по голым плечам и груди, проверяя, цел ли он, нет ли ожогов или ран. И смущенно всхлинула

в ответ на нежный поцелуй.

– Я думала, ты будешь на меня ругаться, когда увидишь.

– Я похож на нервного идиота? – насмешливо фыркнул дагорец, опускаясь на кусок грязного одеяла, и притянул к себе невесту. – Ругаться, когда ты уже здесь? Оказавшись в ловушке, кричат, рычат и обвиняют во всем других только истеричные, слабохарактерные дураки. Ты же не считаешь меня таким?

– Ты самый лучший, – уверенно заявила Леа и, забыв про стеснительность, обвила руками его шею. И тут же охнула, ощутив, как кольнуло горячими иголочками кожу рук. – Джар... а твоя цепь... в ней магия?

Последние слова девушка произнесла еле слышно.

– Особое заклинание, – с ненавистью выдохнул он. – Если я попытаюсь ее снять или порвать, оно закроет выход из камеры огромным камнем... мне показали.

– А как тогда хозяин попадет сюда?

– Наверняка с той стороны есть другой рычаг. Но забудь о нем, расскажи что-нибудь.

Леа осторожно оглядела из-за его плеча камеру и подавила огорченный вздох, не заметив ни воды, ни еды. Черный маг очень постарался устроить пленника так, чтобы тот тратил последние крохи магии на самые насущные нужды и не помышлял о побеге.

– Арвис, мы с тобой обо всем поговорим, но сначала... – Девушка достала из пояса обычную портновскую булавку и резко вонзила в свой палец. Поглядела на налившуюся темную каплю и попросила: – Открой рот... только молча, любимый.

Он не произнес ни слова, послушно слизал солоноватые капли и магией исцелил крохотную ранку, с печальной усмешкой отметив, что вовсе не так представлял себе вступление в семейную жизнь.

Потом они сидели в обнимку, целовались и шептались, и Леа рассказала и про комнату Тана, и про щенка. И даже про приезд отца и мачехи Джара. Ни слова не сказала лишь о еде и воде. О том, сколько времени уже здесь находится, тоже старалась не вспоминать.

Да еще они дружно помалкивали о будущем, боясь спугнуть смелыми надеждами капризную удачу. Но в душе просто не могли не мечтать о том моменте, когда вырвутся из этого холодного и жуткого места, так как точно знали, что нет сейчас во всей темной гильдии ни одного сильного мага, который бы так или иначе не пытался их найти.

Не говоря уже про дракона.

Им истово, до боли в сердце, хотелось верить, что скоро вспыхнет свет и из узкого прохода выскочит он или Эгрис.

И свет наконец появился, прямо под потолком, на миг ослепив их внезапностью. Но, еще не успев рассмотреть принесшего его, узники почувствовали, как стремительно рушатся все их мечты о чуде.

Посреди камеры стоял злобно шипевший черный маг, и от него пахло дымом, кровью и чем-то мерзким.

– Сидите? Милуетесь? – яростно выплескивал он неистовую ненависть на вскочивших пленников. – Нашли способ навести на меня своих прихлебателей и заранее радуетесь? Думаете, скоро вас вынесут отсюда на ручках праздновать победу? Да не родился еще тот, кто меня обхитрит!

– Ты ошибаешься, – доброжелательно произнес Арвис, потихоньку задвигая Леаттию за себя, – мы никак не могли...

Договорить он не успел.

– Штанами разжился и осмелел? Забыл уже, как тут корчился? – Взбешенный маг злобно оскалился и легонько махнул в их сторону ладонью.

Жаркая волна гудящего пламени ринулась на узников, и побледневший Джар мгновенно истратил остатки энергии на скудный щит. Одновременно прикрывая собой притихшую хранительницу и крепко придерживая ее левой рукой, чтобы не совалась под пламя.

Он не сразу понял, что происходит, когда над ухом уже привычно звякнула цепь, но оглянуться не успевал. Бдительно следя за сжирающим щит огнем, поймал момент, когда остался без защиты, и поспешил прикрыть лицо локтем свободной руки.

Тихо гудящее пламя окатило тело жаром и вдруг почему-то отступило. В этот момент шею дагорца резко дернула внезапно натянувшаяся цепь, и Арвис согнулся от неожиданности. Но тут же изумленно повернулся к невесте, не веря, что ей удалось оборвать вмурованную в стену цепь. И снова потрясенно замер, услышав за спиной грохот обрушившейся в проход каменной глыбы.

В этот раз он оглянулся стремительно, и пару секунд все дружно глядели на запертый проход. Черный маг опомнился первым, вмиг окутался посверкивающими искрами щитами и ядовито прошипел:

– Подобной глупости я от вас никак не ожидал.

Он ударил сразу целым букетом заклятий, явно стараясь причинить посмевающим бунтовать узникам как можно больше страданий. На беззащитных пленников полетели острые куски льда и раскаленные угольки, брызгали ядом вьющиеся под потолком призрачные змеи,

стелился по полу удушливо-едкий дым.

Арвис стремительно отвернулся от расшвырянутого врага, обхватил обеими руками любимую и крепко прижал к себе, пряча ее лицо на своей груди. А потом зажмурился и, стиснув зубы, ждал, когда в спину ударит лавина обжигающей боли.

И не видел, как исказилось от ужаса лицо черного мага, внезапно обнаружившего, что все магические снаряды, срикошетив от стен и абсолютно невредимых узников, летят назад, прямо на него. В панике маг усилил защиту и через секунду оказался в жарком кольце сторающих куполов, заклятий и мгновенно вскипевшего льда. Он уже понимал, что сейчас тут выгорит весь воздух, и ему уже не успеть создать открывающее выход заклинание.

Со жгучей злостью маг уставился на крепко обнявшихся влюбленных, проклиная и их, и собственную неосмотрительность. И снова замер в потрясении, разглядев сквозь пламя и дым тающие в сиреневом мареве фигуры.

Полный звериной ярости и тоски вой осознающего свою гибель колдуна понесся им вслед, но хранители его уже не слышали.

Эпилог

– Мы в раю? – не отпуская любимую из крепких объятий, недоверчиво хмурился Арвис, оглядывая невероятно светлое помещение с большими окнами, зеркальными простенками и высоким сводчатым потолком.

– Почти, – счастливо засмеялась прильнувшая к нему Леаттия. – И как мне обещали, тут есть все – и купальня, и еда, но у нас мало времени. Мне нужно умыться, этот ужасный запах стоит в ноздрях.

– А мне переодеться, – глянув на свое отражение, выбрал маг, но сначала припал к губам невесты нежно, страстно и истово, вознаграждая себя и ее за еще не выветрившийся из сердца ужас непоправимой потери.

Лишь через несколько минут, виновато улыбаясь, Леаттия отстранилась от любимого и ускользнула в умывальню. У нее оставалось еще очень важное дело, и забыть о нем она не могла.

Арвис первым делом осмотрелся, обнаружил накрытый стол, но есть не стал, только жадно выпил пару больших бокалов кисленького взвара и отправился искать себе нормальные штаны.

Украшенная изящной резьбой дверца сама открылась перед магистром, и он оказался в гардеробной, где висела и лежала одежда всех стран. Подумав, Арвис выбрал вещи, похожие на те, какие сжег проклятый Гетсан. Сжег прямо на пойманном в ловушку дагорце, заставляя потратить на исцеление последние крохи сэкономленной энергии. А вот почему заклинания черного оказались бессильны в последний раз, похоже, следует спросить у невесты.

Или можно уже называть свою звездочку женой? Ведь вовсе не общая постель делает двух людей семьей, что бы там ни говорили рвущиеся замуж девицы и их маменьки. А единство душ, когда понимаешь любимого человека, как себя, веришь ему беспрекословно и боишься потерять до дрожи в коленях, до остановки сердца.

– Арвис, мы уже едим! – донесся до него голос любимой, и маг поспешил на этот зов, заинтригованный словом «мы».

Они и в самом деле ели, и если Рорн уже привычно поглощал все подряд, то Леаттия следила за ним с незнакомым умилением.

– Ты понимаешь, – встретила она дагорца сияющим взглядом, – он все-таки сумел.

– Я рад, – стгорая от нежности к ней и понимая, что скрывать это не может, да и не хочет, чуть ворчливо буркнул маг, – но буду просто счастлив,

если узнаю подробности.

– Рорн порвал свою связь с источником, – мягко пояснила Леа, – иначе он не смог бы перенести нас в другой мир.

– В какой еще мир? – опешил Арвис, чувствуя, как душу обдало холодом неминуемой потери.

– Вот он и ответил на главный вопрос, – фыркнул дракон и уставился на девушку испытующим взглядом. – Теперь решать тебе. Подумай хорошенько.

– Нечего мне думать, – уверенно мотнула головой Леа. – Я с ним.

– Куда ты со мной? – все сильнее мрачнел Арвис, начиная подозревать, что случайно сделал неверный выбор.

– Объясни ему, – приказал Леаттии дракон, продолжая торопливо поглощать все подряд.

– Сначала пусть поест, – заупрямилась она, подвигая мужу блюдо с мясом. – Ему даже воды не давали.

Севший рядом с ней магистр рассмотрел во взгляде жены такой яркий букет из щемящей нежности, заботы, извечной женской жалостливости и любви, что задохнулся от счастья. Еще приправленного горчинкой недавнего оглушающего ужаса, когда он считал, что в их жизни больше ничего уже не случится. Ни доброго, ни печального.

– Тогда я сам, – стрельнул в них насмешливым взглядом дракон и со вздохом сказал: – Еще сооружая источники, мы знали, какую тяжкую ношу взвалим на плечи хранителей, и понимали, насколько это несправедливо. Самых лучших, честных и преданных людей обрекать на жизнь, полную смертельной опасности, ловушек и интриг. Потому и приготовили им награду. В ближайшем свободном мире, имеющем все необходимое для жизни, вплоть до магической энергии, построили поселок, куда дух отправляет всех безвременно погибших или вынужденных уйти из жизни хранителей.

– То есть... – ошеломленный невероятностью этого признания, никак не мог подобрать слова новый хранитель.

– Да, – нежно погладила его руку Леаттия. – Меня посвятили в эту тайну, когда я открыла первый источник. Но сказать тебе тогда не имела права. Мои родители сейчас здесь, и тетя, и другие родственники. И не только они, каждому хранителю позволено привести сюда самых верных и честных помощников и друзей. После перехода у всех открываются способности к магии.

– Но у тех, кто ушел сюда не по собственному желанию, – добавил дракон, – а попал, как вы, перенесенный в последний момент, есть право

выбора. Остаться тут или вернуться.

– А ты хотела остаться? – Арвис наконец осознал, как много теряла любимая, безоговорочно принимая его выбор, и почувствовал себя подлецом, думающим только о себе.

– Нет, – глядя ему в глаза, светло улыбнулась она. – Мне лишь хотелось их увидеть и сказать спасибо. Но моя жизнь теперь там, с тобой, Таном, Санди, Миралиной, Эгрисом, Лабертом и Вельтоном. И, конечно, с людьми. С жителями нашего герцогства и других стран, с горожанами Югрета и Гореном, который еще не понял, что давно сделал свой выбор, с детьми, которые живут в Гардесе, с магистром Белой цитадели и даже с фрейлинами. А сюда мы когда-нибудь придем... и всех их увидим. Тут живут очень долго.

Арвис не выдержал, притянул ее к себе, крепко прижал и замер, понимая, как сказочно ему повезло.

Он готов был сидеть так сколько угодно, но вспомнил, что любимая полдня ничего не ела, и нехотя отстранился.

– Тебе нужно поесть. – Некоторое время он и сам торопливо поглощал все подряд, стараясь изгнать из памяти холод подземелья и соленые орешки, которые изредка себе создавал, чтобы заглушить голод и жажду. А потом устался на Рорна. – А ты больше ничего не хочешь объяснить?

– Лучше я, – почему-то засмеялась Леаттия, лукаво поглядывая на дракона. – Рорн сердит на себя за то, что сделал из меня маяк. Но он не мог поступить иначе: дух не имел ни малейшей возможности добраться до гномьих владений, куда случайно нашел проход черный маг.

– Гетсан, – с ненавистью произнес дракон. – И ему на самом деле четыреста лет. Гномы – ужасные скряги. Уходя из родного мира, не стали ничего уничтожать, просто не сумели. Завалили все проходы в свои владения, а последний заперли мощными заклинаниями. За полторы тысячи лет оно ослабело, и маг сумел открыть вход. Черный бродил там веками и постепенно все нашел – и зелье молодости, которое гномы покупали у эльфов, и старые книги. Он неплохо там жил, пока не начал замечать, что ему не хватает магии. Сначала Гетсан заряжал себе камни на источниках Харказа, потом ему это надоело, и он создал тайную черную гильдию. Ему было чем платить молодым черным магам за службу. А двадцать лет назад прибрал к рукам и Руалиса вместе со всей цитаделью. Постепенно он догадался, что тайны Югрета и источников как-то связаны, и решение этой загадки стало его назойливой идеей. Гетсан даже заподозрил существование хранителей и отправил в Югрет своих шпионов, собираясь через несколько лет взять власть над Брафортом и пробудить его

источник. Догадка черного полностью подтвердилась, когда мы спасли жертв, но он проверил все еще раз. А убедившись в правоте своих выводов, решил, что пришло время стать герцогом. И правителем всех источников.

– А про маяк? – обдумав услышанное, уточнил Арвис, хорошо запомнивший странный намек жены.

– С ним все просто, – ринулась защищать помрачневшего дракона Леа. – Когда знаешь, конечно. Дух тебя найти не мог, зато это было под силу свободному дракону, имеющему надежный маяк. А таким мог стать только другой дракон или человек, получивший каплю драконьей крови. Вот он и дал ее мне, сначала сняв всю защиту.

– Ты пришла туда без защиты? – обомлел от запоздалого страха за любимую Арвис.

– Драконья кровь ничуть не хуже, – успокаивая, нежно погладила она любимого по щеке. – Дракону не причинит вреда ни одно стихийное или ментальное заклинание.

– Но ты же не дракон? – еще сомневался маг. – Тем более я.

– Одной капли крови достаточно, чтобы магия тебя признала. А войти в портал с прежней защитой я бы не смогла, ты же знаешь. Зато теперь по драконьим законам мы считаемся ему родственниками, младшими сестрой и братом. А спасение попавших в беду родичей по закону драконов всегда важнее всего остального. Потому Рорн и сумел порвать связь с источником, чтобы свободно передвигаться по всему миру.

– Спасибо, – поблагодарил Арвис и недоверчиво ухмыльнулся, – дорогой братец. Но тогда я не понимаю, почему ты искал нас так долго?

– Нужно было на некоторое время выманить черного из его убежища, – и не подумал обижаться на упрек магистра Рорн. Драконья кровь настолько сильна, что обязательно усилит в характере обращенного врожденные независимость и гордость. – Чтобы вывести всех рабов. А потом вымотать – он таскал на себе не один десяток напоенных магией камней и амулетов. Ну и, разумеется, заставить негодяя показать дорогу к вашей камере. Вы же прекрасно знаете правило портала: пробить мгновенный проход сквозь толщу скал никому не дано. Даже мне.

– Тогда как же мы прошли через тот камень?

– А вот убрать плиту и через миг вернуть ее на место под силу любому дракону, – засмеялся Рорн и поднялся. – Нам пора возвращаться. Если вы не против, я еще немного поживу в вашем дворце, пока не исправлю все накопившиеся за века огрехи. И первым делом верну хранителям отнятую когда-то способность к магии, чтобы они не чувствовали себя бедными родственниками темных магистров.

– Неужели ты мог подумать, что тебе хоть кто-то будет не рад? – укоризненно глянула на спасителя Леаттия и осторожно осведомилась: – Мне одно непонятно – как теперь дух будет нас узнавать?

– По драконьей крови, – уверенно усмехнулся дракон, сгреб новоявленных родичей и поспешил открыть портал.

Дух источников сообщал, что возле алтаря тронного зала горько рыдает главный жрец, первым осознавший ужас и безвозвратность случившегося. И его нужно было срочно успокоить и подлечить, у старика в последнее время сильно сдало сердце.